

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

на 1826 годъ

А. Измайловъ.

Aimez qu' on vous conseille et non pas qu' on
vous loue
Boileau. *L' Art poétique.*

~~~~~  
ЧАСТЬ XXXIII.  
~~~~~


САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1826 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предспавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Декабря 11 дня, 1825 года.

Цензоръ Александръ Виріковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — № VII.

ВЕЧЕРЬ НА АЛЬПЙСКИХЪ ГОРАХЪ.

Осенній день догараль; смерклось въ долинахъ; розовымъ огнемъ пылали снѣжныя вершины горъ опъ лучей западающаго солнца; ярко блиспали звѣзды на небѣ — и луна золошою спруею колебалась пихо на поверхности гладкаго озера; вечерній вѣшерокъ едва шешаль въ листахъ зрѣлаго виноградника и спруиль прибрежныя воды, пихо плескавшія въ ущеліяхъ утесовъ; угрюмыя скалы высокою грядою смопрѣлись въ свѣплыя волны. Андрей, спарець согбенный лѣшами, сидѣль на порогѣ своей хижины и ждалъ своихъ дѣшей и внуковъ. Изсохшая рука его поддерживала сѣдую голову; но лице спарца было свѣже и спокойно, какъ спокоень осенній вечерь.—Вошь раздался рожокъ, созывающій спаша, и звукъ қококольчика съ горъ идущихъ коровъ; заскрыпѣли шельги, нагруженныя гроздами, и спарикъ спѣшилъ встрѣшитишь любезныхъ внучашъ.

Никогда не былъ онъ такъ радостенъ, какъ среди своего многочисленнаго сѣмейства, когда рассказывалъ про жизнь давнишнихъ лѣтъ своихъ—лице его прояснялось, морщины изглаживались и онъ самъ казался молодѣль. —

“Добраго вечера! любезный дѣдушка!”, — кричали еще издали его маленькіе внуки—и бросились обнимать добраго дѣдушку. “Въ зиму мы будемъ богаты—посмотри сколько винограду мы привезли — полныя шелѣги! И какой же крупный! Совсемъ не то, что у нашего сосѣда: весь заросъ правою и завяль!”, — Тупь они по-ропливо усаживались на скамѣйкахъ—или на зеленую праву; иные гнѣздились у ногъ добраго дѣдушки — и всѣ припихли, ибо онъ имѣлъ обыкновеніе всегда по вечерамъ, когда внуки возвращаясь съ работы, рассказывать имъ маленькія повѣсти и сказочки.

—Бѣдный! жаль сосѣда!—сказалъ спарикъ со вздохомъ — смотришь, любезныя дѣти, всему виною худыя привычки! — Сосѣдъ не былъ дурной человекъ, но рано приспирасился къ вину и съ шѣхъ поръ бросилъ хозяйство — а теперь радъ бы опсташь—да не можешь...

Послушайте дѣши! видите ли вы на этой скалѣ какъ воронъ чернѣюшъ спѣны древняго замка; дворъ заглохъ крапивою и полынью и только совы живущъ въ опуспѣлыхъ спѣнахъ его—памъ, еще дѣдъ мой чушь запомнишь, жилъ богачый господинъ, спрашно любившій охошу. — Упренняя заря заславала его на высокихъ спремнинахъ, съ сумкою и ружьемъ за плечами. При закатѣ солнца, онъ еще бродилъ по горамъ—и въ глухую полночь, по шруднымъ пропинкамъ, пробирался ощупью домой съ вѣрной добычею. Никакая шрудность не могла удержашъ его: какъ легкая серна, прыгаль онъ по крупымъ скаламъ; лѣпился на опвѣсныя спѣны, и какъ будпо вися между небомъ и землей, пробирался на верхъ. — Не такъ былъ спрашенъ сильный орель для бѣдныхъ сернь: лишь бы завидѣшь, мѣшкакая рука его вѣрно поражала. — Ни глубокия пропаспи, ни ущелины, ни бысприя ручьи, ничшо не спасало бѣднаго живошнаго.—Весело выходилъ онъ съ разсвѣпомъ на горы; еще веселѣе возвращался домой, неся за плечами убишую серну. — Такъ, любезные дѣши, случается и въ жизни:

если мы съ перпѣніемъ сносимъ всѣ неприянности и печали, то всегда получимъ награду—покой сердца и веселье; а это дороже всѣхъ богатыхъ домовъ Женевы—и не трудно достать: только надо идти прямою, честною дорогою.—

Однажды вышелъ онъ на горы и поздно вечеромъ возвращался домой съ добычею за плечами. Густыя пучи подымались изъ за горъ; охотникъ, пробираясь по утесамъ, завидѣлъ спядо прыгающихъ сернь по крутой спремнинѣ въ пропасть. Жадными глазами сморгнулъ онъ на богатую добычу и счипалъ ее своею. — Уже дождикъ накрапывалъ; охотникъ подошелъ подъ нависшій утесъ, прислонилъ ружье къ выдавшемуся камню, досталъ изъ сумы порохъ, зарядилъ ружье и полку приписнувъ бумагой — нагнулъ подъ плечо, что бы оно не промокло — вписнулъ убийшую серну въ расщелину, спалъ на край утеса, измѣряя глазами крутизну—и въ первый разъ почувствовалъ ужасъ при видѣ бездны.—Но въ это время на другомъ концѣ — серны спройнымъ рядомъ игриво спускались въ глубину — и надежда богатой и вѣрной добычи побѣдила его спрахъ

—На краю каменной горы спояль высокій развѣсисшій пополь, глубоко впуспившій корни въ ращелину скалы; на гуспой вершинѣ его жили сѣрые орлы; охопникъ нагнуль полспшій сукъ и повисши, на немъ, спуспился на край пропаспи.—Ноги его скользили по гладкому гранишу, кровь кипѣла опъ неперпѣнья, ноги дрожали, не швердо опираясь о камни.—

Закинувъ ружье за плеча и, держась за узкія прецины извеспковой скалы, спуспался ниже и ниже смѣлый охопникъ и искаль ногами выдавшася бугорка. — Часпо они не находили опоры и онъ висѣль на рукахъ; оспрые камни впивались въ опягченныя руки; кровь шекла ручьями, оставляя слѣды на извеспковыхъ спѣнахъ. Камень вдругъ опламываешся, рука оборвалась, охопникъ лешипъ ... нога его вспрѣчаетъ шрехъугольную плишу и онъ успѣль крѣпко прильнушь къ ней гвоздями. Охопникъ видѣль опасноспи; раска-

*) Извѣспно, что Швейцарскіе охопники подбиваютъ свои сапоги большими гвоздями, что бы безопаснѣе ходишь по скаламъ.

являлся въ своей безразсудности— хопѣль
 возвратишься назадъ; но уже край про-
 пасши былъ высоко и сливался во мракѣ
 съ оплогоспію скалы— хвапался за спѣ-
 ну, но она была гладка; окровавленные
 руки скользили, не находя опоры; гвозди
 оборвались и онъ опяшь... ринулся въ глубь;
 жалобный спонъ его раздался въ спраш-
 ныхъ крупицахъ и исчезъ въ воздухѣ. —
 Есть въ сей пропасти острая скала, о-
 порванная опъ горы временемъ; ущеліе ея
 наполнено обломками, падающими сверху;
 сюда-то со спремленіемъ упаль охощникъ
 и своимъ паденіемъ нарушилъ сонъ недвиж-
 ныхъ камней; съ шумомъ капяпся въ про-
 пасъ мѣлкя плишы и движущъ большіе
 камни — прещущій охощникъ неволью
 капишся внизъ. Онъ спремился уха-
 пишь край скалы; но камни уносяшь его
 и рука его щещно ловишь воздухъ. —
 Уже онъ давно забыль о сернахъ и видѣль
 полько собспвенную смершь. Здѣсь, въ
 ужасномъ мракѣ, примѣчаешъ небольшое
 дерево, кошорое едва ушвердилось слабы-
 ми корнями въ узкой прещинѣ граниша;
 хвапаетъ за понкіе сучья и висишь
 между жизнию и смерпію. — Рокопы гро-

ма съ глухимъ прескомъ опдавались между высокими горами, шакъ что пряслись основанія ихъ; яркая молнія разсѣкала мракъ и освѣщала бездну. Охопникъ взглянулъ померкшими глазами и увидѣлъ при яркомъ свѣтѣ молнии — ужасное дно; огромные змѣи вились шамъ съ шипѣніемъ; глаза ихъ сверкали во мракъ, ожидая пожрашь погибающаго. — Кровь оледенѣла въ жилахъ охопника; руки, въ судорожномъ препешаніи, обагреныя кровью, не въ силахъ были держашъ его...дерево опъ тяжеспи прещало и грозило паденіемъ. Рыдая, молился онъ въ раскаяніи Тому, Кошорый на краю смерспи споящимъ подаетъ руку помощи и вдругъ — корни преснули, рухнуло дерево и охопникъ ... Не бойшесь, любезные дѣпи: Богъ внимаетъ молишвамъ, когда мы просимъ съ раскаяніемъ. Ноги его въ паденіи ощупали узкую пропинку, и призывая въ помощь благое Провидѣніе, лѣпился онъ на другую сторону почспи опвѣсной скалы и съ пакими же трудноспиями доспигъ высокаго края пропаспи, и изнеможенный смерпельнымъ спрахомъ, испекшій кровію, упаль безъ чувспвъ на хладные камни. —

На другое утро охотники нашли его разпросмертаго, почти бездыханнаго; но онъ возвратился къ жизни, и съ шѣхъ поръ ужасался даже и взглянушь въ пропасть. —

Вошь, любезные дѣти: когда мы сдѣлаемъ дурное дѣло, совѣспь лишаемъ насъ спокойствія. Какія мученія и страхъ волнуешь нашу душу, когда мы совращаемся съ пути честности? И какъ трудно бываетъ возвратиться съ пути гибельнаго грѣха, когда уже утвердилась въ насъ привычка къ нему! Но знайте — никогда не поздно обратитесь къ милосердому Творцу; Онъ спасаетъ насъ отъ гибели, ежели мы призываемъ Его съ искреннимъ раскаяніемъ.

В. Троицкій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Охотскѣ.

1.

На *кошкѣ* (1) дрсвяной, гдѣ въ нѣдра Океана
 Напоромъ яростнымъ неукропимыхъ струй
 Вливающъ дань свою Охоша и Кухшуй,
 Близъ грозной высоты подножій *Марекана*

(2)

Поспроенъ малый градъ, перль Роскаго
 вѣнца,
 Лучъ славы на берегахъ бесплодныхъ и да-
 лекихъ,
 Достойный возбудишь и мыслей бѣгъ вы-
 сокихъ

И жаръ въ груди пѣвца.

2.

Здѣсь важное звѣно той безпредѣльной
 крѣпи,
 Кошорою Орель — при громѣ ошъ похвалъ,
 При блескѣ молніи — полсвѣща оковаль
 Прияшной шягопой единомушья цѣпи.
 Ошсель - шо Исполинъ по безднамъ, по мо-
 рямъ
 Просперъ могущу длань ошъ гаваней Кам-
 чашки,

До Уналашки, Сипки, Апки,
Къ Америки брегамъ.

3.

Уракскаго хребта кремнистая вершина
Вдали опрѣзала опъ юга небосклонъ;
На сѣверъ—Мареканъ; на западъ—съ двухъ
споронъ,
Между высопъ, лежишь лѣсистая равнина;
Къ воспоку—Океанъ съ громадой зимнихъ
льдовъ.
Все пусто; лишь волна, по берегу взбѣгая,
Шумишь — лишь влажный вѣпръ, уныло
завывая,
Разносишь шамъ лай псовъ.

4.

О любопышный край! шы знаемъ для не-
многихъ
И прелести швои не всякій замѣчалъ;
О важности швоей не всякій разсуждалъ,
Смошря на низкій рядъ домовъ и юршь
убогихъ.
На почвѣ дресвяной не зеленѣешь злакъ;
Скалы безплодныя, буншующія воды;
Повсюду зришь видъ разгнѣванной при-
роды
И разрушенья знакъ.

5.

Но есть убѣжище и для минувъ приащ-
 ныхъ,
 Гдѣ можно опдохнуть на зелени луговъ.
Булгинъ (3)! среди швоихъ разбросанныхъ
 кустовъ
 Хочу понѣжиться на правахъ ароматныхъ
 И освѣжишь себя кристальною струей ...
 Здѣсь—камень и древа, шамъ—милая при-
 рода!
 Какъ сердцу дороги безпечность и свобода
 И сладосный покой!

6.

Люблю въ кругу людей веселыхъ, опкром-
 венныхъ,
 Въ кругу *Морскихъ*, зимы дни мрачные
 дѣлишь;
 О буряхъ, о скалахъ, о вѣпрахъ говоришь;
 О спранствіяхъ въ моряхъ опасныхъ, оп-
 даленныхъ.
 Разказъ ихъ дышетъ сей ученой простотой,
 Кошорая уму и сердцу вдругъ вѣщаетъ;
 И Кронъ невидимо день за день увлекаетъ
 Съ унылою зимой.

7.

Но прилетишь весна — градъ закипишь
 народомъ:
 Тамъ производися спроеніе судовъ;

Тупь караванъ идешь избъ за семи хреб-
товъ (4);
Здѣсь вводится фрегатъ и радуешь при-
ходомъ.
Тамъ кладъ Компаніи грузяшь; шамъ верфь,
а шупь
Толпа прощается—ужь подняты вѣтрила...
Вездѣ дѣятельность и умственная сила,
Вездѣ лешаешь шрудь.

8.

А здѣсь—корабль въ виду на дрейфъ оста-
новился.
Достойный зрѣнія и гордоспи предметъ!
Онъ изъ Кронштадта шель, онъ округилъ
весь свѣшь;
И цѣлый свѣшь пловцу искусному дивился.
Безсмертный ПЕТРЪ, проснись! Узнаешь ли
свой флосъ?
Се чада ботика! Благое Провидѣнье
Спезею дивною ведеть на возвышенье
Твой избранный народъ.

9.

Взойдемъ на башню; глазъ вооружимъ пру-
бою
И любопытный взглядъ проспремъ по безд-
нѣ водъ...

Бѣдѣють парусы...еще корабль плывешь...
 Супруга, мать, сестра, знакомые, полною
 Бѣгушь родителей, супруговъ обнимаешь...
 “Безъ вѣспи цѣлый годъ! Ахъ, сердца все
 изныло!,,

Увы! какъ тягостно бышь рѣзно съ шемъ,
 что мило!

Какъ весело встрѣчаешь!

10.

Здѣсь гавань спрашная судамъ иноплемен-
 ныхъ:

Для нихъ невѣдомо премѣнчивое дно;
 Лишь Русскіе суда, везущія горно,
 Проходяшь средь мѣлей опасныхъ, сокровенныхъ.

Но горе пушнику, когда Эоль лешишь
 Чрезъ гордые верхи ушесовъ Марекана!
 Взбугрился яростно морская влага слаба
 И всюду смерть грозишь!

11.

Тогда—спѣши, пловець, опъ береговъ опа-
 сныхъ;

Спѣши, чшобъ силою разсвирѣввшихъ волнь
 О дно кремнистое не разлетѣлся чолнь...
 Вотще даешь сигналъ; въ минутахъ сихъ
 ужасныхъ

Нѣшь избавителя! но счастье съ побой.

И Россѣ, что міру дася примѣры и законы,
 Повсюду побѣдишь прошивныя препоны
 И власшвуешь судьбой.

12.

Бышь можешь, нѣкогда свирѣпыми волнами
 Подроешь, рáзорвешь, пошопишь, испре-
 бишь,
 И мѣспа не найдушь, гдѣ нынѣ градъ споишь,
 Рожденный нуждою, воспитанный трудами..
 Нѣшь, Россѣ! не возмущай безвременно швой
 слухъ;
 Дерзай! Въ день яростныхъ природы из-
 мѣненій,
 Тебя спасешъ швой Богъ, шебя спасешъ
 швой Геній,
 И швой геройскій духъ.

Охотскѣ.

И. Козловѣ.

16 Декабря 1825.

~~~~~

Прилѣганія.

- (1) *Кошка*—Мысь изъ мѣлкаго камня, морскаго хряща, на кошоромъ споишь городъ.
- (2) *Мареканѣ* — бывшая огнедыщущая гора.
- (3) *Булгинѣ*—Урочище близъ рѣки Кухшуй, въ 4 верстахъ ошъ Порша.
- (4) *Изѣ - за - семи хребтовѣ* . — Почшовый верховый шракшъ изъ г. Якушка въ Г. Охотскѣ.

~~~~~

Тоска.

Романсѣ.

Какъ мраченъ опзываетъ швой,
 Тоска, удѣлъ души больной!
 Какъ врана въщій крикъ въ долинь,
 Какъ шепотъ сумрачныхъ деревъ,
 Какъ волнь, кипящихъ на плошинъ,
 Несется одинокій ревъ—

Такъ гореспной Мальвинѣ
 Ужасенъ мрачный опзываетъ швой,
 Тоска, удѣлъ души больной!

*

Какъ въ ушро чистъ эфиръ,
 Какъ вьется въ пишинѣ Зефиръ,
 Играя пополей лисшами;
 Какъ сладко жавронокъ поешъ —
 Или, порхая межъ цвѣшами,
 Пчела душистый нектаръ пьешъ—

Такъ, съ легкими мечшами,
 Казался мнѣ печальный мѣръ,
 Когда Менандръ меня любилъ!

*

Увы! послѣдній часъ,
 Когда любовь ласкала насъ,
 Какъ сладко въ сердцѣ опзывался!
 Когда прошла пора любить,
 Еще невѣрный общался,
 Еще Мальвину не забышь!

Но счастья мигъ промчался!
 День въ сумракѣ ночномъ угасъ—
 И пролетѣлъ желанный часъ!

*

Какъ мраченъ опзывъ швой,
 Тоска, удѣлъ души больной!
 Проснись, печальный вѣспрь, въ долину!
 Осыпья, желшый лиспъ, съ деревъ!
 Кипише, волны, на площинѣ
 И разносите помный ревъ!

Осшавленной Мальвинѣ
 Знакомъ ужъ мрачный опзывъ швой,
 Тоска, удѣлъ души больной!

* * * *

~~~~~

Мои Воспоминанія.

Сладко вспомнишь время прежде,
 Погрустишь о милой родинѣ;
 Сладко вспомнишь дни счастливые,
 Дни невиннаго младенчества,
 Дни, въ кошорые я горести
 Зналъ по слуху, не по опыту,
 И скрываясь въ неизвѣстности,
 Находилъ неясны радости —
 Рай земной—въ глазахъ родителей.
 Ахъ! промчались дни блаженные,
 Въ кои бѣгаль я за бабочкой,
 Строилъ каршочные домики,

И рассказы слушала дивныя
 Дорой Фёклы Поликарповны,
 Дорогой мой прабабушки,
 О лукавыхъ вѣдмахъ Кіевскихъ
 И о Русскихъ добрыхъ молодцахъ!
 И шеперь еще мнѣ чудится,
 Какъ лице мой прабабушки
 Покрывалось смершной блѣдностью,
 При рассказахъ о Горыничѣ,
 Красныхъ дѣвицъ похищителѣ:
 Но когда въ часы веселые,
 Намъ бывало Поликарповна
 Говорила объ Иванушкѣ,
 То моложе спановилася
 Двадцатью годами цѣлыми.

Помнишь, однажды въ сумерки,
 Богатырскихъ дѣлъ наслушавшись,
 Захопѣлъ и я быль молодцемъ —
 Съль верхомъ на жердь предлинную,
 И схватя копьё дубовое,
 Со щипомъ—лубкомъ опсправился
 По слѣдамъ Полкана храбраго,
 Посклизнулся и (къ несчастію)
 Богатырскій насъ безжалоспно
 Въ кровь разбилъ о землю Русскую.

Такъ, шекли мои дни—мѣсяцы:
 Но увы! попомъ наскучили
 Мнѣ рассказы Поликарповны;

Бросилъ я Полкана славнаго—
 Промѣнялъ Бову на Кесаря *),
 Переспалъ ловишь я бабочекъ
 И гоняюся за счастьемъ;
 Переспалъ я спроишь домики,
 Спрою замки лишь воздушные;
 Не боюсь Русалокъ прелесшей,
 Но красавицы опаснѣе
 Для меня Русалокъ хитроспныхъ:
 Ахъ! спрашусь очарованія,
 Ручки бѣлой, ножки маленькой,
 И глаза Лизеты томные
 Унесли мое спокойствіе:
 Вошь судьбой какою чудною,
 Всѣ гремяшки я прошедшія
 Замѣнилъ другими новыми;
 Но признаюсь долженъ искренно,
 Что довольнѣе былъ прежними.

Соколка.

Мдствъ Бѣднвтъ.

2 Января, 1826.

mmmmmm

---

*.) Записки Юлія Кесаря.

*Въ альбомѣ моему другу и утени-
ку А. Е. Массу.*

Что написать въ альбомѣ эпюмъ?

Другой поэтъ въ такихъ стихахъ
Разлуку выбралъ бы предметомъ;
Но право это старо спрахъ! —
Не покоряясь шумной модѣ,
Забудемъ часъ разлуки злой,
И слѣдуя одной природѣ,
Мы побесѣдуемъ съ шобой.
Съ минушы перваго свиданья
Тебя я понялъ, полюбиль,
И съ той поры до распаванья
Все лучшимъ, лучшимъ находиль.
Уча шебя, я самъ учился
Твоей любезности проспой
И побѣждаемый шобой,
Нерѣдко, признаюсь, спыдился,
Мой другъ, что я училель швой!
Послушный, добрый, опкровенный,
Поняпливоспи даръ безцѣнный,
Ты съ милой скромносшью сливаль,
И все посѣянное мною
Сугубо возвращено шобою.
Въ сокрышой радости бываль
Твоихъ возшорговъ я свидѣшель —
Онъ будетъ сшасшлливъ! я мечшаль,
Когда ты съ жаромъ прославляль
Религию и добродѣшель.

Ихъ въ спутники возьми съ собой
 И не спрашися пучь ужасныхъ,
 И жди съ покорною душой
 За днями сумрачными ясныхъ.
 Несчастья красяшь жизнь людей!
 Напрасно ихъ мы убѣгаемъ:
 Цѣной спраданій жизни сей
 Мы шамо радость покупаемъ.
 Но если рано бурны дни
 Пошлешь искусомъ Милосердный
 И будешь нуженъ другъ усердный,
 Тогда о мнѣ ты вспомяни.

П. Теряевъ:

~~~~~

Стрѣлки .

Сказка .

“Что у тебя, брашь, глазъ завязанъ?,”

— За шалость я свою наказанъ. —

“Какъ?,” — Опличисься захошѣль

И окривѣль. —

“Какимъ же образомъ?,” — Спрѣлялся,

Да вошь безъ глаза и оспался. —

“Съ кемъ?,” — Съ Джономъ Поршеромъ. —

“О, знаю молодца:

Не трашишь попусту свинца.,,

— Да такъ ли я, какъ онъ, спрѣляю?

Я въдесяти шагахъ въ шузъ пулей попадаю.

Прицѣлился ему прямехонько я въ лобъ...

Хлопъ! . . . —

“Убилъ его? Онъ повалился? . . . ,”

— Нѣтъ, милый, нѣтъ:

Вдругъ розорвало пистолешь!

Вошь грѣхъ какой случился!

А онъ и радъ тому, спустилъ курокъ пош-
часть

И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.

Ужъ естъ чемъ хвасташься! Въ при чеш-
верши аршина

Быль пистолешь его! Вѣдь экая машина!

И пистолешь припомъ какой?

Опмѣнный! Въ Англии спо фуншовъ споишь
пара,

А у меня дрянной шакой!

И пошь взялъ, знаешь ли, у Козака Макара,
Который изъ него лѣшь восемь не спрѣ-
лялъ,

Не чиспилъ, въ сырости держалъ;

А вычиспишь его я самъ не догадался.

Теперь мнѣ пистолешь чудеснѣйшій попался!
Звалъ Джона я опяшь; но нѣтъ, плушь оп-
казался.

Не знаю какъ опмсшишь; скажи, брашь,
научи

Чшо дѣлашь мнѣ теперь?—“Чшо дѣлашь? ..
Глазъ лѣчи,

Да и пожалуй-спа молчи.,,

И.

СТРАННЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

Анекдотъ.

Генераль Даранвиль былъ человекъ отличной храбрости. Опъ береговъ Нила до береговъ Москвы прошелъ онъ, служа въ разныхъ чинахъ, и нигдѣ не робѣлъ ни передъ саблями Мамелюковъ, ни передъ пулями и штыками Русскихъ. Молодоспъ Генерала была самая буйная: онъ началъ службу съ самыхъ юныхъ лѣтъ и въ самое разгульное время Французской революціи. Мудрено ли, что при общемъ ослабленіи всѣхъ правилъ, онъ увлеченъ былъ симъ понокомъ? Раны, полученныя имъ въ сраженіи — а ихъ было много — едвали равнялись числомъ съ пѣмми, кои получилъ онъ на поединкахъ. Чрезъ это заслужилъ онъ въ арміи славу самаго сильного бойца на шпагахъ и самаго искуснаго спрѣлка изъ писшолета. Пока спраспи въ немъ бушевали, онъ спарался поддерживать эту славу шемъ, что запрогивалъ и задиралъ почти всякаго вспрѣчнаго; но когда лишній десятокъ лѣтъ и лишнія дуельныя кровопусканія охолодили въ немъ спраспи, тогда онъ сдѣлался верховнымъ

судьею всякихъ ссоръ и споровъ , грозою и карою забіякъ .

При перемѣнѣ обстоятельствъ Генераль былъ уволенъ отъ службы съ половиннымъ жалованьемъ. Этой пенсіи и накопившагося въ большой книгѣ государственнаго долга жалованья его, невыданнаго въ разныя времена, было весьма доспапочно для умѣренныхъ желаній Генерала. Даранвиль былъ человекъ образованный и врожденныя его наклонности были хорошія: сердце его не вовсе было испорчено заблужденіями погдашняго времени и худыми примѣрами. Еще нѣсколько лишнихъ лѣтъ на плечахъ и полный досугъ, копорымъ онъ въ то время пользовался, зашавили его одумашься и пробѣжашь въ памяти прошедшее. Разсмотривая прежнюю жизнь свою , онъ ужаснулся, увидѣвъ, что суешность и ложныя поняпія о дѣлахъ и вещахъ, были доселѣ одними его руководителями. Это сознание совсемъ перемѣнило нравъ его и поведеніе: ужъ онъ болѣе не наискивался на ссоры и даже не мѣшался въ нихъ иначе, какъ въ качествѣ примирителя, вель себя весьма кропко, сдѣлался другомъ мо-

лодыхъ людей и часпо давалъ имъ умныя, полезныя совѣты. Опъ прежняго его молодечества осмалось ему шолько имя славнаго дуелиста.

Изъ молодыхъ своихъ друзей, Даранвиль больше всѣхъ любилъ Эрнеспа де Лессона, прекраснаго двадцати - двухъ-лѣшняго юношу, съ добрымъ сердцемъ съ хорошими правилами, съ пылкою любовью ко всему изящному и доброму. Но всѣ эти безцѣнныя качества перевѣшивались иногда въ немъ непомѣрною заносчивостію, вспыльчивостію и вѣпреностію, почти неизбѣжными пороками молодыхъ лѣтъ. Генералу многого шруда споило умѣряшь и укрощашь эти вредныя наклонности— и часпо онъ радовался уснѣху своихъ совѣтовъ и наставленій.

У Эрнеспа былъ, кромѣ Генерала, и еще другъ, или человекъ, котораго онъ считалъ себѣ другомъ. Это-Леонъ Вердакъ-молодой Гасконецъ, хитрый, вкрадчивый, самолюбивый и хваспливый, спаившій, подъ заманчивыми качествами прияшнаго и веселаго шоварища, самыя коварныя виды исключительнаго своекорыстія. Богатство Эрнеспа манило къ себѣ дальновид-

наго Вердака: онъ надѣялся оспорожно и мало помалу покорить себѣ волю и всѣ желанія молодого де Люссона, и послѣ какъ водился у такихъ людей — черпашъ изъ его кошелека, какъ будто изъ своего. Вердакъ любилъ игру и шумное общество молодыхъ весельчаковъ; но будучи самъ не богашъ, часто долженъ былъ себѣ опкзывать въ эписхъ не невинныхъ удовольствіяхъ. По этому Генераль Даранвиль былъ у него, какъ бѣльмо на глазу: власшъ ума, копорую онъ приобрѣлъ надъ Эрнесиомъ, препятствовала корыстнымъ видамъ Вердака. Коварный Гасконецъ рзсчель, что ему непременно должно для своихъ замысловъ удалить Даранвиля опъ Эрнеса, а этого не лзя было сдѣлать, не поссоря ихъ, и рѣшился выжидать къ тому удобнаго случая.

Всякой разъ, когда ему удавалось оплучить навремя де Люссона опъ Генерала, онъ старался окружать своего молодого приятеля шумными и веселыми своими знакомцами, копорые заранѣ имъ были наспроены, что бы всячески внушеніями своими поколебать довѣріе Эрнеса къ Даранвилю. Многіе изъ нихъ какъ

Будто между разговоромъ, изъясляли свое удивленіе, что такой умный, разсудительный и образованный молодой человекъ слѣпо ввѣрился шарому брызгѣ. Это льстило самолюбію Эрнеспа; однакожь онъ сначала жарко спорилъ за Генерала съ молодыми своими приятелими; послѣ споры его спали слабѣе; послѣ онъ и вовсе переспалъ спорить; а кончилъ шемъ, что показывалъ согласіе съ мнѣніемъ своихъ знакомцевъ улыбкою самодовольствія. Довѣренность его къ Генералу была ослаблена; однакожь вовсе нельзя было еще оскорвать его опъ сею почтеннаго человека. Между шемъ, Вердакъ всегда молчаль не придерживался ни той, ни другой стороны, и былъ при такихъ спорахъ всегда какъ бы лицомъ спрадашельнымъ.

Однажды Эрнеспъ угощаль обѣдомъ Вердака и съ полдюжины другихъ весельчаковъ, его приятелией, въ респораціи Верри; случайно Генераль Даравиль вошелъ шуда же; волею и неволею, его должно было пригласить къ ихъ сполу. Въ комнашѣ, гдѣ они обѣдали, за особливимъ небольшимъ споликомъ сидѣли два провинціала, одинъ человекъ уже пожилой, дру-

той юноша около двадцати лѣтъ возраста. Спиранный, стародавней моды нарядъ сихъ провинціаловъ, ихъ неловкость и застѣнчивость, сначала привлекли на себя вниманіе и шушки молодыхъ оспряковъ. Но когда они слышали, что провинціалы называли пракширнаго слугу господиномъ (monsieur), и спрашивали не впопадъ кушанья по печашной каршѣ; когда замѣпили лукавую улыбку и ироническую вѣжливостъ ловкаго слуги — тогда шушкамъ ихъ и смѣху не было ни мѣры, ни конца. Особливо Эрнесъ опличался передъ всѣми громкимъ хохомомъ и оспрошами: не довольствуюясь симъ и видя одобришельныя улыбки своихъ приятелей, онъ вспаль изъ за стола, подошелъ къ провинціаламъ, совѣповаль имъ попребовать усприць къ десерпу, а бульону вмѣсто кофе — словомъ, говорилъ имъ всѣ глупости, какія тогда приходили ему въ голову. Сомнишельные и робкіе взгляды бѣдныхъ заѣзжихъ, непрерывный хохомъ молодыхъ его поварищей, и знаки неудовольствія на лицѣ Даранвиля, еще болѣе подспрекали де Люссона. Наконецъ спаль онъ просишь у младшаго изъ провинціаловъ,

плашья его, на показъ своему поршному, говоря, что хочешь нарядишься шакже ловко и щеголевашо, что бы понравилсья девяностолѣшней своей прабабушкѣ; споя за спуломъ, вымѣриваль его шалию, даже позволиль себѣ хванашь его за плечя и играшь пальцами съ его прической. Эшо вывело изъ перпѣнїя спаршаго: онъ вспаль и бросивъ на споль золопую монешу въ сорокъ франковъ, сказалъ младшему: “Пойдемъ, сынъ мой, видишь, что мы здѣсь не у мѣспа., — Молодѣй человѣкъ шакже вспаль, и бросивъ на забавниковъ жалкѣй, спраждушїй взглядъ, вышель вмѣспѣ съ опцемъ своимъ. Обидный хохопъ провожалъ ихъ далеко за дверьми респорациї.

До сихъ поръ, Генераль Даранвиль молчалъ; не улыбка, а негодование было написано на лицѣ его. Но когда опецъ съ сыномъ вышли, онъ вспаль, и подошедши къ Эрнеспу, началъ шихо, но съ чувспвомъ и жаромъ предспавляпъ ему неприличїе шакого посшупка. Опвѣпомъ ему — былъ новый смѣхъ Эрнеспа и его шоварищей. Генераль обернулсь, окинулъ молодыхъ шалуновъ пылающимъ, грознымъ взоромъ—и мигомъ всѣ замолкли. Всѣ зна-

ли, каково съ нимъ имѣшь дѣло! Одинъ Эрнесъ, покорошкочу знакомству своему съ Генераломъ, спарался оборопить все это въ шушку, даже подшучивалъ надъ нимъ самимъ, говоря, что не можешь удержаться отъ смѣха, вспомя давшнюю спойческую его важность при общемъ хохотѣ, и видя шеперешній Капоновскій его *ригоризмъ*. — “Послушайте, почтенный мой другъ, прибавилъ онъ: вы такъ часно надѣляли меня вашими совѣсами, что мнѣ право совѣсно всегда оспавапсья у васъ въ долгу: пора хоть разъ съ вами поквишасья. Вотъ небольшая уплапа въ счепъ долга: не всегда, любезный Генераль, самые лучшіе совѣсы бывающъ приличны: всему мѣсто и время...”, — Въ такомъ случаѣ, съ жаромъ спвѣчалъ Даранвилъ: и я здѣсь такъ же не у мѣста, какъ и шѣ бѣдныя провинціалы. — Онъ взялъ шляпу и не поклонясь никому изъ своихъ собесѣдниковъ, вышелъ.

—Что значить, любезный Эрнесъ, эта опеческая заботливостъ о швоей нравспвенности?—сказалъ одинъ изъ молодыхъ повѣсь, когда Генераль былъ уже далеко за дверью.

Мнѣ кажеться, прибавилъ другой, что Его Превосходительство наложилъ на себя эпитимію за прежніе свои грѣхи шемъ, что бы обращать на путь спасенія неопытныхъ юношей.

“Неопытныхъ? вскрикнулъ Эрнесъ. Не ко мнѣ ли это относитя, сударь? Прошу объяснисья.

—Не горячись, мой другъ; это не мои слова; я только повторяю слышанное. Помнишь ли, съ недѣлю тому назадъ, сидѣли мы: Генераль, ты, я, и еще какой-то старый усачь, его сослуживецъ, въ Тюльерійскомъ саду, пропивъ перассы Фельянь? Помнишь ли, ты вспалъ и подошелъ къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ, съ копорымъ и пошелъ вдоль по перассѣ. Я оспавался въ это время на скамьѣ. Знакомецъ нашего Генерала спросилъ у него о тебѣ.—“Это, отвѣчалъ Даранвилъ: молодой шалунъ, копорый не глупъ, но слишкомъ еще зеленъ; умишка у него вершился еще, какъ кубарь, и не знаешь гдѣ и на чемъ остановишься. Я взялся переродить его, и съ моею помощію, надѣюсь, онъ будетъ со временемъ человекомъ....”, Не сердись пакъ, милый Эрнесъ,

и не кусай себѣ губы... Это право не мои слова! Благодари за эту рекомендацію добраго своего друга Генерала.—

Ха, ха, ха! вы знаете эту молодую вѣпреницу, Маркизу де Крампань? подхватила преній. На дняхъ я была у нея въ ложѣ, въ шеапрѣ Фейдо. Злоязычица пересудила всѣхъ, кого только видѣла въ ложахъ и на балконѣ. “Смоприше, смоприше, лепешала она, оскалая бѣлые свои зубки: вошь молодой де-Люссонъ со своимъ дядькою, Генераломъ Даранвилемъ. Кажется, дядька дерешъ его за уши, за шо, что онъ сѣлъ бокомъ къ паршеру. Хорошо имѣшь и въ эши лѣпа шакого спрогаго насшавника: онъ общаетъ сдѣлашь изъ него образцоваго молодого человека, самой милой скромности и самаго благоприсшойнаго поведенія.

“Она осмѣлилась это сказашь? вскрикнулъ Эрнесшь, ходившій широкими, скорыми шагами по комнашѣ... Такъ яжъ ей докажу!,”

— Не ей, мильи Эрнесшь, долженъ пы доказашъ: можно ли зашѣвашь ссору съ молодою, пригожею болшущкою?... Ты знаешь, что швой Генераль къней вхожъ.—

“Мой Генераль!—чорпть его возьми и возьмешь, когда я исполню шо, что у меня вершился шеперь въ головѣ.,,

—Попише, попише, де-Люссонь! подхвасиль чешверпый собесѣдникъ: шы чущь было не проговорился сторяча о поединкѣ; а шы знаешь, какъ добрымъ швоимъ друзьямъ шяжело будешь разспашься съ побою.,,

“Разспашься! Ты ужь и похорониль меня! Кшо тебѣ сказаль, что я - шо не премѣнно и упасшь должень? Пуля дѣло невѣрное.,,

Нѣпть, другъ мой! шы видно позабыль съ кемъ хочешь имѣшь дѣло? У Даранвила пуля вѣрно попадаетъ.

“Хорошо! вошь мы увидимъ, каково шо онъ будешь спояшь на шрехъ шагахъ барьера и дожидашься жеребья...Да нѣпть, сей же часъ бѣгу къ нему и кончу все съ нимъ глазъ на глазъ, въ комнашѣ. ,,

Ха, ха, ха! въ комнашѣ! завопили вмѣстѣ нѣскольго голосовъ. Такъ шы думаешь, что тебѣ удаспся съ нимъ подрашья въ комнашѣ, глазъ на глазъ? Какъ же худо шы и его и самого себя знаешь!.,,

“А почемужь не удаспся? ,,

Да попому, ошвѣчалъ чепвершый, что онъ, *глазъ на глазъ*, надѣясь на свою власпъ надъ швоимъ умомъ, начнешь увѣщевашь шебя — и кончипся шемъ, что шы же спанешь у него просишь прощенія.

“Такъ вы увидите . . . или услышите черезъ часъ, не долѣе.” — При сихъ словахъ Эрнеспъ схвапиль свою шляпу.

Сшой, другъ мой! сказаль ему первый, удержавъ за руку. Ты шеперь не въ шомъ положеніи, что бы могъ драпьяся хладнокровно. Ты разгорачень и гнѣвомъ и нашими часпными возліянїями Бахусу. — Господа! упросите Эрнеспа опложишь эпо дѣло до ушра. Не уже ли мы опдадимъ его сегодня на жерпву эшому дуельному вампиру?

Всѣ приспунили къ Эрнеспу, особливо Вердакъ, и уговорили его ничего не дѣлать до завшра.

“Эй, малой! еще дюжину Шампанскаго!”, — закричалъ пяшый изъ собесѣдниковъ Эрнесповыхъ, дополѣ молчавшій.

Здоровье шой пули, Эрнеспъ, кощорую шы влѣпишь въ лобъ опоздалому лицемѣру!”, — продолжалъ онъ, наливая пока-

ды. Всѣ вспали и весело ихъ осушили, Эрнеспъ по же хошѣль казашься веселымъ; но веселоспъ его была похожа на зимнее солнце, кошорое холодно, безъ согрѣвающихъ лучей, проглядываешь изъ за снѣговыхъ облаковъ.

Время быспиро лешѣло для прияшелей Эрнесповыхъ, но для него передвигалось оно на свинцовыхъ колесахъ. Наспироенные Вердакомъ въспренники лукаво спарались поддерживашь въ молодомъ де Люссонѣ расположеиіе къ поединку и жажду мщениа, по хипрыми намѣками, по искусно подводимыми сомнѣніями на счешь прославленной храброспи Генерала, по замѣчаніями, что поединокъ съ шакимъ извѣспнымъ дуелиспомъ можешь придашь всякому большой вѣсь въ общемъ мнѣниіи. Вердакъ или молчалъ, или съ припворнымъ соучаспиемъ угсваривалъ Эрнеспа. Другіе умьшленно и жарко ему прошиворѣчили, какъ будпо бы говоря о поспороннемъ дѣлѣ.—Такимъ образомъ, въ шуму разговоровъ и покаловъ, просидѣли они до ночи. Съ спяжелою головою и спяжелымъ сердцемъ, Эрнеспъ возврашилсь домой.

На другой день, рано по ушпру, явился

къ нему Вердакъ съ новыми увѣщаніями. Почши вслѣдъ за нимъ, и какъ бы нечаянно, пришли двое изъ вчерашнихъ заспольныхъ прияшелей, спали ушверждашь пропивное, завели умышленный споръ, разгорячили Эрнеспа, копорый схвапиль шляпу и, какъ бѣшеный, побѣжалъ изъ комнашы.

Не помня себя, прибѣжалъ онъ къ дверямъ Даранвила; судорожною рукою схвапилься за снурокъ колокольчика, зазвониль чшо естъ силы, и когда слуга Генераловъ опвориль ему, онъ вбѣжалъ прямо въ спальню.

Генераль былъ еще въ поспелѣ. “Чшо ты, Эрнеспъ? Чшо съ побою сдѣлалось?“, спросиль онъ у молодаго своего знакомца.

—Чшо?...бѣшенство! сумасбродство! довѣренность къ шакому человѣку, копорый ея неспоиль...и именно, къ вамъ, сударь!—

“Опомнись! Въ своемъ ли ты умѣ? Опкуда шакая горячка? „

—Горячка? Да, сударь: шолько все она легче шой бѣлой горячки, въ копорой я до сихъ поръ бродиль, какъ слѣпый. Зналь ли я, могъ ли я предвидѣшь, чшо подъ ша-

кою шпенною наружноспью скрываешся самая мѣлка, самая низкая душишка?—

“Не ко мнѣ ли это относился?,,

—Къ комужь иному? . . . Сей часъ вспайше и дайше мнѣ опчеть — не на словахъ: не о нихъ дѣло!.. Дайше мнѣ опчеть во всѣхъ пѣхъ дерзоспахъ и наглоспахъ, копорья вы обо мнѣ разсѣваете. —

“Еслибъ я не видѣль вчерась себя въ добромъ здоровѣ, по подумаль бы, что пы вырвался изъ Шаранпона. О какихъ дерзоспахъ и наглоспахъ говоришь пы мнѣ?,,

— Не знаете? А! вы ничего шеперь не знаете! Видно мнѣ правду говорили на счепъ вашей мнимой храброспи. Милоспи прошу, сударь, вспайше и взявши писполешы, сей часъ же идши со мною.—

“Нѣшь, не прогнивайся, любезный; не вспану.,,

— “Такъ я васъ принузу вспайше.,,

—“До эшого я себя не допущу. Скажи проспо и ясно, чего пы опъ меня хочешь?,,

— Спрѣляшьясь съ вами! —

“Спрѣляшьясь? Къ чемужь мнѣ для эшого идши вонъ изъ комнашы. Вонъ,

возьми!,,—При сихъ словахъ Генераль снялъ со стѣны висѣвшіе у него надъ головою два заряженные пистолета, подаль одинъ Эрнеспу и положилъ другой къ себѣ на подушку.

— Такъ вспавайшежь! — сказалъ Эрнеспъ измѣнившимся голосомъ.

— “Я ужь сказалъ, что не вспану, ошвѣчалъ Генераль спокойнымъ голосомъ: спрѣляшь я могу и лежа, да и шебѣ свободнѣе въ меня мѣшишь. Спань у кровати, прямо прошивъ меня, и спрѣляй!,,

— Да какъ? ... —

“Не дожидайся, чшобъ я назвалъ шебя прусомъ, какъ шакого человака, кошорый бодрится на словахъ и у кошораго дрожащъ манжеты въ рѣшищельную минушу. Спрѣляй!,,

Дѣлашь было нечего; Эрнеспъ зашелъ слишкомъ далеко, а послѣднія слова Генерала подлили масла на непопухшій пылъ его. Онъ взялъ пистолеть, дрожащею рукою навель его на голову Даранвила, спушилъ курокъ ... Пуля влипла въ подушку, подлѣ самой головы Генерала; но сей послѣдній не поморщился и не перемѣнилъ положенія.

“Теперь садитесь, сударь, на эти кресла, скажите Генералу спрогимъ голосомъ. Садитесь, говорю, я въ васъ шеперь воленъ и въ правѣ прѣбывать опъ васъ всякаго удовлетворенія. ;

Эрнесъ, ни живъ, ни мерпвъ, опустился на кресла. Лице его было блѣдно, какъ полошно, всѣ жилы дергались судорожною лихорадкою. Генералъ, вовсе не шрогаясь за писшолешъ и попрежнему не перемѣняя положенія, послѣ минушнаго молчанія, началъ говорить ему спокойнымъ голосомъ:

“Г. де Люссонъ! шеперешній вашъ поштупокъ шаковъ, что долженъ разорвать всю связь между нами. Вамъ совѣсно будешъ видѣшь человека, котораго вы хонѣли убишь безъ всякой причины, да и мнѣ, признаюсь, нельзя равнодушно сморѣшь на шого, кто покушался на жизнь мою. Однакожь, желая, что бы временное наше знакомство принесло вамъ какуюнибудь пользу, я рассчитаюсь съ вами послѣднимъ совѣшпомъ. Не вспавайше съ мѣшпа, молчите и слушайше. Я всегда почиталъ васъ умнымъ молодымъ человекомъ: удивляюсь, какъ могли вы ввѣришься шай-

кѣ негодяевъ, опъ копорыхъ я и прежде не разъ предосперегаль васъ? Этого Бердака своими глазами видаль я съ разсмотреннымъ видомъ выбѣгавшаго изъ каршежныхъ домовъ. Доспойные его знакомцы— всѣ шаковы же: вчерась еще за обѣдомъ я подмѣшилъ ихъ перемигиванья, когда вы забавлялись надъ бѣдными, и вѣрно добрыми, провинціалами. Слушайшежь: давно уже я видѣль очень ясно, что Вердакъ и другіе повѣсы, его приятели, хопяшь васъ опдалишь опъ меня для своихъ видовъ. Вы богаты, а эша полпа гулякъ бѣдна и безсовѣсна. Одни вы, по слѣпой въ самомъ себѣ увѣренности, того не замѣчали. Говорить о васъ дурно, или презрительно, я не могъ и не имѣль причины. Темъ больше никто изъ нихъ не могъ опъ меня услышать ничего на шо похожего, что я ни съ кемъ изъ нихъ и нигдѣ не встрѣчаюсь, кромѣ немногихъ случаевъ, когда видаль ихъ вмѣстѣ съ вами. Теперь расскажите мнѣ, какъ было все дѣло, и опъ чего родилась шакая въ васъ прошивъ меня запальчивость? Видите ли, что я, и безъ вашихъ уже словъ, узналь главныхъ ея виновниковъ?,,

Эрнеспъ, препенущимъ голосомъ, но со всею ошкровенностію пересказаль все, какъ было. Генераль улыбнулся. “Такъ я и догадывался,—сказаль онъ. Молодой де Лессонъ вкочель, хопѣль бѣжапъ и вызываль всѣхъ прежнихъ своихъ знакомцевъ; но Даранвиль совѣщоваль ему успокоиться и дослушанъ его рѣчи.

“Давно уже я положиль на себя обѣщаніе опшодить молодыхъ людей опъ поединковъ. Я слишкомъ дорого для души своей и совѣсти заплапиль за эту проклятую суешность—прослыпъ самымъ грознымъ поединчикомъ. Благодарю Небо, что Оно ранами оставило мнѣ тяжкую памянь о прежнемъ моемъ сумасбродствѣ.,,

— Жестпкой челоѣкъ, прерваль его Эрнеспъ: для чегожь вы прежде не сказали мнѣ о своей правопѣ въ разсужденіи меня? Для чего допустили меня спрѣляпъ въ васъ?

—Могли ли вы слушанъ въ то время голоса разсудка? При шомъ же сказанъ ли вамъ опкровенно?—Вопервыхъ, я пвердо предположилъ себѣ, не спрѣляпъ въ васъ; еслижь бы вы по случаю меня убили, тогда я шолько поплашилъ бы за

прежніе свои поединки . . . Много ихъ лежишь у меня на душѣ! Одна только моя надежда—на благоспѣ Ежію. Вовпорыхъ: могъ ли я неумѣспною робоспью измѣнишь закоренѣлой своей привычкѣ — ничего не бояшься? Эпію конечно заблужденіе; но еспь такія заблужденія, основанныя на поняспіяхъ о чеспи, съ которыми трудно разспашься. Сто разъ скорѣе бы я умеръ, нежели спрусилъ наведеннаго на меня писполеша.—Чшо касаеця до Вердака и его знакомцевъ, шо вошь послѣдній мой совѣспъ: оспавишь ихъ въ покоѣ, и если можно, вовсе съ ними разознашься, но безъ шума и огласки. Стоишь ли такіе люди шой чеспи, что бы порядочный человѣкъ прилѣпилъ свое имя къ ихъ именамъ, и сдѣлался вмѣспѣ съ ними сказкою города? Теперъ, сударь, желаю вамъ на свободѣ обдумашь нынѣшній нашъ разговоръ, и успокоишься. Чшо до меня, я буду молчашь о сегодняшнемъ происшесспіи; въ эшомъ можете бышь увѣрены . . . Прощайше!,,

Туть Эрнеспъ снова бросилъ на трудъ Генералу, просилъ его, умолялъ о прощеніи. Долго Даранвилъ колебался—наконецъ

подавъ ему руку, примирился съ нимъ, и съ шѣхъ поръ де Люссонъ во всемъ совѣшвался съ Генераломъ и слушался его. Онъ сдѣлался и точно примѣрнымъ молодымъ человекомъ: избавился опъ въшренности, вовсе испребилъ свою заносчивость, и пылкость оспалась въ немъ только къ хорошему и благородному. Даравиль, своею опытностію и познаніями, былъ главною причиною сего нравственнаго усовершенствованія, и съ удовольствіемъ видѣлъ плоды своихъ совѣшповъ—видѣлъ, какъ Эрнесъ на поприщѣ человека и гражданина, приносилъ пользу своему опечесиву и былъ другомъ и благошворителемъ несчастныхъ, кои къ нему прибѣгали.

Вердакъ и его поварищи, слыша опказъ себѣ у дверей Эрнесповыхъ, догадались, какой оборотъ взяло эшо дѣло, и не рѣшались болѣе встрѣчаться ни съ Эрнеспомъ, ни съ Генераломъ. Ихъ какъ будто не спало въ Парижѣ, и уже чрезъ нѣсколько лѣтъ де Люссонъ узналъ, что Вердакъ умеръ въ шюрмѣ Сенш-Пелажи, бывъ шуда посаженъ за долги.

Соловѣ.

О ГОЛЛАНДЦАХЪ, ВЪ ОТНОШЕНІИ ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Чувство любви къ отечеству, чувство священное и возвышенное, споль обще въ Голландіи, что кажешся глубоко запечатлѣннымъ въ сердце каждаго гражданина. Это лучший предметъ разговора въ землѣ сей, лучший предметъ каждаго изъ ея писателей. — Оно не ославляетъ Голландца ни на пирахъ, ни въ сраженіяхъ, ни въ играхъ, ни въ занятіяхъ жизни. На площадяхъ народныхъ оно восхищаетъ толпы празднующевъ; въ собраніяхъ составляетъ лучшее утѣшеніе присутствующимъ. Нѣтъ въ государствѣ достоинства почтеннѣе истиннаго сына отечества, нѣтъ пріятнѣе чувства, какъ чувство привязанности къ отчизнѣ. Распаляемъ жаромъ любви къ мѣсту рожденія своего, каждый Голландецъ отъ души поздравляетъ себя, что въ немъ родился, чтитъ законы его, мнѣнія и обычаи; дарованія и труды свои приноситъ, какъ лучшую жертву, въ пользу отечества, радуется успѣхамъ своихъ согражданъ, чувствуетъ живо несчастія ихъ и безъ

ропота помогаеть по силамъ, въ нуждахъ общеспвенныхъ.—Онъ не ролицеть ни на власпипелей, ни на Миниспрровъ своихъ, ихъ добродѣтели цѣнишь выше всѣхъ добродѣтелей въ людяхъ другихъ поколѣній и опъ всего сердца содѣйсвуееть благу и славъ соопчичей. Здѣсь не найдешь ни порицапелей, ни недовольныхъ людей, копорые тошновы раздирають собспвенное опечеспво, основывая надежды на замѣшапельспвахъ, обогащеніе на разспройспвѣ ближняго. Здѣсь всякій доволенъ шемъ, чпо имѣееть, и опъ того всякій умѣееть цѣнишь доброе дѣло. Таковыя благородныя чувспвованія дають шерпѣніе сносишь всю шягоспъ налоговъ, заспавляють потѣль надъ плугомъ спокойнаго земледѣльца, дѣлають солдапа неуспрашимымъ, Миниспра бдипельнымъ, купца проворнымъ, ремесленника шрудолобивымъ. Онъ не могутъ назвашься временнымъ жаромъ, исполненнымъ заблуждений; нѣпъ, эпо еспъ поспоянная спраспъ, руководимая здравымъ разсудкомъ, умѣренная въ шребованіяхъ, вѣрная въ обязашельспвахъ, неищушая славы ни въ нападешяхъ на сосѣдей, ни въ прищѣсненіяхъ побѣжденныхъ неприя-

шелей—управляемая не побужденіемъ высокоумія, но законными выгодами.

Если вѣришь Голландцамъ, то они присвоили себѣ все, что составляетъ благоденствіе народовъ: щадельностьъ Швейцаровъ въ подкрѣпленіи правъ каждаго гражданина, искусство Генуезцевъ въ морскихъ сраженіяхъ, спараніе Венеціанъ о сохраненіи своей славы, тайну Римскаго Сенапа, склонностьъ Карфагена къ торговлѣ, привязанностьъ Грековъ къ опечеству. Сколько побужденій великихъ: земля, на которой живутъ—они сами ее сошворили, сдѣлали плодоною и украсили. Море, угрожавшее полямъ ихъ—они заставили его разбиваться о плошины, кои прошивопоставили его свирѣпству. Воздухъ, который былъ зараженъ смертоносными парами гніющихъ водъ—они его очисти-ли! Ихъ трудами великолѣпные города воздвиглись тамъ, гдѣ иль покрываль края океана. Порты и каналы доставляють имъ всѣ произведенія свѣща. Наслѣдство, оставляемое дѣтямъ, опняли они у спи-хій, и пепель ихъ покоишься будешь на шѣхъ мѣспахъ, на которыхъ опцы ихъ жили. Свобода совѣспи, благоспѣ законовъ

привлекають къ нимъ людей изъ многихъ другихъ странъ. Кто хочетъ работать, тотъ находить тамъ убѣжище и способности къ пропитанію, и Голландія не перестанетъ умножать число своихъ подданныхъ. Она заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ множество гражданъ и сохраняетъ между ними согласіе справедливостию, пользою трудовъ и достойными удивленія учрежденіями торговли; наконецъ, ни одинъ народъ не вычислилъ и не сообразилъ такъ хорошо своего положенія, силы, налюденія *) и способовъ оное размножить. Если природа не одарила его прозорливостию Англичанъ, живостию Испаліянцовъ свѣтскостию Французовъ, за то щедро наградила умомъ, основательнымъ, прозорливымъ и здравымъ, копорый управляетъ ими во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Земля сія есть истинное опечесство философовъ!

Съ Франц. А. Дероберти.

~~~~~

---

*) Новое слово, замѣняющее народонаселеніе! *Изд.*

Смѣс.

Одинъ земледѣлецъ изъ окрестностей Лонжюмо привезъ въ городъ на ярмарку такой огромный грибъ (изъ роду шампиньоновъ), что шляпка его имѣла въ окружности 11 фузовъ, стебель, или корешокъ въ $3\frac{1}{2}$ фуза вышины. — Онъ былъ подобенъ большому зонтику рыбныхъ порговокъ. — Въ Лонжюмо укрылъ онъ подъ собою отъ дождя до 17 человекъ (??) — *Corsaire*.

Въ одной Неаполитанской газетѣ пишутъ, что какая-то пожилая женщина укушена была параншуломъ и плясала безъ отдыха 18 дней, не принимая никакой пищи! — При семъ замѣчаетъ редакторъ этой газеты: “не худо было бы послать нѣсколько такихъ параншуловъ въ большую Парижскую Оперу для излѣченія многихъ панцовщицъ, которыя бываютъ часто больны *adlibitum.*” — *Оттуда же.*

Если хотите узнать, хороша ли лицомъ идущая передъ вами дѣвица, то ненужно, подобно многимъ волокитамъ, забѣгать впередъ и заглядывать подъ шляпку; надобно только смотрѣть на мужчинъ, которые опередили дѣвицу, оглядывающся ли они назадъ? — *Lesefrüchte.*

Спарымъ кокешкамъ очень пригодится заглавіе извѣстной книги: *Художество и древность.* — *Оттуда же.*

Гжа В**, одна изъ умѣйшихъ Парижскихъ дамъ, сидя недавно въ шеапрѣ, безпрестанно зѣвала отъ скуки. — “Вамъ вѣроятно не очень весело сидѣть со мной?”, сказала заботливый супругъ Гжи В**. — Нѣтъ, милый другъ; но ты и я составляемъ одно, а мнѣ всегда скучно, когда я бываю одна! — *Corsaire*.

Опличный умъ удивляетъ, добродѣтельная душа возбуждаетъ почтеніе, красота тѣлесная—любовь.—Маргарита Шотландская была однако же столь поражена великимъ умомъ Алекъ — Шартье, что съ восторгомъ поцѣловала сего автора, имѣвшаго самую безобразную наружность. — Одна молодая дама новѣйшаго времени влюбилась также въ прекрасный умъ: нѣкто молодой человекъ написалъ трагедію и посвящилъ ее своей сосѣдкѣ, замужней женщинѣ. — Сосѣдка, восхищенная столь неожиданною почестію, очиравилась съ горничной своей въ кварширу Поэта, но нашла его спящимъ. — Полагаясь на скромность Морфея (и въ подражаніе Маргаритѣ Шотландской) подходитъ она тихо къ постелѣ молодого, прагика и даетъ ему самый нѣжный поцѣлуй.—Поэтъ хотя и не проснулся, но эхо отъ столь нѣжнаго поцѣлуя достигло ушей супруга, который не шутя попросилъ милую жену свою не

распочашь благосклонностей своихъ какъ на умъ, шакъ и на любовь молодыхъ писателей *). *Pandore*.

A. Не знаешь ли чего нибудь новенькаго, сосѣдушка? —

B. Ничего не знаю!

A. Ну хошь солги, да что нибудь пооспрѣ.

B. Изволь, брашнь: Скрягинъ далъ нищему червонецъ—вошь эшо ложь и новосшь. — *Abend - Zeitung*.

Одинъ приѣзжій въ Вѣну проспячокъ, замѣшивъ, что у дома Графа Б** споялъ всегда Швейцарь въ богатой ливреѣ, сказалъ своему земляку: “Вѣрно Его Сіашельсшву нечего дѣлать: онъ по цѣлымъ днямъ споишь на подѣздѣ да зѣваешь.,,—*Lesefrüchte*.

“Позвольше узнать, въ стихахъ, или прозѣ піеса, копорую шеперь играють? спросилъ нѣкто своего сосѣда, сидящаго въ чепвершомъ ярусѣ ложь.—Съ шаккой вышины невозможно опличить стиховъ отъ прозы, опвѣчалъ сосѣдъ. — *Abend - Zeitung*.

Нѣкто пришелъ въ гостинницу и требовалъ бушылку пива; служилель, въ шоропяхъ не сыскавъ пробочника, хошѣлъ опкупорить бушылку зубами; вдругъ пробка

---

*) А пожилыхъ? — Можно ли за хоротіе стихи цѣловашь ихъ? *Прим. Изд.*

выскочила, и вмѣстѣ съ пѣною попала въ горло служителя, котораго опъ того умеръ на мѣстѣ. (?) *Leipzig-Moden-Zeitung*.

Одинъ паспухъ на Пиренейскихъ горахъ, незнакомый вовсе съ ваяпельнымъ искусствомъ, высккъ изъ скалы попоромъ весьма схожую спашую одного Французскаго Генерала. — Волосы, брови и усы сдѣлалъ онъ изъ моха. Эпа спашуя окончана въ девять лѣтъ; вышиною 134 футовъ, толщиной 67 футовъ. — Она такъ огромна, что видна изъ города С. Жанъ-Пье-де-Порна. — (?) *Corsaire*.

Одна Парижская Актриса имѣла процессъ со своимъ Докторомъ. — “Вы называете себя по дѣвицей, по замужней женщиной, сказалъ ей судья: которое же изъ двухъ настоящее? — Я Актриса, отвѣчала подсудимая. — *Pandore*.

Извѣстно, что Вольшеръ никакъ не могъ выпросить у Французскаго Правительства привилегіи на первое изданіе своей Генеріады, и для того въ 1726 году отправился въ Лондонъ, гдѣ случайно раздражилъ онъ толпу проспаго народа и находился въ опасности бытъ закидану грязью. — Догадливый Вольшеръ спановишся на возвышенное мѣсто и говоритъ чисто поанглински народу: “Великодушные Англичане! я уже довольно несчастливъ шемъ, что не

родился въ вашемъ опечесствѣ.,, и ш: д: Гордые Бришанцы схватили Вольшера и понесли его съ шріумфомъ домой. *Frondeur.*

Въ Лондонѣ дѣлають шеперь очки для Раи Зингапорскаго въ 17 фуншовъ вѣсомъ? Оправа золошая и осыпана вся крупными брилліяншами. (?) — *Corsaire.*

Ушверждають что на всемъ земномъ шарѣ говорятъ 3064 различными языками, но конечно шупъ не включены еще многія нарѣчія: ибо считаеіся 937 Азіяпскихъ, 587 Европейскихъ, 276 Африканскихъ и 1264 Американскихъ нарѣчій, не упоминая объ упошребляемыхъ въ Авспраліи. *Leipzig. Moden-Zeitung.*

Въ Парижѣ игорные дома плашаютъ ежегодно правительству 8 милліоновъ франковъ; количество денегъ, обращающихся въ игрѣ, просшираеіся въ годъ до 350 миліоновъ. — *Оттудаже.*

Въ нынѣшнемъ году во время большой спужы Парижскія дамы упошребляли въ прогулкахъ ручные шермомешпы. *Journal des modes.*

Нѣкто въ Лондонѣ выдумалъ для бришья композицію вмѣсто мыла, опъ кошорой изчезають волосы безъ помощи бришвы. — *Polytechnisches Journal.*

Одна прелеспная дама спорила съ однимъ знашнымъ Туркомъ о законѣ Магоме-

ша, позволяющемъ послѣдователямъ его имѣть нѣсколько женъ. “Эшо для шого намъ позволено, ошвѣчалъ учшивый Турокъ, чшѣ бы мы во многихъ женщинахъ находили шѣ милья качесшва, копорыя вы соединяете въ себѣ одной. — *Leipz. Modenzeitung*.

Баронъ Г* давалъ недавно въ Парижѣ блестящій балъ, на копорый приглашены были шолько лица знашнаго происхожденія. За нѣсколько лѣшъ предъ симъ эпошъ Баронъ Г* самъ бы не могъ бытъ на собшвенномъ своемъ балѣ.—*Journal des modes*.

Въ знасныхъ Парижскихъ домахъ гощи послѣ бала ужинаютъ шеперь на нѣсколькихъ маленькихъ столикахъ, какъ бываетъ у респорашеровъ; на каждомъ столикѣ лежитъ реэспрѣ блюдамъ; прикажите чшѣ вамъ угодно—кушанье, вино шопчасъ явишся предъ вами.—*Petit Courier des Dames*.

К . . . . . б.

Анекдоты *).

Одинъ злорѣчивый человекъ весьма дерзко поносилъ Тасса въ его присущствіи, и сей благородный Поэтъ во все время хранилъ споль глубокое молчаніе, что самъ насмѣшникъ не могъ не удивляться. “Надобно бышь дуракомъ, сказалъ погда одинъ изъ присущствовавшихъ, чпобъ молчашь въ подобномъ случаѣ.,—Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Тассъ: дуракъ молчашь не умѣетъ. —

Мальчикъ услышавъ, что его машь совсемъ поперяла процессъ свой, бросился къ ней на шею и съ необыкновеннымъ движеніемъ чувсва сказалъ! “ахъ, маменька, какъ я радъ, что вы совсемъ поперяли шь бумаги, копорыя вамъ дѣлали сполько оторченій!.,—Можетъ бышь многіе изъ умныхъ людей были бы еще умнѣе, если бы думали одинаково съ симъ безсмысленнымъ младенцемъ.

Одинъ скупецъ сполько прославился своею непомерною экономіею, что, когда долженъ былъ нанимать для себя въ слуги, по никпо ни за какую цѣну не соглашался ийти къ нему. Наконецъ одинъ бѣдный Неаполипанецъ, принужденный обспояшельствами

---

*) Присланы опъ немъ изъ Нижняго Новгорода.

скудной своей жизни, рѣшился бытъ у него садовникомъ, но съ условіемъ, чшобъ онъ не заспавлялъ его работашъ послѣ ужина. Это было вечеромъ. На другой день лѣнивый Лазарони идетъ на работу и прѣбуетъ себѣ завпрака. Хозяинъ, желая воспользоваться болѣе его шудами, предложилъ ему вмѣстѣ и пообѣдешъ, чшобъ не опшодитъ послѣ опъ дѣла. Работникъ охотно согласился; но съѣвши кушанье, для обѣда ему данное, чувспвовалъ себя недостаточно еще сытымъ, и попросилъ хозяина дать ему уже вмѣстѣ и опужинашъ. Это предложеніе было находкой для скряги. Могъ ли работникъ съѣсть вдругъ послѣ завпрака и обѣда сполько, сколько съѣлъ бы по вечеру чрезъ нѣсколько часовъ? Немедленно поданъ былъ ужинъ. Работникъ кончивъ и это, поклонился хозяину и пошелъ пошхоньку—спашъ! — “А работашъ?,” вскричалъ удивленный хозяинъ. — Послѣ ужина не работаю—опвѣчалъ спокойно благодарный Лазарони, и несмотря на все увѣщанія хозяина—легъ спашъ.

Нѣчто о водопадѣ, воспѣтомъ Державинымъ.

(Письмо къ Издателю Благонаимѣреннаго.)

Служба удалила меня отъ родины, но не изпробила привязанности къ ней; съ жадностію читаю все, что писано про Олонецкую Губернію и повсюду слова безсмертнаго Поэта, бывшаго нашего Губернатора:

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ,
И дымъ опечеснѣва намъ сладокъ и приапель!

Но признаюсь, горько было мнѣ, не отъ дыму роднаго, а отъ замѣчанія Господина М, кошорый въ 22 N^o Сѣверной Пчелы помѣстилъ свой переводъ повѣдки въ Финляндію. Онъ увѣряетъ, будто *Иматрскій водопадъ служилъ образцемъ Державину*, когда онъ писалъ безсмертное свое стихотвореніе подъ симъ заглавіемъ. — Извините, Господинъ М! Не *Иматрскій*, а *Контезерскій водопадъ служилъ образцемъ Державину!* Зачемъ лишаетъ насъ, Олончанъ, приапельной увѣренности, что *нашъ водопадъ* воспѣтъ безсмертнымъ Пѣвцомъ Бога? И чемъ вы докажете справедливостъ своего замѣчанія? — Если же пошребуете доказательствъ *отъ насъ*, вошь они! Возьмите книжку:

Клють къ Согиненіялѣ Державина и чипайше: “Водопадѣ. Писано въ С. п бургѣ, въ “1791 году, по случаю кончины Кн. Пошемкина. Здѣсь представляется почное изображение Кончезерскаго водопада въ Олоонецкой Губерніи, лежащаго неподалеку отъ Пепропавловскаго желѣзоплавленнаго завода, съ копораго по вѣпру, при ужасномъ стремленіи воды, слышно бываетъ дѣйствіе машинъ заводскихъ. Авшоръ, бывши Олоонецкимъ Губернашоромъ, въ 1785 году осматривалъ оный, и зашвердивъ въ умѣ сіе чудное явленіе Природы, воспользовался имъ при описаніи кончины сына наго чловѣка., — Довольны ли вы, Господинъ М? Васъ же, почтеннѣйшій А. Е, прошу помѣстить это письмо мое въ *Благонамѣренномѣ*, для убѣжденія Господина М. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Вятка.

Константиноб С—вѣ.

30 Марта 1826.

Парижѣ вѣ миніатюрѣ.

Парижѣ шакой городѣ, гдѣ всѣ жишели Русскіе, Кипайцы, Англичане, Испанцы, Американцы; но вовсе непохожи на своихъ единосемцевъ —

Гдѣ новое плашье и кошелекъ, наби-
тый золопомъ, замѣняющъ добродѣшель и
достоинство —

Гдѣ найдеше факторовъ и сидѣльцовъ
съ усами, а лакеевъ въ эполесахъ и шля-
пахъ съ перьями —

Гдѣ дочь парикмахера занимаетъ домъ
Принцессы и гдѣ не одна Принцесса по-
мрачаешся шанцовщицею —

Гдѣ вздорная мелодрама и пустой
процессъ сославляющъ величайшее развле-
ченіе для граждѣнъ ко вреду настоящихъ
ихъ выгодъ —

Гдѣ видишь людей дѣловыхъ безъ дѣлъ
и въ десятъ тысячъ разъ болѣе просите-
лей, нежели мѣстъ —

Гдѣ говорящъ различными языками и
гдѣ всѣ понимающъ другъ друга —

Гдѣ коммиссіонеръ какого нибудь угол-
ка улицы не рѣдко наживаешъ тысячъ пян-
дешѣ ефимковъ, между шемъ какъ боль-
шая частъ факторовъ умираешъ съ голода. —

Гдѣ, по увѣренію многихъ, нельзя жить,
если не имѣешъ 40 тысячъ ливровъ дохода —

Гдѣ сочиняющъ и продающъ книгъ бо-
лѣе, нежели въ какомъ нибудь мѣспѣ и гдѣ
чишающъ всего менѣе. —

Гдѣ бѣфспексъ въ наибольшемъ упошреб-
леніи и гдѣ про Англію говорящъ какъ
нельзя хуже —

Гдѣ молодой человекъ не можетъ быть хорошаго тона, не будучи вершопрахомъ; гдѣ молодая женщина не почитается любезною, если она не снисходительна —

Гдѣ существующи конторы благотворительности, въ которыхъ ссужаютъ бѣдныхъ за двадцать процентовъ на сто, и гдѣ лихоимство принимается за состраданіе для назиданія заемщиковъ —

Гдѣ честный мужчина и честная женщина почитаются существами ничего незначащими и ни къ чему неспособными —

Гдѣ сто тысячъ человекъ другъ передъ другомъ укажутъ вамъ дорогу; но гдѣ ни одинъ не дастъ спакана вина даромъ —

Гдѣ наконецъ очень много вѣжливости и очень мало человеколюбія. —

Съ Франц.

~~~~~

Мысли.

У злыхъ и жестокихъ людей презрѣніе обнаруживается дѣйствіями насилія и принимаетъ иногда характеръ ненависти; а у добрыхъ и чувствительныхъ оказывается оно равнодушіемъ и забвеніемъ.

Самое лучшее выраженіе лица есть выраженіе благодарности.

Въ дѣлѣ моемъ говаривали мнѣ: "будь скупъ на время, оно драгоценно; пре-

зираи деньги, эшо подлый мешаллъ, копорый производишь одно лишь зло., — Теперь же, когда я умѣю судишь о вещахъ, повсюду вижу, что люди распочають время для приобрѣшенія денегъ. — Что подумаешь о людяхъ?

Въ дѣлсшвѣ моемъ говаривали мнѣ также: “посредственность гораздо лучше изобилія; просшая жизнь гораздо лучше пышной., — Однако же я вижу, что всякой спарается копишь богатштво и блисшашь. — Что подумаешь о людяхъ?

Недосшашокъ, въ копоромъ авшоры обвиняють себя охотно и даже съ удовольшвѣемъ, есть — *лѣнность*. Когда говоришь авшоръ: *я большой лѣнивецъ!* — не правда ли, что онъ хочеть сказашь: *сколько прекраснаго написалъ бы я! Какой умъ, какой геній обнаружилъ бы, еслибъ не былъ такъ лѣнивъ;*

Авшоръ можеть бышь столько же довольнымъ собою, написавъ хорошую книгу, какъ благошворительный челоуѣкъ, сдѣлавъ доброе дѣло.

Сколько есть людей, копорые спарались показашь умъ свой, жершвуюющъ для шого даже самимъ разсудкомъ.

Съ Франц.

О новыхъ книгахъ.

1. *Апологи въ четверостишіяхъ, соч. И. Д.* Москва. Въ пип. Августа Семена, 1835 въ 15 долю листа, 121 стран.

Продаются во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 4 р. экз. въ бум.

2. *Басни Ивана Крылова. Въ семи книгахъ. Новое исправленное и дополненное изданіе.* С. п. б. 1825. Изданы Книгопродавцомъ Иваномъ Сленинымъ. Въ пип. департамента Народнаго Просвѣщенія, въ большую 8 ку, 312. стран.

Продаются какъ въ магазинѣ И. В. Сленина, что въ домѣ Кусовникова у Казанскаго моста, такъ и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ. Цѣна на любской бумагѣ съ поршрешомъ Авшора 12 р; на веленовой съ семью гравированными каршинками, заглавною виньетною и весьма сходнымъ поршрешомъ Сочинителя 20 р. Нѣсколько экземпляровъ, напечатанныхъ въ большемъ форматѣ, и съ гравировками первыхъ описковъ, продаются по 30 р. За пересылку прилагается по 2 р.

Надѣмся въ слѣдующемъ номерѣ помѣстить подробный разборъ сихъ двухъ, испинно *классическихъ* книгъ.

И.

~~~~~

О подпискѣ на новую книгу.

Г. Кольне, счастливый подражатель и соперникъ замысловашаго Жуи, написалъ въ прошломъ году *Пустынника Сенъ - Жерменскаго предлѣстія*. Остроуміе и веселость суть отличительные признаки его шворенія, о которомъ всѣ лучшіе Французскіе кристики отзывались съ отличною похвалою. О переводѣ книги сей объявлено было въ 119 *№ Сѣверной Пчелы* 1825 года, и двѣ сшашьи изъ онаго напечатаны въ 19й книжкѣ *Сѣвернаго Архива* того же года. *Пустынникъ Сенъ-Жерменскаго предлѣстія* на Русскомъ языкѣ составишь двѣ небольшія часши, которыя поступили уже въ печать и выйдуть въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени: цѣна за обѣ назначаеться для подписчиковъ 5 р., за пересылку прилагаеться 1 р., по окончачіи же подписки, цѣна возвысится и книга будеть продаваться по 6 р. Имена подписавшихся будуть припечатаны. Подписка прини-

маешся въ типографіи Н. И. Греча, у Издашеля *Благонаимѣреннаго* 5 класса А. Е. Измайлова, въ книжныхъ магазинахъ Сленина, Смирдина и Сень-Флорана, также въ лавкахъ Глазунова и Замкина; въ Москвѣ у книгопродавца Ширяева. А. О—нѣ.

Благотворенія .

Издашель *Благонаимѣреннаго* получилъ передъ праздникомъ ошъ *трехъ* добрыхъ дамъ для доспавленія бѣднымъ благороднымъ и больнымъ дѣвицамъ Г.

9	Апрѣля	25 р.
—	— — —	10 —
18	— —	25 —
		60 р.

Доставлены лично Издашелемъ и приняшы со слезами сердечной благодарности.

Прислано еще къ нему ошъ неизвѣстныхъ благошворителей для доспавленія бѣднѣйшей вдовѣ Сисенани съ чепырьмя дѣшми (смощри VI N^o *Благон.* 383.)

16	Апрѣля	10 р.
26	. . . . .	5 —
4	Маія	5 —
		20 р.

Доспавлены. — Бѣдная вдова Сисенани истинно заслуживаетъ со своими малюшками всякаго вспоможенія опъ людей соспрадапельныхъ.

Прислано для раздачи бѣднымъ въ распоряженіе Издашеля:

12	Апрѣля	.	.	.	.	.	.	.	40 р.
14	— — —	.	.	.	.	.	.	.	25 —
—	— — —	.	.	.	.	.	.	.	10 —
17	— — —	.	.	.	.	.	.	.	10 —
—	— — —	.	.	.	.	.	.	.	10 —
—	— — —	.	.	.	.	.	.	.	20 —
									115 р.

Изъ нихъ роздано:

Бѣднымъ пожилымъ и больнымъ дѣв-	
цамъ Михайловымъ	35 р.
Пожилымъ же дѣвицамъ: Балашевой	
Исаковой и Егоровой по пяти руб-	
лей	15 —
Бѣднѣйшему опспавному чиновнику М.	25 —

Вдовамъ:

Максимовой и Васильевой по 10 р. . .	20 —
Брандшъ, Кондрашьевой, Давыдовой,	
Коровниковой и Поповой по 5 р. . .	25 —
115 р.	

Сверхъ того одною почтенною и благошворительною особою, по рекомендаціи Издашеля *Благонамѣреннаго* роздано передъ праздникомъ:

Дѣвицѣ Касашкипой слѣпой отъ рож-	
денія	10 р.
Тремъ дѣвицамъ Михайловымъ	15 —

Вдовамъ съ малолѣтними дѣтьми.

Гусевой	25 р.
Шершенковой	25 —
Хрулиной	25 —
Ивановой	25 —
	125 р.

Всего роздано бѣднымъ передъ праздникомъ Св. Пасхи. посредствомъ Издашеля *Благонамѣреннаго*. . . . . 320 р.

И.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° VIII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ *).

17 Мая, въ 6 часовъ утра, выѣхали мы изъ Маранды; пѣшею отправились за часъ прежде. Дорога отъ Маранды идетъ по равнинѣ нѣсколько въ гору; черезъ девять, или десять верстъ, начинается узкое ущелье; за нимъ долина, которая продолжается по крайней мѣрѣ верстъ на восемь между горъ. Говорятъ, что здѣсь всякое лѣто Аббасъ-Мирза (сынъ Шаха) споймъ съ войсками лагеремъ. Въ одномъ мѣстѣ съ горы бѣжитъ небольшой источникъ соленой воды. По горѣ видна осадка

---

*) Писаны въ 1817 году однимъ изъ чиновниковъ Россійскаго Императорскаго Посольства, бывшаго подъ начальствомъ Генерала Ермолова. Записки сіи свѣрены въ Азіяскомъ Департаментѣ съ подлинными документами.

соли, но она смѣшена съ поспоронними частицами и опть пого не годна къ употребленію. На лѣвой споронѣ горы нѣтъ ни правы, ни лѣса; она вся покрыта холмистыми буграми, соспоящими большею частію изъ хрящеватаго песку. По равнинѣ сей хлѣбопашества нѣтъ, правы очень мало, и та для корма лошадей не годится. Опть соленого источника до Софіены, гдѣ назначень нашъ ночлежь, не болше верспѣ семи; распояніе же всего нынѣшняго перехода будепть около 30 вер.

На ночлежь пришли мы въ 10 часовъ ушра. Здѣсь чрезъ Приснава предспавлень былъ къ Послу одинъ изъ чиновниковъ Каймакама Мирзы Бизюрка (первый министръ Аббасъ-Мирзы) съ письмомъ, копорымъ поздравлялъ Посла съ приѣздомъ въ предѣлы Тавриса. Селеніе Софіены принадлежишь сему Министру.

---

18 Мая сдѣлали мы переходъ небольшой: верспѣ около 20. Лагерь нашъ расположень былъ въ спорону опть дороги на вспаханномъ полѣ, не доѣзжая около шрехъ верспѣ до селенія Согланъ, по бли-

зоспи ручья, или канала, проведённого для напоенія полей. Вода въ ономъ негодная, и потому, для продовольствія Посольства, вынуждены были доставлять лучшую воду изъ дальняго мѣста въ кожаныхъ мѣшкахъ, отъ чего имѣла она неприятный запахъ и вкусъ по той причинѣ, что мѣшки сіи (погрузински: *бурдюки*) повсемѣстно въ Азіи, при опдѣлкѣ ихъ, напоются горькою смолою, или нефтью. Вчера на походѣ былъ небольшой дождь; пыль прибило и сдѣлалось довольно прохладно: въ полдни обыкновенно здѣсь бываетъ вѣперокъ, и мы не перпимъ отъ жаровъ. Сегодня, свечера опправили всѣ шягоспи впередъ съ шемъ, чшобъ не доѣзжая до города, версахъ въ пяши оспановились; съ ними опправились музыканшы, гренадеры и Донскіе козаки. На ночлегѣ велѣно разбишь нѣскольکو палатокъ, чшобъ поушру всѣ команды могли одѣшья попарадному и ожидашь прибытія Посла. Маршалъ съ нѣкопорыми чиновниками опправился шуда же; прочіе оспались съ Посломъ ночевашъ здѣсь. Въѣздъ нашъ въ Таврисъ назначень шемъ же порядкомъ, какъ предположено было

и въ Еривань - Назарь-Алибекъ (помощникъ Приспава при Посольствѣ) сегодня рано поутру отправился въ Таврись, для личныхъ донесеній Аббасъ - Мирзѣ о нашемъ приближеніи. Въ вечеру опятьъ возвратился и привезъ Персидскій церемоніаль встрѣчи нашего Посольства. Вотъ онъ:

“Аршиллерія, конница и Сарбазы регулярные, вмѣстѣ съ конницею и пѣхотою Персидскою, для особенной почести Г. Послу, назначены къ встрѣчѣ его. Хотя и не бывало обычая отдаватьъ такую почесть прежнимъ Посламъ и прочимъ значнымъ особамъ; но какъ Мирзѣ Абуль - Гассанъ - Хану сдѣланъ такой приемъ въ столицѣ Россіи, какого другимъ Посламъ дѣлаемо не было, о чемъ объявилъ здѣсь и господинъ Посланникъ: по Персидское Правительство почло себѣ въ обязанность оказатьъ взаимную почесть и особенную вѣжливостъ.,,

“Посылается одна изъ лучшихъ лошадей въ лучшемъ уборѣ подъ сѣдло Г. Посла и, по особенному уваженію къ его особѣ, оная лошадь со всемъ уборомъ, съ писполетами и съ мушшукомъ, обдѣланнымъ корольками назначена въ даръ Г. Послу.

Нѣсколько заводныхъ лошадей и скороходовъ, по особенному же уваженію, назначены для того, что бы скороходы шли предъ Посломъ, а заводныя лошади ведены были за его особою, въ доказательство особенной почести къ нему со стороны Правительсва Персидскаго. Для встрѣчи Г. Посла назначенъ города Тавриса Беглеръ-Бекъ (Военный Губернаторъ) Фешали-ханъ.,,

“Высокочтенный и приближенный Мирза Абуль-Гасумъ, наследственный Визирь, назначенъ для встрѣчи послѣ упомянушаго Фешали-хана. Всѣ сіи почести оказываются единственно по пріязни и дружбѣ обѣихъ державъ. На время пребыванія Г. Посла въ Таврисѣ назначается домъ Каймакама.,,

“Коль скоро Г. Посоль подѣдетъ къ аршиллеріи, то оной велѣно сдѣлать въ честь его особы 21 пушечный выстрѣлъ.,,

---

19 Мая. День въѣзда въ Таврисъ. По настоянію и просьбамъ Присава при Посольствѣ пустились мы въ походъ съ ночлега не ранѣе 8 часовъ. Повели насъ

мимо деревни Согланъ, которая, еслибы мы ѣхали по большой дорогѣ, осталась бы у насъ въ правой рукѣ. Опъ ночлега нашего до Тавриса Персіяне счишаютъ два *отага* съ половиною, или около 17 верспъ. Дорога идетъ по равнинѣ; грунтъ земли, какъ и по всему пространству, которое мы проѣхали, глинистый; во многихъ мѣстахъ солончаки, но гдѣ обработанъ, тамъ довольно плодороденъ. Верстахъ въ двѣнадцать отъ Тавриса при рѣчкѣ Дизагачъ-Чай, чрезъ которую есть мостъ, встрѣшилъ Посольство Фашалиханъ Бегмеръ-бекъ (Военный Губернаторъ Таврискій) въ сопровожденіи кавалерійскаго отряда. Проѣхавъ съ нимъ версты три, встрѣшилъ насъ Конюшіи Шахъ-Зады (Аббасъ-Мирзы), или понашему Шпалмейстеръ, въ сопровожденіи 26 человекъ собственныхъ Шахъ-Зады *джилаударовъ* (оруженосцевъ, или пѣлохранищелей) изъ Курдовъ. Они были одѣты въ панцири, а въ чалмахъ имѣли павлиныя и другія перья, получаемыя за храбрость. Отрядъ сей сопровождалъ 7 верховыхъ лошадей въ богатыхъ уборахъ: одна изъ нихъ назначена была Послу, прочія для парада заводныя.

Впереди лошадей шло 6 скороходовъ въ красныхъ шелковыхъ Персидскихъ полукафтаньяхъ. На лошади, назначенной для Посла, сѣдло было съ бархатною зеленою подушкою на Европейскій манеръ, чепракъ вышитый шелками съ серебромъ, а мушкетерскіе и нагрудники, какъ на посольской, такъ и на заводныхъ были золотые. Когда мы приблизились къ сей свитѣ, то Шпалмейстеръ чрезъ переводчика доложилъ Послу, что Шахъ-Зада посылаетъ ему лошадь. Губернаторъ Таврискій и приставъ нашъ Аскеръ-ханъ просили Посла, чтобъ пересѣлъ на нее. Изъ церемоніала видно было, что эта лошадь назначена не только для вѣзда въ городъ, но и со всею уборомъ въ подарокъ, а потому Посоль и желалъ уклониться приспосовѣннымъ образомъ отъ принятія сего подарка. Чтобъ не обидѣть однако Персіянъ, согласился онъ на убѣжденія ихъ, сошелъ со своей лошади, располагаясь повидимому пересѣсть на присланную отъ Шахъ-Зады; но замѣтивъ, что спремена коропки и лошадь горячится, воспользовался симъ предлогомъ и сѣлъ опять на свою собственную, приказавъ всѣхъ прислан-

ныхъ изъ Тавриса лошадей вестнн обратнн въ городъ. Между шемъ лишь только сошелъ онъ со своей лошади, началась пальба изъ артиллеріи, копорая впрочемъ спояла въ верспѣ, или около, опъ шого мѣспа, гдѣ подвели парадную лошадь. Выспрѣловъ хопя и положено было по церемоніалу 21, но мы насчитали ихъ 52. Всей артиллеріи въ спрою спояло 45 пушекъ; подъ каждую заложено было 4 лошади.

Академикъ Машковъ, по приѣздѣ нашемъ въ Таврисъ, сказываль, что когда пальба производилась, онъ былъ опъ насъ впереди, и видѣль, что для заряда и пальбы были особые пѣшіе канонеры, коихъ, по окончаніи выспрѣловъ, шопчасъ опослали опъ фронта прочь. При каждой пушкѣ оставалось, кромѣ фурлейшовъ, по 6 канонеровъ съ обнаженными саблями. Когда мы уже были не далеко опъ Артиллеріи, по главный начальникъ и учредитель оной, Англинской службы Маіоръ Линдзей, оставя фронтъ, подѣхаль къ Послу и опсалюшовавъ ему, присоединилъ къ нашей свитѣ. Линдзей человекъ довольно молодой, опмѣнно высокаго ро-

спа, былъ одѣшъ въ Аглинскій синій мундиръ и имѣлъ на головѣ шишакъ съ красными волосами. Подлѣ артиллеріи стояла регулярная кавалерія; судя по мундирамъ, они прехъ разныхъ полковъ, въ одну линію (примѣрно положишь можно чело-вѣкъ по спу, или по полшораспа отъ каждого полка). Мундиры на нихъ были синіе, зеленые и желтые; при кавалеріи находилось до 6 небольшихъ пушекъ. Далѣе регулярная пѣхота—Сарбазы; также одѣшы въ мундиры разнаго цвѣта; шапки на головахъ обыкновенныя Персидскія съ широкимъ околышемъ изъ черной мерлушки и отъ проспонародныхъ отличаются одними большими вишишкешами. Здѣсь подѣхаль къ Послу командующій всею инфантеріею Англичанинъ Капитанъ Гаршъ, въ мундирѣ и Персидской шапкѣ съ красною верхушкою и козырькомъ; покрой мундира похожъ очень на попь, въ какомъ представляють у насъ на театрѣ Карла XII. Описалюповавъ, и сей присоединился къ свитѣ. Приближаясь къ войскамъ, стоявшимъ въ парадѣ, примѣнили мы, что по-то позади фронта ѣхаль наровнѣ съ Посломъ въ Персидской шапкѣ, на гнѣдой

лошади, завернувшись въ темнозеленую шинель, или плащъ; Ъхаль онъ по пущи съ нами и смопрѣль какъ на Посла, шакъ и на всю свипу съ большимъ любопытствомъ, спараясь прикрывапъ свою бороду плащемъ. Ни за нимъ, ни впереди, пропивъ обыкновенія Персидскаго, не было ни одного человѣка; наконецъ, въ довольно значительномъ опдаленіи позади его, примѣшили мы нѣсколько скороходовъ, копорые несли маленькій значекъ бѣлаго цѣпа и пунцовое знамя. Полагая, что наблюдашель сей не проспый зришель, а кто либо изъ людей весьма важныхъ, вся свипа и даже самъ Посоль обрапили на этого всадника особенное вниманіе, и въ послѣдспвіи чрезъ одного изъ чиновниковъ, бывшихъ прежде въ Персіи, узнали, что это самъ Аббасъ-Мирза, сынъ Шаха, управляющій Таврисомъ и подчиненными ему обласпиями.

Регулярной пѣхоты въ спроу было до 6000; вмѣспѣ же съ національною кавалеріей, всего, войска назначеннаго для вспрѣчи Посольства, находилось до 15000, въ шомъ числѣ много было Курдовъ. Пер-

сіяне, какъ регулярные, такъ и нерегулярные, одѣпы весьма бѣдно; и мы не замѣтили той Азіятской пышности, о копорой гремишь весь свѣтъ. Когда свита Посольства приблизилась къ мосту, за копорымъ ожидали насъ наши команды, гдѣ оканчивался и спрой Персидскихъ войскъ, Шахъ-Зада весьма скоро ускакалъ впередъ. Не доѣжая нѣсколько до моста, выѣхалъ навспрѣчу наслѣдственнѣй Визирь Мирза Абуль-Гасумъ, сынъ Камайкама Мирзы Бизюрка.

По привѣтствіи съ обѣихъ сторонъ, опправились далѣе. Мостъ успроенъ чрезъ рѣчку Аджичай весьма хорошо; рѣчка очень быспрая и кажется довольно глубокая. Съ Визиремъ выѣхало очень много разныхъ чиновниковъ, копорые, повидимому, соснавляющъ дворъ Шахъ - Зады. Они были всѣ въ кафшанахъ фіолетоваго цвѣта, очень схожихъ съ кафшанами Русскихъ кущовъ, съ шюю однако разницею, что у Персіянъ съ обоихъ боковъ, опъ низу, для удобности въ верховой ѣздѣ, еспъ большіе разрѣзы, заспегивающіеся маленькими шелковыми пуговицами. Приборы на лошадяхъ были золотые. Переправясь

чрезъ мостъ, парадъ нашъ увеличился, Русскими музыкантами, часпю гренадерь и Донскихъ козаковъ. Спеченіе народа было очень велико. Почпи опъ самага моста начинаешся форшпашъ, гдѣ однако много еще оспаешся пуспыхъ и незастроенныхъ мѣспъ. Рели насъ по улицѣ, кошорая, кажешся, одна только и еспъ; и пой по справедливоспи нельзя признашъ за обыкновенную Европейскихъ городовъ улицу, а проспо за шѣсный и весьма изкривленный проѣздъ между двумя глиняными спѣнами: ибо не только фасадовъ домовъ по оной не видно, но и ворошъ нѣшъ; сіи послѣднія замѣняюшся маленькими квадрашными калипками, или лучше сказашъ, лазейками. Народъ здѣсь, какъ и вездѣ, весьма любопытспвоваль видѣшъ чужеземныхъ гостей; но шедшіе по обѣимъ споронамъ чпновники, или служилеи полиціи, длинными палками били всѣхъ, кмо приближался къ намъ, безъ всякой пощады; за чпо нѣкошорые изъ храбрыхъ зрштелеи оплачивали имъ камнями, и *тамаша* (такъ называешся погрузински всякое зрѣлище) была славная. Проѣхавъ форшпашомъ верспъ около шрехъ, при-

ближились мы къ воропамъ крѣпости, въ копорой заключаенся весь городъ; въ промежутокѣхъ, гдѣ были пустыя мѣста по форшпашу, спояло нѣсколько солдатъ съ ружьями, а на спѣнѣ городской множество народа. Предъ спѣною широкій и глубокий ровъ. Опъ воропъ до самой кварширы вели насъ по улицамъ, еще болѣе, нежели на форшпашѣ, узкимъ и кривымъ, шакъ чшо музыканты не могли идти какъ человѣка по чепыре и по пяпи въ рядъ; а чшобъ провесшь до кварширы шяжеспи Посольства, шо въ нѣкопорыхъ мѣстахъ должно было разбирашь фуры и пропашкивать ихъ на людяхъ. По улицамъ фасадовъ шакже не видно; народа мѣстами было много, но женщинъ ни одной, даже въ скважины дверей примѣпишь ихъ мы не могли. Слышали послѣ (не знаю, справедливо ли?), будшо дня за при до нашего приѣзда, полицейскіе ходили по всѣмъ улицамъ и спрого подшверждали, чшобъ женщины во время приѣзда нашего нигдѣ не показывались, а если копорая осмѣлился полюбопыщшвовашъ, шо по ней будушь спрѣляшь. У воропъ предъ домомъ, назначеннымъ для Посольства, спояла кавалерія изъ земскаго войска.

Кваршира назначена намъ въ домѣ Каймакама; внутри двора, при самомъ въѣздѣ, находился почепный карауль въ красныхъ мундирахъ; при нашемъ приближеніи начался бой въ барабаны и заиграли на флейпахъ какой-то маршь. Съ мѣста ночлега ѣхали мы ровно 4 часа. Визирь и Губернашоръ, проводивъ насъ до воротъ, поѣхали къ себѣ; а насъ въ компаньи проводилъ Присцавъ нашъ Аскеръ-Ханъ и помощникъ его Назаръ-Алибекъ. Домъ обширный — но, видно, давно не былъ занимаемъ; весьма нечисль.

Вечеру принесли намъ нѣсколько черешни, апельсиновъ зѣшнихъ и гранадъ. Служипелямъ дали было мы за приносъ нѣсколько червонцевъ; но послѣ чиновникъ возвратилъ ихъ намъ и сказалъ, что опъ Аббасъ-Мирзы спорого запрещено людямъ принимашъ деньги.

---

20 Мая, въ 10 часовъ прибыль Каймакамъ въ сопровожденіи Аскеръ-Хана и Назаръ-Алибека. По переводу разговоръ можно было заключишь, что онъ очень умный и хипрый человекъ. Между про-

чимъ не упустилъ онъ сказать, что онъ чуждъ всякаго приспрасія; что ему собственно для себя ничего уже не нужно; что онъ очень старъ (чего однако по сухой его комплекціи и крашеной бородѣ нельзя было замѣтить); что ему опасается только наблюдать справедливость и молишься Богу; что онъ не что иное какъ *дервишъ* (человѣкъ чуждый всѣхъ мірскихъ суешъ). Онъ давно находился при Аббасъ - Мирзѣ и пользуется особенною его довѣренностію. Просидѣвъ у Посла болѣе часа, опкланялся. Въ 6 часовъ послѣ обѣда Посоль, съ двумя Совѣшниками и переводчикомъ, сдѣлали визитъ Каймакаму. Опъ него узнали, что Аббасъ - Мирза располагаетъ принять Посольство завтрашній день.

21 Мая день, празднуемый въ честь Святаго Благовѣрнаго Царя Константина и мащери его Елены. Вчера Посоль, бывши у Каймакама, между прочимъ сказалъ ему, что сегодня у насъ праздникъ: именинство Цесаревича Великаго Князя **КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА**, и что о здравіи Его мы будемъ молишься Богу. Въ 8 часовъ поставили на дворѣ жершвенникъ,

покрытый богатымъ покровомъ: на оный положены были Крестъ и Евангеліе, шѣ самыя, кои блаженныя памяти Императрица ЕКАТЕРИНА II пожаловала въ церковь Имеретинскаго Царя и которыя во время его возмущенія прошиву Русскихъ были опбины вмѣстѣ съ прочею ушварью и съ Рысочайшаго дозволенія подарены за храброспѣ Грузинскому полку. Чиновники всѣ, въ полныхъ мундирахъ, собрались къ Послу и поздравили съ праздникомъ. Привели всѣ команды козаковъ Донскихъ и линейныхъ, музыкантовъ и гренадеръ, также одѣтыхъ порадно; всѣ они носпавлены были въ спрой, и когда все было гошово, по Посоль съ чиновниками выщель на дворъ, гдѣ и началось молебствіе. Священникъ былъ въ богатой ризѣ и дьячекъ также въ богатомъ спихарѣ. Многіе изъ Персіанъ, любопытствуя видѣть сію церемонію, взобрались на верхъ спѣнь и сосѣдспвенныхъ домовъ. Чрезъ два часа спведены были парадныя лошади для Посла и всѣхъ чиновниковъ; вслѣдъ за симъ явился Церемонимейсперъ съ извѣспіемъ, что у Шахъ-Зады къ принятію Посольспва все гошово. Топчасъ всѣ мы опсправились:

одни на Персидскихъ, а другіе на своихъ лошадяхъ, попому что бѣшеные Персидскіе жеребцы бьютъ другъ друга, а опъшого нѣрѣдко доспаеся и всадникамъ. Лошадь для Посла была та самая, копорую выводили на встрѣчу Посольства въ богатомъ уборѣ, равно какъ и другія для чиновниковъ приведенныя лошади имѣли на себѣ уборъ золотой; или по крайней мѣрѣ хорошо вызолоченный. Опъ посольскаго дома до дворца Шахъ - Зады, на разстояніи не болѣе 200 сажень, по обѣ стороны улицы выстроены были Сарбазы. Въѣхавъ на первый дворъ, довольно просторный; мы не замѣтили никакихъ зданій: энопъ дворъ не иное что, какъ квадратная площадь, обнесенная со всѣхъ сторонъ высокою стѣною; около копорой спояли войска съ ружьями; держа ихъ на караулъ. Тупъ гремѣла Персидская музыка. У противоположныхъ воротъ Посоль и всѣ чиновники сошли съ лошадей и вошли на другой дворъ. Здѣсь по всѣмъ чепыремъ сторонамъ были комнашы въ при эшажа, всѣ окна заняпы были придворными, или просто любопытствующими Персіянами. Пройдя сей дворъ, вышли

мы чрезъ небольшія ворота на шрепью площадь; шедшіе впереди насъ Персіяне сдѣлали по низкому поклону, касаясь почвы до земли головами. Въ концѣ двора, которъй въ длину былъ сажень около 50, увидѣли мы домъ, успроенный на подобіе бесѣдки; крайнія окна съ обѣихъ споронь были закрышы, а въ срединѣ всѣ подныпы вверхъ; передъ домомъ бассейнъ и въ ономъ небольшіе фонпаны; вся средина площади разбила на небольшія опдѣленія въ коихъ посѣяны какіе-то цвѣпы: судя по лиспьямъ, должны бышъ родъ гвоздикъ, но цвѣшовъ еще не было. Между опдѣленіями дворъ вымощенъ камнемъ, и дорога, для прохода ко дворцу, довольно широкая. По срединѣ дома, подъ навѣсомъ между домомъ и бассейномъ, возлѣ самой спѣныу оконъ, споялъ Персіянинъ въ обыкновенной шапкѣ и въ красномъ кафпанѣ, съ небогатою по боршу серебряною опорочкою, какіе нерѣдко видали мы на обыкновенныхъ чиновникахъ; по лѣвую спорону его спояли униженно при мальчика, опъ 8 до 12 лѣшъ, въ богашыхъ парчевыхъ плашьяхъ. Когда вышли мы на средину площади, провожашые наши сдѣлали дру-

гій поклонъ, а подходя ближе къ навѣсу, прешій. Посоль и всѣ чиновники шли въ шляпахъ чрезъ весь дворъ, или цвѣшникъ, и когда перешли за половину, догадались уже, что Персіянинъ, стоящій по серединѣ дома у окна, долженъ бытъ самъ Шахъ-Зада. Подойдя довольно близко къ дому, неподвижный доселѣ сдѣлалъ шага два впередъ, что заснавило спросишь у провожаемыхъ: кто это?—“Шахъ-Зада!”,—Послѣ сего Посоль и всѣ чиновники поспѣшь сняли шляпы и подошли еще ближе. Посоль поднесъ грамоту, копорая вложена была въ парчевый мѣшокъ, Шахъ-Зада, принявъ оную, нанесъ ее на голову, для доказанія по Азіяшскому обычаю подобающаго уваженія, и попомъ положилъ на окно, у котораго стоялъ во все время, пока находился у него Посоль, не менѣе часа. Онъ разговаривалъ съ Посломъ о разныхъ предметахъ весьма вѣжливо. Посоль просилъ позволенія представитъ ему всѣхъ чиновниковъ, сославлявшихъ его свипу. На сіе Шахъ-Зада отвѣчалъ, что онъ самъ хотѣлъ просишь о помъ Посла и ему весьма желательна знашь, кто какую должность занимаешь, Посоль, начи-

ная съ Совѣтниковъ, сказалъ ему каждо-
го званіе, чинъ и фамилію; послѣдній
Шахъ-Зада повпорялъ за Посломъ доволь-
но чисто, исключая нѣкопорыя, запруд-
нительныя для его выговора. Когда дошла
очередь до арписшовъ, нашихъ Академи-
ковъ, то спросилъ онъ: *что они дѣлаютъ?*—
Генераль опвѣчалъ: “пишущъ поршрешы
и снимающъ виды, копорыя красопою
своею особенно нравяшся., — *А дѣлаютъ
ли они планы? Я зналъ Французскихъ
Офицеровъ, которые цтившись Матема-
тикъ, умѣли рисовать и снимали пла-
ны.* — “Нѣшъ, они эшого не умѣющъ: для
шого нужны особенные военные Офице-
ры; но мы не взяли ихъ съ собою, шакъ
какъ намъ нѣшъ никакой нужды до пла-
новъ., — Разговоръ продолжался долго; меж-
ду прочимъ Шахъ-Зада рекомендовалъ
Послу шрехъ мальчиковъ, споявшихъ въ
споѣ онъ, о копорыхъ упомянуто выше,
и сказалъ, что одинъ изъ нихъ брашъ его,
другой сынъ, а шрешій племянникъ, сынъ
Шахъ-Зады Али-шаха, Тегеранскаго Бег-
лербека. На рукахъ у нихъ, powyше лок-
тя, были браслешы, или запяшья, осы-
панныя дорогими каменьями, подъ копо-

рыми, какъ увѣряли насъ послѣ, хранящяся молишвы изъ Алкорана. Попомъ узнали мы, что шупъ же спояли двое изъ первѣйшихъ Мирзь и Каймакамъ, копораго Шахъ-Зада, попчасть по приходѣ нашемъ, подозвалъ къ себѣ. При аудіенціи сей находилось всѣхъ Персидскихъ чиновниковъ не болѣе шести. Здѣсь шакже мы еще болѣе удосповѣрились, что во время нашего вѣзда въ Таврисъ, позади фронта ѣхалъ самъ Шахъ - Зада. Аудіенція наша продолжалась, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе часа. Наконецъ Шахъ-Зада сказалъ, что послѣ дороги нуженъ покой и онъ позволяеть намъ опсправившяся назадъ, заключивъ шемъ, что если намъ угодно куда ѣхашъ и любопышсшвованъ, то спойшъ полько предваривъ его, и мы найдемъ вездѣ удовольствіе. Генераль опвѣчалъ, что онъ намѣренъ просишъ позволенія намъ прогуливашя даже и за городомъ. “Мы люди свободные, присовокупилъ онъ: и не любимъ сидѣшъ въ чешырехъ спѣнахъ, а привыкли всегда бышъ на воздухѣ и пользоваться совершенною свободою.,—*Очень хорошо! Очень хорошо!* былъ опвѣшъ Шахъ-Зады. Послѣ сего мы оп-

кланялись и шагахъ въ десяти надѣли шляпы. Подходя къ дверямъ, или къ выходу со двора, Генераль, оборотясь и увидя, что Шахъ-Зада все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ и въ томъ же положеніи, сдѣлалъ ему знакъ рукою къ шляпѣ, чему послѣдовали и всѣ чиновники, а попомъ вышли на другій дворъ, и тамъ наша аудіенція кончилась. Черезъ открытыя окна въ комнатахъ дворца видно было, что спальни убраны зеркальными стеклами; при двери, для входа въ прочіе покои, завѣшены были шелковыми занавѣсами, богато вышитыми золотомъ: одна зеленого, другая пурпуроваго, а третья синяго цвѣта. Далѣе за домомъ, черезъ открытыя окна, видѣнь былъ четвертый дворикъ, и тамъ еще домъ такой же точно конструкціи, какъ и тотъ, возлѣ котораго мы спояли, только не важной архитектурой: спальни просто опещекатурены—бѣлыя, и деревянная опдѣлка самая простая. Шахъ-Зада весьма недурень собою; онъ роду имѣеть около 35 лѣтъ, носъ Римскій, глаза большіе на выкатѣ и не очень смуглы; борода густа и велика, но противъ опцовской, какъ по портрету судить можно, не бу-

дешь и въ половину. Одѣтъ онъ былъ весьма просто: на головѣ обыкновенная Персидская шапка, верхній кафтанъ изъ шали алаго цвѣта, на ногахъ бѣлые изъ шерсти, или бумаги, чулки и зеленые башмаки на высокихъ каблукахъ, какіе вспарину нашивали наши Рускія купчихи, кинжалъ обдѣланъ также небогато: черенъ изъ бѣлой кости; на верху рукоятки только—былъ довольно значительной величины алмазь.

Послѣ обѣда были мы на дворѣ Сарбазскихъ казармъ. Артиллеристы учились маршировать: это можно назвать сапирою на нашу пѣхоту; да и вообще Персидскіе Сарбазы, или такъ называемыя регулярныя войска въ сущемъ младенчествѣ. Развѣ въ послѣдствіи, если судьба постоянно будетъ благоприятствовать Персіи, могутъ онѣ для сосѣдей быть страшны.

---

22 Мая, въ 10 часовъ утра, посѣпиль Посла наслѣдственкый старшій Визирь, сынъ Мирзы-Бизюрка, Мурза Абуль-Гасумъ, съ премою Мирзами, изъ коихъ одинъ управляетъ всѣми приходами и расходами; дру-

гой, въ родѣ Генераль-Инпенданша, завѣдываеиъ всякое приготоовленіе по часпи военной; а претій играеиъ роль Оберъ-Церемонимейстера, и о всѣхъ, желающихъ предспавишься Аббасъ-Мирзѣ; докладываеиъ чрезъ Каймакама.

Когда госпи сій опправились назадъ; то посѣпилъ Посла меньшей сынъ Мирзы Бизюрка, копорый женаиъ на дочери Шаха: мальчикъ молодой, лѣтъ 16, весьма невидной наружности. Съ нимъ было четверо молодыхъ людей, дѣиъ разныхъ Хановъ, копорые служатъ при дворѣ Шахъ-Зады.

Сегодня приглашены были къ посольскому обѣду находящіеся въ службѣ Персіанъ Англинскіе Офицеры: Маіоръ Генри; Линдзей, командующій арпиллеріею; Маіоръ Макъ Инпошъ начальникъ надъ пѣхошою въ Эривани; Капипанъ Гаршъ, командующій пѣхошою; Поручикъ Виллокъ, начальспвующій надъ кавалеріею и Докпоръ Джонъ Кормикъ. Одинъ только Докпоръ умѣеиъ говорииъ пофранцузски; но всѣ они совершенно выучились Персидскому языку. Послѣ обѣда приглашены мы были опъ имени Шахъ-Зады на прогулку;

гдѣ обѣщаль онъ показатъ намъ кавалерійскіе маневры. Въ 5 часовъ приведены были придворныя лошади, и мы всѣ, кѣмо на Персидскихъ, кѣмо на своихъ, отправились за городъ. Дорога шла мимо воровъ дворца Шахъ - Зады : когда мы приблизились къ оному, то со двора показалась передовая спража Шахъ-Зады, а вслѣдъ за нею и самъ онъ выѣхалъ, на шой же самой лошади и въ шомъ же плащѣ, въ копоромъ смопрѣлъ нашъ въѣздъ. Ёхали мы по городу между кавалерисшовъ, копорые спояли въ спрою . Впереди Шахъ - Зады шли по два врьдъ до 40 человекъ пѣшихъ національныхъ солдатъ съ ружьями, одѣшыхъ по произволу каждаго; въ срединѣ между ними шли скороходы по чешыре въ рядъ, въ красныхъ кафшанахъ съ маленькими палками, копорыя на обоихъ концахъ имѣли копья. Возлѣ спремя его шель одинъ въ обыкновенномъ Персидскомъ кафшанѣ, и весьма часшо служиль ему за Адьюшанша, бѣгая съ приказаніями его, во всю прышь. Предъ выѣздомъ изъ города, спояль на одномъ возвышеніи начальникъ всѣхъ духовныхъ, или дервишей, со своею свитою; вблизи его играла

нескладная музыка, и онъ съ помощникомъ своимъ кричалъ изо всей силы: *Алла! Алла!* Одѣнъ былъ онъ богато: плащъ имѣлъ на себѣ вышитое разными шелками по бѣлой землѣ. Выѣхавъ за крѣпостныя ворота, продолжали мы путь форшпатамъ верспъ около двухъ: въ полѣ нашли артиллерійскую батарею изъ 18 пушекъ; проѣхавъ нѣсколько далѣе, остановились на возвышеніи; между шемъ Курды выбирались изъ города.

Маневры Курдовъ хорошо видѣть разъ, не болѣе; иначе они скоро наскучають: пѣ же атаки, та же пальба изъ пистолетовъ и преслѣдованіе однихъ другими. Шахъ-Зада отдавалъ свои приказанія чрезъ Генераль-Адьюпанша, котораго всякій разъ призывалъ къ нему пѣшій Адьюпаншъ; шомъ нагнется головою до сшременъ, выслушаетъ приказаніе, скажетъ: *бале* (слышу), сдѣлаетъ опять поклонъ до сшремя и поскачетъ. Маневры продолжались часа полшора; пошомъ Шахъ-Зада предложилъ смосрѣть артиллерію, какъ она будетъ сшрѣлять въ цѣль. Изо сша и болѣе высшрѣловъ ни одно ядро въ самую цѣль не попало; впрочемъ всѣ упали довольно

близко. Удовольствуюсь симъ зрѣлищемъ, Шахъ-Зада сказалъ: *я завожу для себя садъ, не угодно ли посмотришь?* Маневры производились пропивъ самага сада. Подъѣхавъ къ воропамъ, сошли съ лошадей, и пошли пѣшкомъ по аллеѣ. Садъ еще молодой, но весьма обширной; расположенъ регулярно: по срединѣ его бесѣдка, а за нею бассейнъ и фоншанъ. Дорогою Шахъ-Зада сказывалъ, что провешъ въ садъ воду стоило ему 3000 тумановъ, на наши деньги 15000 серебромъ. Опъ воропъ до бесѣдки распоянія будетъ едва ли не болѣе версны. Когда приблизились мы къ бесѣдкѣ; то главный садовникъ поднесъ Шахъ-Задѣ и Послу по букету цвѣповъ, искусно сложенныхъ. Спѣсны внутри бесѣдки убраны были зеркальными спеклами и поршретами: Имперапора АЛЕКСАНДРА, Наполеона, Шаха, Турецкаго Султана, и нѣсколькими дамскими, въ Азіатскихъ и Европейскихъ костюмахъ. Поговоривъ съ полчаса, Шахъ-Зада сдѣлалъ весьма вѣжливымъ образомъ предложеніе Послу напишья чаю, прибавя, что въ бесѣдкѣ, съ шѣхъ поръ, какъ она опшстроена, онъ еще первый госпъ. По-

соль согласился; но когда Шахъ-Зада сказалъ: *мы останемся здѣсь, а чиновники будутъ пить въ особой комнатѣ* — то Посоль приказалъ перевесить, что мы въ это время чаю не пьемъ. Шахъ-Зада предложилъ выпить хопя шербету. “Хорошо!”, былъ отвѣтъ Посла. Но когда хозяинъ повспорилъ, что они двое оспанушся здѣсь, а чиновники должны выпить въ другую комнату; то Посоль приказалъ переводчику сказать Шахъ-Задѣ, что если чиновники выдутъ, то и онъ долженъ съ ними выпить.—*Ахъ! нѣтъ, пусть остаются! Я трезвъ сіе желалъ только болѣе оказать Послу погести, притомъ же въ одной комнатѣ и тѣсно; по крайней мѣрѣ Посоль приказалъ бы всѣмъ стать рядомъ, чтобъ удобнѣе было подавать шербетъ!* И этого не сдѣлали, а спояли кпо какъ хопѣль. Шербетъ сначала подали Шахъ-Задѣ, а между темъ въ другихъ чашкахъ начали подавать чиновникамъ. Чашку отъ Шахъ-Зады поднесли къ Послу; всѣ пили очень немного, и болѣе для того, чтобы показать, что мы имѣемъ право пить и при Шахъ-Задѣ. Между разговорами замѣпилъ онъ, что спѣна сада въ одномъ мѣспѣ

проведена выгибомъ; что эта часть земли принадлежитъ одному изъ гражданъ Тавриса; что онъ какъ ни спарался купишь ее, но хозяинъ не продаетъ, и шакъ по сіе время оспаеетъ! Генераль нашъ сказалъ: “это подражаніе Прусскому Королю!”, Но съ шемъ вмѣспѣ чрезъ переводчика оппущена была куча комплиментовъ на счетъ великодушія и мудрости Шахъ-Зады. Онъ опъ шого не прочъ, и спалъ увѣряетъ, что употребляетъ всѣ средспва къ пользѣ своего опечеспва, и ему очень прискорбно будетъ, если его наслѣдники не будутъ подражатъ ему. Наконецъ бесѣда кончилась, и мы возвратились домой. Въ саду Шахъ-Зады не было ни одного чиновника, кромѣ шѣхъ, которые подавали въ бесѣдкѣ шербетъ. Вообще о Шахъ-Задѣ можно сказать, что онъ, въ сравненіи съ прочими Персіянами, довольно образованъ; много заболится о лучшемъ успройспвѣ всѣхъ частей управленія. Онъ первый рѣшился завести регулярное войско, успроилъ аршиллерію, занимается хозяйспвомъ, спроитъ вновь дома и разводитъ сады. Кальяна вовсе не куритъ, и вообще жизнь ведетъ весьма презвую. На счетъ калья-

ка говорилъ, что еслибъ собрать всѣ тѣ деньги, копорыя ежегодно упопреляють въ Персіи на одни кальяны; то досташпоч-но было бы прокормить войска до 200.000 человекъ; что многіе съ нимъ согласны въ помъ, но они же уговариваютъ его, чтобъ курить. Посоль на сіе замѣшилъ ему, что запрешилъ кальянъ желалъ очень и Великій Шахъ - Аббасъ, но Персіяне его поже не послушали.

---

23 Мая до обѣда не было ничего чрезвычайнаго, кромѣ посѣщенія нѣкопорыхъ изъ вельможъ. Во время обѣда Назарь-Алибекъ, отъ имени Шахъ-Зады, пришелъ спросить, не угодно ли будетъ въ передъ захожденіемъ солнца посѣпить ту площадь, копорую желалъ видѣть прешьяго дня? Посоль согласился; но напередъ сдѣлалъ визишы Визирю и зяпю Шаха. Часу въ седьмомъ пришелъ Назарь-Алибекъ и сказалъ, что все гошово къ приняпію. Мы всѣ опправились пѣшкомъ. На дорогѣ присоединился къ намъ Визиръ съ двумя чиновниками и Приспавъ нашъ Аскеръ-Ханъ. Насъ провели въ галлерей, копорая была

прошивъ ворошь на другой споронѣ двора. Тамъ пригласили сѣсть. Генераль спросилъ: “буденъ ли самъ Шахъ-Зада?,, *Нѣтъ!* Подъ рукою дали знашь, что еслибъ онъ былъ пущь; по Визирь и Таврискій Военный Губернапоръ должны были бы спощь на дворѣ, а онъ не желасъ того. Здѣсь увидѣли мы, что на всемъ проспранствѣ двора пригоповленъ былъ огромный фейерверкъ; для зажженія проведены были шпапины ко всѣмъ шпукамъ. Когда приступили къ дѣлу: по одна изъ шпукъ загорѣлась прежде другой, а ошъ нея все прочее: посреди гуснаго дыма, съ ужаснымъ прескомъ и громомъ, разлещѣлся въ чешвершь часа весь пригоповленный фейерверкъ, и мы ничего порядочно видѣшь не могли. При выходѣ изъ галлерей, Посоль сказалъ въ упѣшеніе Персіанъ: “прекрасный фейерверкъ; жаль шолько, что распавлено было шѣсно!,,

Чиновники Посольсшва, возвращаясь съ фейерверка, пригласили къ себѣ на ужинъ Англинскихъ Офицеровъ. Олгъ нихъ узнали, что сегодня приѣхаль въ Таврисъ ошъ Шаха Мегмешъ Алибекъ, одинъ изъ шѣхъ, кошорые были въ Пешербургѣ при

Персидскомъ Послѣ. Онъ привезъ извѣстіе, что въ Тегеранѣ начались уже чрезмѣрные жары и Шахъ переѣхалъ для того въ Сулпанію. Это извѣстіе насъ очень порадовало, пошому что опъ Тавриса до Сулпаніи ближе около 500 верспъ, да и жишъ шамъ гораздо прохладнѣе, нежели въ Тегеранѣ. —

Посоль того же дня объявилъ нашему Приспаву, что намѣрень чрезъ два дня непременно опсправиться въ дальнѣйшій пупъ. Персіяне сколько ни спарались, подъ разными предлогами, убѣдиль Посла, чтообъ оспался здѣсь далѣе, но ихъ непослушали. Имъ весьма желашельно было чтообъ Посоль просиль у Шахъ-Зады прощальной аудіенціи; но и въ шомъ удовлетворенія имъ не сдѣлано, и 26 Мая въ чепыре часа ушра, Посольство выспушило изъ Тавриса, гдѣ Совѣшникъ Соколовъ полько оспавленъ былъ, для засвидѣтельствованія Шахъ-Задѣ, опъ имени Посла, благодарности за оказанныя Посольству приемъ и угощеніе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Весенняя пѣснь.

(Подражаніе Карпинскому *).

Ужь сполько разъ на ясный неба сводъ
 Въ веселіи денница восходила,
 И роци мирныя и зыби чистыхъ водъ
 Лучемъ привѣшнымъ золопила.

*

Чтожь спалося съ побой, мой милый
 свѣшь?

Ужель швое мнѣ сердце измѣнило?
 Все возврашилося—шебя лишь сполько нѣшь,
 Мое безцѣнное свѣпило!

*

Ужь мирный лугъ вдали зазеленѣлъ;
 И ручеекъ, капя сребрисшы волны,
 Опять поля свои родимыя нашель,
 Опять лобзаешъ брегъ зелѣный,

*

Завидую тебѣ, счастливый лугъ!
 Твой ручеекъ къ тебѣ опять явился;
 Но я одинъ еще—мой милый сердцу другъ
 Еще ко мнѣ не возврашился!

*

---

*) Знаменишый Поэтъ Польскій.

Ужъ съ горлинкой во глубину дубравъ
 Опять любовь невинна прилепѣла;
 Щебечешъ ласточка—и боръ очаровавъ,
 Весну воспѣла Филомела.

*

Одной моей пѣвицы не слыхашъ;
 Одна она не смѣешъ появишься—
 И пѣсни пщицъ меня уже не веселяшъ,
 Печаль невольно въ грудь пѣснися.

*

Придижь скорѣй, подруга юныхъ дней!
 И милыхъ уснѣ плѣнишельнымъ дыханьемъ
 Всѣ радости любви вокругъ себя разлей,
 И мѣръ укрась очарованьемъ!

Харьковѣ.

. . . . вѣ.

~~~~~

*Полинѣ, на смертѣ нашего малют-
 ки.*

Еще *Надежда* въ небесахъ!
 Еще для насъ ударъ сердечной!
 Еще мы въ горестныхъ слезахъ
 О жизни милыхъ скоропечной!
 Зачемъ онѣ какъ нѣжный цвѣшъ,
 Возникшій раннею весною,
 Едва покажущся—и нѣшъ!
 И душу омрачашъ тоскою?

Но знашь угодно шакъ Судьбамъ,
 Чшобъ намъ не разцвѣшашъ въ *Надеждѣ*;
 Увы! *Надежды* наши шамъ *):
 Онѣ сокрылись въ вѣчность прежде,
 Чемъ мы могли ихъ понимашъ
 И ихъ улыбкой ушѣшашся.
 Но намъ ли Промысль упрекашъ
 И опъ *Надежды* опказашся:
 Ихъ зрѣшь въ шаинспвенной дали,
 Вънчанныхъ благости лучами?
 Ихъ прахъ безцѣнный—персть земли;
 Ихъ души—неразлучны съ нами;
 Ихъ жизнь—надоблачный ээиръ;
 Свяшый возшоргъ—ихъ достоянье;
 Награда—безконечный миръ
 За ихъ минутное спраданье.
 Зачемъ же, другъ мой, проливашъ
 О ихъ блаженствѣ горьки слёзы?
 Онѣ цвѣшущъ шеперь какъ розы,
 Чшобъ и для насъ благоухашъ.

4 Марта, Казань.

Ө. Рындовскій.

~~~~~

---

*) Двѣ дочери Сочинителя, скончавшіяся въ первые дни ихъ дѣтства, назывались *Надеждами*.

Любимый пирѣ.

Я люблю пиры друзей,
 Гдѣ хошь вкусныхъ блюдъ узоры
 Не манящъ къ столу очей,
 Но свободны разговоры;
 Гдѣ веселье всѣхъ живишь:
 Здѣсь часъ занята бошеномъ,
 Часъ въ бокаль аракъ ѣдишь,
 Иль Шампань сличаешъ съ Дономъ.
 Тамъ сокрышы всѣ чины,
 Но сердца о всѣхъ опкрышы;
 И до упренней зари
 Всѣ заботы позабышы!

Харьковѣ.

. . . вѣ.

~~~~~

Кумѣ Стихотворицѣ.

(Въ день ея рожденія 6 Мая 1826.)

Чего бы въ день рожденья
 Ночлепной Кумушки, чегобъ ей пожелаешь?
 Дано ей все опъ Провидѣнья,
 Что можешъ счастье въ сей жизни соспа-
 вяльшь:
 Супругъ у ней и ласковый и вѣрный;
 Опецѣ же—шакъ примѣрный —
 Любезень, добръ, умець, учонъ

И масперъ въ виснѣ играшь, не полько
чпо въ боспонѣ.

А дѣпки умницы какія,
Особенно *Людмила* и *Эрастб*:

Не всѣмъ пакихъ Богъ дастъ!
Какъ милы *Александрб*, *Викторушка*, *Софія!*
Счаспливица *Кума!*

Надѣюсь, въ помъ она признается сама.
Счасплива *Кумушка* родными и друзьями,
И если наказалъ ее Богъ за грѣхи,
Такъ эпо кумовьями,

Которыхъ прозвала насмѣшница *звѣряли*—
Которые ея спихи

Такъ строго кришикуюшъ
И о *теоріи*, о *правилахб* толкуюшъ.

Сердишесь, пакъ и бышь —

Мы будемъ все *Куму* любить:
Не полько любимъ мы ее и уважаемъ,
Почти чпо обожаемъ;
Опъ всей души желаемъ,
Чшобъ наша *Кумушка* *пуристкою* *) была,
Чшобъ *стихотвориць* всѣхъ въ Россіи
превзошла.

Грѣшно пренебрегашъ искусство
Тому, кпо получилъ оцъ *Феба* даръ и чув-
сшво.
Въ цѣснѣйшій съ *Музами* вспунише-ка со-
юзъ.

*) puriste. Какъ бы сказать эпо порусски? *Изд.*

И право будете десятою изъ Музь.
 Повѣрьте съ Сафою сравнитесь;
 Терпѣньемъ лишь вооружитесь
 И не лѣнитесь.
 Ахъ! шрудень пунь въ блестящій
 храмъ

Безсмертія и Славы:

Идешь по шерніямъ, а рѣдко по цвѣшамъ—
 Да и въ цвѣшахъ змѣи!—Не *Игры* не *Заба-*
 вы

Ведущъ въ сей опдаленный храмъ;
 Но *Мужество*, *Терпѣнье*.

Скорѣ Кумушкѣ желаю я бышь шамъ.—
 Вошь вамъ
 Желаніе мое и вмѣспѣ поздравленье.

Писатель для мужтинѣ и дамѣ.

Благоналюбренній.

~~~~~

Куму Стихотворцу.

(Вѣ день его именинѣ 13 Мая 1826 *).

На дачѣ прошлымъ лѣшомъ
 (Краснѣя, признаюсь предъ Кумомъ и По-
 эпомъ)

Пера я въ руки не брала,

---

*) Числаны за обѣдомъ въ дружеской бесѣдѣ.

Досуга было хоть не мало;
 Но умъ заснулъ и сердце задремало:
 Я просто сонная была!
 Теперь совсемъ другое дѣло:
 Благодаря любезнымъ Кумовьямъ,
 Я приспраспшила къ стихамъ;
 Пишу не хорошо — но смѣло!
 Сегодня именинникъ Кумъ:
 Проснулся слабый умъ;
 Бумаги сердце запросило,
 Перо чинишь зашоропило;
 Спѣшашъ, кричашъ: “хотимъ пи-
 сать,
 Хотимъ мы Кума поздравляшъ., —
 Съ умомъ и сердцемъ споришь
 трудно!
 Къ томужь о томъ и споришь безраз-
 судно,
 Что кажешся самой приятно и умно—
 Такъ дѣло наше рѣшено:
 Умъ, сердце и Кума напишутъ поздравленье—
 А воть удастся какъ нибудь!
 А пы, чишая сочиненье
 Поснизходительнѣе будь:
 Въ стихахъ у насъ найдя ошибку,
 Насмѣшливую скрой улыбку,
 Чтوبъ Кумушку не оспыдишь —
Не все же правду говорить!
 Здѣсь путаницы будешь много:
 Нельзя безъ эшого никакъ;

Меня судишь не должно строго.
Улы скажешь: “вошь пишите
 шакъ!,,
 А *Сердце*, можешь, спавешь спорить.

Но кажешься о чемъ бы вздоришь:
 Всѣ шрое мыслимъ мы равно
 И скажемъ вмѣстѣ за одно:

“Прими ты наше поздравленье
 И горя въ жизни не встрѣчай;
 Одну лишь шолько радость знай,
 Друзьямъ и ближнимъ въ ушѣшенье!
 Дай Богъ спо лѣшь тебѣ цвѣсти
 Съ швоей сѣмьею милой;

Когдажъ найдешь часокъ унылой,
 Примись для дамъ вѣнки плесни—
 Вѣнки стихопворенья —

Не просто изъ цвѣшовъ;
 А дамы скажутъ пять, шесть словъ
 Пѣвцу приятныхъ въ награжденье:
Измайловъ дожилъ до ста лѣтъ *),
А все нашъ миленькій Поэтъ.

Не правдаль, Кумъ, вѣдь это лестно?
 спно?

Но долго ждаль не интересно,
 А намъ давно воспѣшь тебѣ пора!
 Прекрасный полъ! кричи Измайлову: ура!
 Ура! ура! ура!

На Карповкѣ.

М. Даргомыжская.

---

*) Не доживу, ахъ вѣшь! Изд.

Хоть не расти трава.

Армидину опецъ оставилъ
 Въ наслѣдство денегъ миліонъ;
 Но онъ чрезъ чуръ себя забавилъ:
 Богашство все прошло какъ сонъ.
 Попомъ женишься онъ рѣшилъ;
 Нашель невѣсту, да...вдова—
 Такъ чпожь? Богаша...и женился!
А талѣ хоть не расти трава!

*

Единодушья нѣтъ на свѣтѣ
 Хлопочешъ всякой для себя!
 Имѣя деньги лишъ въ предметѣ;
 Корыстинъ молишь, чтобъ Судьба
 Къ нему спиной не повернулась;
 Пущь имъ ограблена вдова...
 Да шолькобъ совѣсть не проснулась—
А талѣ хоть не расти трава!

*

Аглая смолоду гордилась
 Своею рѣдкой красошой,
 Теперъ ей подъ сорокъ; смирилась—
 И оплешѣлъ нижайшихъ рой.
 Нѣтъ женишка; груспишь невольню,
 Кружишься съ горя голова...
 Лишь бы мужчина...и довольно!..
А талѣ хоть не расти трава!

*

Писцовъ, скрѣпляя пукъ прошеній,
 На риему какъ-то набѣжалъ;
 Съ шѣхъ поръ, въ себѣ замѣшя геній,
 Писашь Элегіи онъ спалъ.
 Вездѣ *успотий* да *могила*...
 Опшъ слезъ живъ, бѣдненькій, едва...
 Лишь бы Цензура пропустила —
А тамбъ хотъ не рости трава!

*

Не знаю, я за дѣлоль взялся—
 Оспришь моя (чшожь дѣлашь?) спрасшь,
 Боюсь, не высоколь поднялся,
 Чшо бы споткнувшись не упасшь!
 Похваль не спою и не надо:
 Опшъ нихъ вскружишся голова,
 Улыбка умныхъ мнѣ награда —
А тамбъ—хотъ не рости трава!

С. Ольхинъ.

~~~~~

Эпиграммы.

I.

“Послушай, Климъ, побойся Бога!
 За взяшки сколько разъ ужъ попадался пы—
 А все берешь; и шакъ ужъ много,
 Другъ милый, накопилъ! Да чай опшъ
 просшошы

И съ бѣднаго сорвешь...?,—Беру...опшъ доб-
рошы :

И бѣдныхъ обижашь не должно;
Отказомъ вѣдь обидѣть можно.—

2.

“Климъ, человекъ ты препуспой!
Охота же тебѣ вѣдь цѣлый день *слоняться,*

Просишь о помощи и припворяешься,
Что будшо ты больной!

Служи, шрудись и будешь соспоанье;
Я надивисься не могу...,”

—И шо, я доспаю, опецъ мой, пропишанье,
Не лежа на боку.—

С. Ольхинъ.

~~~~~

К Р И Т И К А .

Апологи въ четверостишяхъ. Мо-
сква 1826.

Почтеннѣйшій Сочинитель въ преду-
вѣдомленіи къ сей книжкѣ пишеть: “Пред-
лагаемые здѣсь Апологи почти всѣ выбра-
ны изъ четверостишныхъ Басень *Мольво*,
извѣснаго Французскаго Поэта. Я не
забочусь о томъ, признающъ ли ихъ Баг-

снями, или Апологами. Соглашаюсь даже и самъ называть ихъ просто *нравоучительными четверостишиями*. Желаю только, чтобы они достигли цѣли своей, и сохранили достоинство во Поэзии.,,

Le nom ne fait rien à la chose.— Впрочемъ здѣсь въ каждомъ четверостишии есть *аллегорія* и *нравоучение* (moralité) если не явное, то подразумеваемое; а что такое *Апологъ*, или *Басня*, какъ не крашкое сочиненіе, содержащее въ себѣ нравоученіе подъ видомъ аллегоріи?

Достоинство стихопворной Басни состоитъ во первыхъ въ *изобрѣтеніи*, въ приспособленіи вымышленнаго происшествія къ той истинѣ, которую не хотѣя сказать прямо, или которую желаютъ доказать; а во вторыхъ — въ *разсказѣ*. Трудно, очень трудно найти хорошее содержаніе для Басни (а иногда и легко: не рѣдко зависить это отъ случая); но разсказать прилично Басню едва ли не труднѣе, чѣмъ изобрѣсти ее. Кромѣ Эзопа и Пильпая, есть какъ у древнихъ, такъ и у новѣйшихъ, очень довольно хорошихъ по содержанію своему, или по цѣли Басень; а много ли Баснописцевъ, приблизивших-

ся приятностію разсказа къ Федру и Лафоншену? Да и много ли настоящихъ образцовыхъ стихотворныхъ Басень? И самыя первокласныя писатели, каковы напримѣръ Воало, Ж. Б. Руссо и Вольперъ, желавшіе блеснуть въ Басняхъ необыкновеннымъ своимъ дарованіемъ, не имѣли въ эпомъ родѣ Словесности значительныхъ успѣховъ.

Ошибающіяся шѣ, копорые думаютъ, что легче перевести стихами хорошую Басню, нежели написать самому. Конечно не такъ трудно переложить въ стихи съ чужаго на свой языкъ Басню, разсказанную просто; но легче (и кто занимался симъ, тотъ повѣритъ мнѣ) сочинить десятокъ весьма хорошихъ оригинальныхъ Басень, нежели перевести одну образцовую, перевести такъ, что бы переводъ, или подражаніе не уступали подлиннику, какъ переведены напримѣръ Басни Лафоншена: *Волкъ и Собака (Воля и Неволя)* Хемницеромъ, *Котъ, Ластотка и Кроликъ* Дмипріевымъ и *Лягушки, просящія Царя*, Крыловымъ. Въ такихъ переводахъ, или подражаніяхъ, на каждомъ почти стихѣ иногда Переводчикъ долженъ

бороться съ Авторомъ (а Лафоншень опасный аплетъ) и употребляшь всю свою силу и искусство. Въ наспоющихъ образцовыхъ басняхъ встрѣчаются такія счастливыя и характерныя выраженія, которыя никакъ не могутъ быть переданы на другомъ языкѣ: надобно замѣнять ихъ по возможности своими; надобно, уступая по необходимости въ одномъ случаѣ автору, стараться въ другомъ брать надъ нимъ превосходство—а все это не такъ-то легко!—Не такъ-то легко переводить не только Лафоншена, но и второстепенныхъ Баснописцевъ, каковъ на примѣръ Флоріанъ, котораго И. И. Дмитриевъ вездѣ превосходитъ въ своихъ подражаніяхъ, а иные наши Баснописцы-Поэты, впрочемъ съ хорошимъ талантомъ и со вкусомъ, не могли перевести удачно *).

Прежде, нежели безсмертный Лафоншень далъ наспоющую форму стихотвор-

---

*) Это не относится къ почтенному моему однофамильцу В. В. Измайлову, который мастерски перевелъ три Флоріановы Басни: *Фениксъ*, *Тигръ* и *Бѣлка* и *Картонные домики*.

ной Баснѣ, думали, что она должна имѣть такую же краткость, какъ и Басня въ прозѣ, и въ эпосѣ основывались на мнѣніи древнихъ. Но у древнихъ Басня принадлежала болѣе къ Краснорѣчію, нежели къ Поэзіи; древніе Орапоры нерѣдко употребляли Басню въ рѣчахъ своихъ вмѣсто *примѣра* и спрранно бы показалось, даже смѣшно, если бы какой Орапоръ, вмѣсто того, что бы рассказать просто и коротко Басню и сдѣлать чрезъ то сильнѣйшее впечатлѣніе надъ своими слушателями, спалъ разсыпалъ въ ней цвѣты Поэзіи и входилъ въ излишнія подробности, отдаваясь опъ главной своей цѣли. Впрочемъ нельзя опредѣлить величину стихотворной Басни: это зависитъ опъ предмета и опъ воли сочинителя. Архисъ изъ одного и того же сюжета можетъ по своему произволению, либо по обстоятельству спвамъ, сдѣлать маленькую виньетку, или большую картину—крошечную спашую, или въ естественный ростъ, даже колоссальную. Замѣшимъ однако, что *Разговорныя Басни*, п. е. пѣ, въ кошорыхъ нѣтъ дѣйствія, а одинъ только разговоръ, оканчивающійся неожиданнымъ оп-

въпомъ, должны большею частію бытъ крапки, и чемъ короче, темъ лучше.

Считаю излишнимъ говорить о томъ, что такъ же трудно переводить стихами крапки Басни, какъ и всѣ вообще крапки стихотворенія. Но для того, кто писалъ превосходно большія картины, не трудно писать маленькіе эскизы: и въ нихъ видна бываетъ не только правильность рисунка, но и мастерство кисти. Вотъ доказательство:

Апологи.

Плодъ.

Садовникъ съшоваль, что долго Плодъ не зрѣеть:

А Плодъ судилъ: “вина не отъ моихъ сѣмянъ:

Дай больше свѣта мнѣ, и буду я румянъ—
Безъ солнца и талантъ въ созрѣніи конѣшь.

Нельзя короче и лучше: самая Басня заключается только въ трехъ стихахъ. Знапки замѣняютъ здѣсь картинное выраженіе: *румянъ*.

Курица и Утята.

“Ты все съ ушьями!”, — Комужь ходишь
за ними?
Я высидѣла ихъ. — “Но что тебѣ они?
Чужія!”, — Нужды нѣтъ! хочу счишашъ мо-
ими. —
Кто любишь помогаешь, пошь всякому съ
родни.

Образецъ простоты и естественности
разговора! Какъ удачно разговаривающее
здѣсь съ курицею лице соединяетъ во-
просъ съ опвѣдомъ: *Но то тебѣ они?*
Чужія! Еслибъ бѣ сказано было просто:
они чужія тебѣ — очарованіе бы разру-
шилось.

Клевета.

Честонъ былъ пораженъ кинжаломъ, но
слегка. —
“Данъ промахъ, такъ и бышь! злодѣй вскри-
чалъ: отсель
По крайней мѣрѣ знакъ останется на шѣлѣ.” —
Черта клеветника.

И черта самая характерная!

Хлѣбъ и Свѣчка.

Прочь, далѣ! близъ себя лежать я не хочу:
Хлѣбъ Свѣчкѣ говорилъ; а ша ему: “напрасно;

Чемъ хуже я себя? подумай безпристрастно:
Ты кормишь; я свѣчу.,,

Здѣсь нѣтъ нравоученія — и не нужно:
смысль Басни ясенъ.

Каменная гора и водяная капля.

“Съ умомъ ли, капля ты? Меня пробить
взялась!
Меня, *гранитную!* Ты право стоишь смѣха!,,
Но капля молча все, *капѣ, капѣ . . .* и про-
бралась. —

Настойчивость — залогъ успѣха.

Прелесный рассказъ! Нужно ли замѣчать
счастливыя выраженія: *гранитную* и *капѣ,*
капѣ. — Кажется однако, что капля мо-
жетъ пробить *гранитѣ,* но не *гранит-*
ную гору.

Миценіе Пчелы.

Обиду мстя, Пчела
Въ обидчика вонзила жало —
“И возгордилася?,, — Ни мало:
На язвѣ умерла.

Заклучимъ наши выписки симъ прелес-
нымъ Апологомъ, копорый можетъ слу-
жить образцемъ крашкоспи. Другой ша-
кой коропкой и прекрасной Басни мы
не знаемъ.

Несмотря на крашкость сихъ Апологовъ, во всякомъ почпи изъ оныхъ видны опличный спихопворный шалáнпъ, понкйй вкусъ и перудное искусство владѣпъ языкомъ. — Осмѣливаемся однако предложитъ здѣсь сомнѣнiя наши на нѣкопорыя выраженiя и мѣспа:

Хорошее всегда *знакомство* въ *прибыль* намъ.
(стр. 13.)

Въ прозѣ слѣдовало бы сказать такъ: *всегда* въ *прибыль* *наибъ* *хорошее* *знакомство*, пошому что прилагательное должно бытъ нераздѣльно съ сущеспишельнымъ, а здѣсь въ спихѣ пославлено между ими нарѣчiе. Не лучше ли бы сiе последнее пославитъ напередъ? Не лучше ли было бы такъ:

Всегда хорошее знакомство въ *прибыль* намъ.

Еще одно замѣчанiе о словѣ: *прибыль*. Вмѣсто этого слова приличнѣе, казалось бы, употребитъ другое, болѣе общее, именно: *пользу*, пошому что *прибыль* опноспшся болѣе къ вещеспиственнымъ выгодамъ, а не къ нравеспиственнымъ.

Скрышица *пошлая* ... (спран. 17.)

Прилагательное: *пошлый*, идетъ болѣе къ лицамъ, нежели къ вещамъ. Прежде вмѣсто слова: *пошлая*, употреблень былъ другой, несравненно приличнѣйшій эпитетъ: *дюжинная*, но къ сожалѣнію, въ усѣненіи (*дюжинна*), и вѣроятно по сей самой причинѣ нынѣ перемѣненъ Сочинителемъ.

Мать слабая, Поэтъ! оспереги себя.
(спран. 43.)

Эпо нравоученіе къ Апологу: *Чадолубивая Мать*, въ копоромъ говорится о маршынкѣ, ласкавшей и задушившей въ объятіяхъ любимое дитя свое. Примѣненіе эпой чадолубивой маршынки къ самолюбивому Поэту кажется не весьма удачно. Какой вредъ можетъ сдѣлать Поэтъ своему произведенію, сколько бы ни восхищался имъ? Не болѣе ли походитъ эпоа нѣжная маршынка на *маленьку-баловщицу*, копорая излишнею нѣжносною и снисходительностію губитъ любимаго сыночка.—Впрочемъ выраженіе: *мать слабая, Поэтъ!* превосходно. Под-

лино многіе изъ нашей брагьи Поэповъ, или правильнѣе сказаць риѣмачей, имѣющіе къ своимъ спихошворнымъ дѣшкамъ не опцовскую, но маперинскую нѣжноспь и ослѣпленіе. Риѣмачи, повпоряю, а не Поэпы—пошому чшо: *теибъ сильнѣе, теибъ смиРНѣе; а теибъ улинѣе и славнѣе, теибъ скроинѣе.* — Эшо аксіома.

Индѣекѣ не на вкусѣ пришелъ Павлиній
роств (сшран. 57.)

Неправильная перестановка словъ: надлежало бы сказаць: *не на вкусѣ индѣекѣ*. Я согласенъ съ мнѣніемъ Издашеля Далскаго журнала, чшо лучше бы уже сказаць: *индѣйкалѣ не на вкусѣ*: пошому чшо у насъ говорипся: *это ему не по вкусу*. — Сшранно нѣсколько, чшо индѣйкамъ не понравилса ростъ павлина, а не ноги его и не голось, которые дѣйствительнѣе не хороши.—Въ одной Баснѣ Флоріана гуси охуждающъ въ павлинѣ голось его и ноги: нырокъ говорипъ имъ на эшо, чшо у нихъ самихъ ноги и голось не лучше, чемъ у павлина, и чшо у него за шо прекрасный хвоспъ.

Съ чего Конь пышешъ, ржешъ? — *гор-
тань* дерущъ уздою (сшр. 103.)

Горпань, если не ошибаюсь, значишь горло, а не ропъ. — Чемъ же замѣнишь здѣсь *гортань*? — Не придумаю! *La critique est aisée, mais l'art est difficile.*

Въ заключеніе Апологовъ Сочинишель помѣспилъ слѣдующій Эпилогъ:

Авторъ и Критика.

Что вздумалось тебѣ сухіе Апологи
Представишь критикамъ на судъ?
Ты знаешь, какъ они насмѣшливы и спроги. —
Темъ лучше: ихъ прочшуть.

Одинъ крипикъ (въ *Дамскомъ Журналь*) спрашиваетъ: къ чему должно опне-спи въ послѣднемъ стихѣ послѣдней Басни мѣспоименіе?., — *Къ Критикамъ*, опвѣчаешь ему другій (въ *Московскомъ Телеграфѣ*). — По Грамматику оно и шакъ; но всякой догадаешся, что подъ словомъ: *ихъ*, Авторъ разумѣешь не крипиковъ, но апологи.

А случается, что крипики и не читають иногда шѣ книги, на которыя пишуть замѣчанія и разборы. Но мнѣ кажешся, что понаспоящему надобно всякую книгу, или сочиненіе, опносящееся

къ изящной словесности, которое намъ-рены криптиковать, прочесть со вниманіемъ *три* раза: въ *первый* разъ, чтобъ воспользоваться самыми первыми впечатлѣніями, которыя книга эпа, или сочиненіе на насъ сдѣлаешь; во *второй*, что бы замѣчать однѣ только погрѣшности, а въ *третій*—однѣ только красоты.

Издапель *Отетественныхъ Записокъ* говоришь о сей книжкѣ: “нѣтъ никакого сомнѣнія, что вскорости Апологи сіи подобно пословицамъ, зашвердяшся въ памяти всякаго, ибо мнѣ кажешся, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ заставляшь дѣшей выучивашъ ихъ наизусть: истина, чистое нравоученіе подъ кровомъ аллегоріи—непремѣнно оспанешся въ головѣ и сердцѣ ребенка и послужитъ ему душеводителемъ на поприщѣ свѣта. ,

Совершенно согласны съ эшимъ, кромѣ того, что какъ ни крапки Апологи знаменитаго нашего Баснописца, но пословицы еще ихъ короче: первые надобно выучивашъ, послѣднія же невольнѣ выучивающся. А вопъ сколько нашли мы въ сихъ Апологахъ стиховъ, содержащихъ въ себѣ превосходныя изрѣченія (*very provec-*

bes) и заслуживающихъ сдѣлашься пословицами:

Хорошее всегда знакомство въ прибыль
намъ.

Тотъ вѣрно спалъ умнѣй, кто въ школѣ
бѣдствій былъ.

Великъ Монархъ: опличны и вельможи.

Спокойно жизни путь свершаешь добродѣ-
пель.

Опасно выходить изъ круга своего.

Несчастіе священо.

Безъ солнца и шаланшь въ созрѣніи кос-
нѣешь.

Отъ міра злый не прочь, но въ мірѣ шѣс-
но съ нимъ.

Тотъ счастливъ, кто своимъ доволенъ у-
голкою.

Кто любишь помогаешь, тотъ всякому съ
родни.

Не рѣдко гибнешъ злый, другому спря-
ковъ.

Природу одолѣшь превыше нашихъ силъ.

Судъ Промысла вездѣ найдешь себя, злодѣй!

Подлецъ всегда свирѣпъ; герой великоду-
шенъ.

Что въ пользу, то не шажело.

Насстойчивость залогъ успѣха.

Для Генія препоны нѣшь.

Держи бразды не вкрушь, но мощною ру-
кою.

Ошибка въ выборѣ—бѣда.

Цвѣтъ миль на часъ, а плодъ пишательень
и прочень.

Не много славы въ помъ, чшобъ обогнашь
осла.

Самыхъ маленькихъ дѣшей надобно за-
сваляшь учишь самыя маленькiя Басни;
а эти Апологи шакъ корошки, что пшши-
льннее, даже чешырехльвшнее дшшия, ко-
порое не умѣешь еще чшпашъ, легко и,
шакъ сказашь, шущя можешь ихъ вычи-
ванъ. Вотъ какiе Апологи особенно для
сего мы рекомендуемъ: *Полевой цвѣтокъ,*
Дитя на столъ, *Разбитая скрипка,*
Скорбь и Фортуна, *Ошибка тижя,* *Ежъ*
и лшшь, *Дерево,* *Репейникъ и фиалка,*
Курица и цыята, *Утопшй цубійца,* *Мице-*
нiе Пгелы, *Хлѣбъ и свѣтка,* *Левъ и волкъ,*
Колъ земли, *Каленная гора и водяная*
капля, *Мыльный пузырькъ,* *Подснѣжникъ,*
Прохожій и пгела, *Цвѣтъ и плодъ.*

И.

(Въ слѣдующей книжкѣ нагнется раз-
боръ Басень И. А. Крылова.)

С М Ъ С Ъ.

Полковникъ Томпсонъ спросилъ однажды у своего кучера, согласенъ ли онъ путешествовать съ нимъ? — “Съ радостью, отвѣчалъ кучерь: куда вамъ угодно.,” — Какъ! даже и въ адъ? — “Даже и туда, сударь.,” — Но вѣдь шамъ очень жарко, и пы, сидя на козлахъ, первый почувствуешь пламень. — “Нѣтъ, Г. Полковникъ, я знаю свое мѣсто: высажу васъ у воровъ и спану васъ шамъ ожидашь.,”

Лордъ Болинброкъ, открывъ спранныю слабость Герцога Малбурга, которая соспояла въ томъ, что онъ всякой день завязывалъ подвязки у Мисъ-Миннингъ, рассказывалъ объ этомъ со всѣми подробностями своимъ знакомымъ и заключалъ обыкновенно свое повѣствованіе слѣдующими словами: *нельзя обвинять меня въ нескромности; то знаетъ женщина, то знаетъ и весь свѣтъ* *).

---

*) Нѣтъ, есть прескромныя, прескрышныя! Изд.

Герцогъ Невкаспельскій, будучи первымъ Миниспромъ, сказала Авпору Триспрама Шанди, что оспроумные люди не способны къ дѣламъ.—“Милордъ! оспвѣчалъ Спернь: оспроумные люди не ниже, но выше дѣль. Прекрасная лошадь также хорошо можешъ носить вьюкъ, какъ и осель; но она презираешъ споль унизишельную ношу и бережешъ себя для благороднѣйшихъ подвиговъ. „

Нѣкто сказала Джонсону, что Миспрись Маколей спрашно полюбила наряды, что цѣлые часы проводишь за шуалепомъ и даже румянишься.—“Лучше женщинѣ наряжашься, оспвѣчалъ Джонсонъ, чемъ писашъ и лучше румянишь свои щеки, нежели чернишь репушацию другихъ. „

Два мапроза: одинъ Англичанинъ, другой Ирландецъ; условились между собою, что если съ копорымъ нибудь изъ нихъ случишь во время сраженія несчастіе, то подашь другъ другу возможную помощь. Вскорѣ послѣ того Англичанинъ,

потерявъ опть пушечнаго ядра ногу, на-
помнилъ поварищу о его обѣщаніи, и
попшъ, взваливъ его на плеча, пошациль
къ лѣкарю. Дорогого другое ядро опорвало
у Англичанина голову шакъ, чпо Ирлан-
децъ, не замѣнивъ эшого, продолжалъ свой
пушъ. Офицеръ, увидя, чпо онъ несеть
одно шуловище, спросиль: куда пы идешь?
— “Къ лѣкарю, сударь: у шоварища опор-
вало ногу., — Дуракъ! да у него нѣтъ и
головы. — Услышавъ эшо, Ирландецъ бро-
силь свою ношу, приспально посмошрѣль
на шрупъ и вскричалъ съ упрекомъ — по-
койному своему поварищу: “а вѣдь ска-
заль миѣ, чпо у него опорвало одну шоль-
ко ногу!,,

Испанцы рѣдко уношребляюшъ въ ком-
плиментахъ иперболы; но одинъ изъ слав-
нѣйшихъ Испанскихъ писателей, говоря
о черныхъ глазахъ молодой и прекрасной
дамы, сказалъ: *они носятъ трауръ по
тѣхъ, кого лишили жизни.*

НРАВЫ.

Несчастный.

Боже мой: о чемъ хлопчашь, чего ищущь люди? Счастія? Но въ чемъ находятъ они это счастье? Въ богатствѣ, знаменности, здоровьи, спокойствіи? Бѣдныя, бѣдные люди! Хопите ли знашь, что ни богатство, ни здоровье, ни знаменность не составляютъ счастья человѣческаго? Взгляните на Форшунина! Онъ имѣетъ все то, чего ищущь всю жизнь свою честолюбцы, корысполубцы, любовники, мужья, друзья - лѣнивцы и всякіе несчастливцы.

Форшунинъ богатъ, знаменъ, совершенно здоровъ, имѣетъ прекрасную жену, кошорая любитъ его; имѣетъ друга; имѣетъ милыхъ, умныхъ дѣтей; домъ его одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ городѣ, общество его составлено изъ людей лучшаго тона ... Счастливецъ, счастливвецъ! ... Совсемъ нѣтъ! — Форшунинъ ... несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. — “Какъ я несчастливъ! говоритъ онъ: судьба преслѣдуетъ меня отъ колыбели. Я родился въ маленькомъ городкѣ и отъ того — умерла мать

моя, попому чпо въ эпомъ городкѣ не было ни одного порядочнаго лѣкаря. На чепвершомъ году опецъ увезъ меня въ чужіе края, и я жилъ шамъ 15 лѣтъ; забль Русскій языкъ и расстроилъ здорвье ошъ безпрерывнаго ученья, попому чпо опецъ хотѣлъ меня сдѣлать Профессоромъ Энциклопедіи, и попому еще, чпо я самъ спраспно полюбилъ науки и искусства. 19 лѣтъ я возвратился на родину. Хотѣлъ посвящать время свое моимъ любимымъ занятіямъ . . . Меня опредѣлили въ службу. Въ продолженіе 10 лѣтъ я сдѣлался почти вельможею, и во все это время — не имѣлъ свободной минуны: опецъ мой умираетъ — два года хлопоталъ я, чшобъ получишь *свое!* Я влюбился; и принужденъ выдти въ опспавку, чшобъ женишься на моей Кларѣ... Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ шого я вспунилъ опять въ службу... и опять проспился со свободою. Между шемъ у нея было уже двое дѣтей. Боже мой! Сколькихъ мученій сшоило мнѣ ихъ роженіе; я былъ какъ безумный и едва не сдѣлался самоубійцею, видя спраданія моей Клары . . . Но воспитаніе дѣтей всего

мучительнѣе! и я шерзаюсъ каждую минушу, смопря на сыновой мойхъ. Я гошовъ пожертвовашь всемъ имѣніемъ, чшобъ сдѣлать изъ нихъ людей съ швердыми правилами, съ благороднымъ, рѣшишельнымъ характеромъ; чшобъ ясный умъ ихъ не запемненъ былъ никакими предразсудками; чшобъ они были чувствительны; я желалъ бы...но я занятъ службою; — жена умѣетъ шолько любить дѣшей, и сии окружены людьми, копорыхъ я едва знаю. Вижу, что дѣши мои имѣють много природнаго ума, что ихъ учашь основательшо, что они добрые—но эшаго мало для меня, и я несчастливъ! Все время мое уносятъ занятія по службѣ; часшо голова кружится опъ множества дѣлъ, опъ безполковыхъ секретарей, докучливыхъ просишелей ... Опъ шого дурное расположеше духа, шоска, головная боль и — я ширадаю, запершись въ своемъ кабинетѣ! Я богатъ, очень богатъ — но нѣтъ дня, чшобъ я не завидовалъ бѣдняку, копорый не знаетъ ни управителя, ни дворецкаго; я знашенъ — но эша знашность опнимаешъ у меня все время; я здоровъ — и шемъ живѣе чувствую свое

несчастье; жена любитъ меня, и я шрепещу, воображая, что лишусь ее; судьба дѣшею каждую минушу шерзаешъ меня — я знакомъ со всѣми вельможами — по необходимости — . У меня собирается лучшее общество — всѣ веселы — кромѣ хозяина . . . Нѣтъ! нѣтъ! Судьба жестоко преслѣдуешъ меня съ самаго рожденія, и я несчастливѣйшій человекъ въ свѣтѣ!., —

И эшошь Форшунинъ съ упря до вечера скачешъ въ великолѣпной карешѣ ко всѣмъ вельможамъ! И онъ же скупаешъ лучшія кѣршины для своей галлерей! И онъ же являешся на всѣхъ блестящихъ праздникахъ, и все таки онъ несчастливъ! —

I.

~~~~~

Я не хожу болѣе въ театрѣ.

(Подражаніе Французскому.)

Я не хожу болѣе въ театрѣ — и что шамъ видѣшь? Поддѣланная лица, выпверженныя шѣлодвиженія? Нѣтъ, я наслаждаюсь лучшимъ спектаклемъ, разсмашривая людей. Какіе актеры, и какъ напурально, какъ искусно разыгрываютъ они

свои роли! Посмотрише на Хамелеонова: кно лучше его сыграешъ *Тартюфа* до обѣда и вечеромъ *Жоконда*? Взгляни-пе на Гжу *Н*: какъ прогательнѣно играешъ она *Добрую Мать*, и Русскую *Лукрецію*—но еще натуральнѣе *Эйлалию*!

Несмотря на необыкновенную прудность ролей, я видалъ многихъ, копорые начали дебютировать съ *Цкусника*, а въ послѣдствіи въ совершенствѣ играли *Богатогона*! Я видѣлъ Бубнова за каршамии божусь, ни *Шушеринь*, ни *Яковлевъ* не предспавяшъ такъ, какъ Бубновъ *Беверлея*! А сколько разъ въ день случается мнѣ видѣть предспавленіе: *Стряпгаго Щетилы* и *Отца по слугаю*? Зачемъ же ходишь въ театръ?

Продажинь, когда приходишь къ нему просишель безъ рекомендапельнаго письма, неподражаемо играешъ *Глухаго* и *Нѣмаго*. И онъ же превзойдешъ *Сосницкаго*, играя *Говоруна*—передъ своими покровишелями! А мы аплодируемъ *Сосницкому*! А *Лицемѣровъ*? Всѣ приближенные его знаютъ, какъ онъ превосходно играешъ *Друца нестастныхъ*. За такую неблагодарную ролю онъ ничего не шребуешъ,

кромѣ самыхъ невинныхъ наградъ, и ему ничего не надо, когда представляюшь передъ нимъ его любимыя піэсы: *Клеветники* и *Какъ угодно*.

А сколько охотницъ до роли *Правдховы Борисовны Правдухиной*! И не мудрено, потому что эта роль очень видная—особливо въ приемной вельможи, въ будуарѣ его супруги—къ тому же нѣтъ ничего легче, какъ играть *Трещеткинцу* и и всѣ подобныя роли.

Никогда не ходя въ театръ, можно видѣть и *Переднюю знатнаго барина*, и *Калифа на гасѣ*. Все это передъ нашими глазами, все это представляется даромъ; Актеры совершенны въ своихъ роляхъ—зачемъ же ходишь въ театръ?

I.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° IX.

ПОЛУКАФТАНЬЕ ПАПЫ.

Въ то время, когда Папа былъ плѣнникомъ въ Савоннѣ, власполюбіе, предъ копорымъ уваженіе къ собсшвеннымъ своимъ верховнымъ власшямъ: свѣшской и духовной, не позволяло ему преклоняшъ колѣно — власполюбіе, говорю, находило варварское удовольствіе лишашъ священнаго спарца главнѣйшихъ необходимостей въ жизни. Первосвященника узнавали уже не по багряницѣ, долженспвовавшей покрывашъ его, но по крошккому и величеспвенному виду, возвѣщающему совершенную преданность Богу перваго Его служителя.

Весь нарядъ Папы соспавляло одѣяніе, неопличавшее его отъ проспаго священника. Всеразрушающее время положило и на оное печашъ ужасной нищесшы. Полукафтанье Папы было все въ дырахъ и лохмошьяхъ, шакъ что безъ нарушенія благопристойности невозможно было

въ ономъ показаться. Между шемъ наступалъ праздникъ Воскресенія Христова. Глава Римско-Католической Церкви, желая присутствовать при семъ торжествѣ, прибѣгнуль къ одному честному поршному, который уже не разъ употребляль все свое искусство; придавая вѣпхой одеждѣ Папы не споль неопряный и опврашипельный видъ, въ какомъ получалъ ее для починки; Папы. Бѣдный поршной, несмотря на свое усердіе, долженъ былъ представить Первосвященнику, что нѣтъ возможности починить его полукафшанье и что непремѣнно надобно сдѣлать новое. Папа зашавиль его замолчать, сказавъ ему: "я не имѣю никакого къ этому средства: сдѣлай какъ можешь; Провидѣніе благословишь свое усердіе.,, Чшобы не увеличипь горести старца который въ полной мѣрѣ чувствовалъ несчастное свое положеніе, поршной, со слезами на глазахъ, взяль полукафшанье и удалился.

Возвращаясь въ свою мастерскую, разложилъ онъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ на гладкомъ сполѣ жалкое рубище, единственное имущество шого, чью главу

должен спововалъ украшающъ драгоценный
 происвенный вѣнецъ. Это было накану-
 ну праздника. Порпшъ ои не могъ льстить
 себя никакимъ успѣхомъ; но воспомина-
 чпо говорилъ ему Св. Опець о Провидѣ-
 нии, и будучи добрымъ хрисіянномъ, о-
 жидаль какого нибудь чуда. Между семъ
 нѣкопорые господа пришли къ нему освѣ-
 домишья, будупть ли готовы къ насупаю-
 щему празднику заказанныя ими плашья,
 и видя, чпо онъ не въ соспоянii сдер-
 жающъ даннаго обѣщанія, спали упрекающъ
 его. Имъ показалось удивительно, чпо
 порпшой занимаешься починкою вешкой
 одежды въ шо время, когда могъ бы упо-
 пребишъ оное на работы, несравненно для
 него выгоднѣйшія. Въ оправданіе свое порп-
 шой принужденъ былъ признашья, чпо
 это рубище соспавляетъ единспвенную
 одежду Главы Римской Церквы, копорый
 не имѣетъ никакого средспва купшъ для
 себя новую. Эти слова привели всѣхъ
 въ умиленіе; каждый спѣшилъ опорожнишъ
 на споль порпшнаго свой кошелекъ и про-
 сить, въ награду за свое пожершвованіе,
 лоскушка опъ драгоценнаго полукаф-
 шанья. Слухъ о семъ происшесшвіи вско-

рѣ разпространился по всему городу; добрые хрисііане спѣшашь къ поршнему и оспавляя у него свое золопо, уносясь по клочку одежды Первосвященника, сдѣлавшейся нѣкошораго рода свяпынею по его благочестію и несчастію. Чрезь нѣсколько часовъ не оспалось ни одного ло-скупочка и споль покрылся золопомъ. Все, что шолько нужно было къ полному одѣянію Папы и что шолько можно было найши лучшаго въ магазинахъ небольшого городка, поршной купиль немедленно. Просидѣвъ съ учениками своими до полуночи надъ обновкою для Папы, принесъ онъ къ нему свою работу. Спарецъ изумился, увидя шакое неожиданное великолѣпіе и мѣшки, полные золопа, полученнаго за вешкое его полукафтанье. Выслушавъ поршнаго, кошорый не ушайль у себя ни одного обола и съ подробностію разсказаль ему, какъ все это случилось, Св. Опецъ произнесъ слѣдующее: “невидимая десница Всемогущаго всегда распрощерша надъ несчастными и Онъ употребляя благочестіе однихъ къ облегченію спраданія другихъ, никого не лишаешь своего благословенія. Принесенная шобюю

одежда спанешъ мнѣ, можетъ бытъ, на всю мою жизнь; но первое желаніе моего сердца, пакъ какъ и первая обязанность моего званія, соспоишь въ помъ, что бы пособишь неимущимъ. Я не что иное, какъ жалкій плѣнникъ; ты же свободень и Провидѣніе, пославшее мнѣ чрезъ себя это золопо, указываетъ на себя, какъ на избраннаго Имъ, для упѣшенія несчастныхъ. Спупай и прекрапи спраданія угнетенныхъ нищешою жипелей Савонны.,

Съ сего самага времени честный порпной получилъ званіе *непрелѣннаго раздавателя милостыни въ Савоннѣ*. Онъ принимаетъ ее во имя Св. Опца, раздаешъ именовъ Св. Опца и соблюдая свяшо всѣ Хриспіянскія добродѣтели, сдѣлался упѣщипелемъ неимущихъ.

ИСКАТЕЛЬ СЧАСТІЯ.

Сказка сот. Валтера Скотта.

Жиль былъ Сулпанъ; звали его *Солиманъ*. На него напала ужасная болѣзнь: скука; ни физическія, ни моральныя лѣкарства не могли изпребить ее. Призвали славнѣйшихъ врачей...напрасно! Не помогла лашынь! Явилось достопочтенное сословіе: Мулъ, Муфшиевъ, Имановъ, Факировъ; но и они, при всей мудроспи своей, не вылѣчили больнаго. Наконецъ, знаменитый спрадалецъ рѣшился просить совѣша у спарушки машери своей, кошорая, по праву спароспи, изцѣляла всѣ болѣзни. — “Сынъ мой! сказала Фапима: одно шолько средспво оспалось къ швоему излѣченію: пупешеспвіе! Спупай—обшеки землю и моря, и доспанъ, гдѣ бы то ни было, *внутреннюю одежду* челоѣка счастливаго, шо еспъ, его рубаху, сынъ любезный! Надѣнь ее и болѣзнь швоя прекрашится!”, —Таковъ былъ совѣшъ Фапимы; Сулпанъ ему послѣдовалъ.

Корабль гошовъ.—“Куда ѣхалъ?“, спрашиваемъ Сулпана спарый Раисъ. (*продолжительное молтаніе*). — “Съ древнихъ

время; говоришь про себя 'Солиманъ: Аравія называется *счастливою* и такъ... Въ Моку, Раисъ!,, — и они пустились въ Моку.

Но увы! ни въ благовоной Аравіи, ни въ Египтѣ богатомъ, ни въ пуспыняхъ Нубіи счастья не нашли! "Поищемъ его у невѣрныхъ, сказалъ Султанъ: къ сѣверу, кормицки!,, — Корабль разсѣкаетъ горькую влагу, и скоро достигаетъ Ипаліи. — Вы ищите счастья, сказали пѣмъ Султану, и такъ спускаете къ Джонъ-Булу *): имя его гремитъ на сушѣ и водѣ, и онъ, во-спину, ходячая биржа.—

Султанъ поѣхалъ къ Джонъ-Булу; но захопѣлъ прежде взглянуть на Францію: она только что выдержала жестокое потрясеніе, и внутренность ея волновалась еще, какъ Океанъ послѣ бури. Султанъ понялъ, что неучтиво спрашивать ее о счастья, просился съ нею и переѣхалъ проливъ. Онъ нашелъ Джонъ-Була въ самомъ дурномъ расположеніи; войны его прекращены, и онъ почти гошовъ былъ

*) Такъ называется издавна Англинскій народъ.

оплакивать Буонапарта. — “Я иностранецъ, сказала Солиманъ: и приѣхалъ къ вамъ, чѣмъ познакомишься со счастливейшимъ человекомъ въ свѣтѣ., — Годъ-дамъ! счастливейшимъ? Я счастливъ? Тогда, какъ опъ войны, опъ пошлинь, уцѣлѣль у меня одинъ эпощъ кафшанъ? — “Если щакъ, позволше васъ оставишь: я хощѣль было просишь у васъ кое-чего; но вижу, чѣмъ...,—Просишь? прервалъ Джонъ-Буль, наморщивъ лице; на, возьми, бѣднякъ, эпгу гвинею и купи себѣ рубаху и обѣдь. —“Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Сулшанъ гордо: я искалъ рубахи; но мнѣ ненадобна ни одна изъ швоихъ. Прощай!.,

Въ сосѣдствѣ, съ Джономъ Буломъ, жила сеспра его Пега *), немножко церемонная, но впрочемъ веселая дѣвушка, опъ всей души танцующая подъ волюнку. Обрадованный ея веселосшью, Сулшанъ дружески спросилъ ее: “ты счастлива, Пега?., —Чѣмъ вы говорише? отвѣчала, она. Я живу въ бѣдноти, я угнетена: упѣшаюсь одними воспоминаніями, и безъ древнихъ балладъ, копорья веселятъ меня ... — Нѣ-

*) Шотландія.

сколько слезъ выкашилось изъ глазъ Пегги и Сулпанъ исчезъ.

Корабль направилъ путь къ зеленому Эрину **), изумрудному острову, на которомъ жилъ Падди, двоюродный братъ Джонъ-Була, какъ шолкуеть Испорія.

Джонъ-Буль, щедрый на угрозы и кулаки, долго мучилъ Падди, и сдѣлалъ этого бѣднаго малаго, упрямымъ и дикимъ. Черезъ это Джонъ-Буль ничего не выигралъ; а Падди, несмотря на свою горькую участь и плохое житье, все былъ веселъ и неиспощимъ на остроумныя выдумки. Во время одного праздника, Сулпанъ увидалъ Падди совершенно предавшагося веселости.

“Клянусь Магомешомъ! вскричалъ Солиманъ: этого оборванный малой, вѣрно этого счастливецъ, котораго мнѣ нужно! Схватите его и снимите съ него рубашу! „

Не безъ труда схватили Падди, повалили его на землю, перебьютъ его...увы!... На Падди, нѣтъ и рубашки!

**.) Эринъ—Ирландія. Падди Паприцій Папронъ Ирланди.

ПЛАНЪ НОВѢЙШАГО РОМАНА: *БАРБА-
ТОНЪ И АВРОРА.*

Герой, котораго назовемъ Барбатонъ, долженъ бытъ росша гигантскаго, красавецъ во всѣхъ спашяхъ, глаза быспрые, шомные—видь очаровашельный—смущень; опчаянь, блѣдень. Жизнь ему надоѣла. — Онъ добродѣшелень, онъ чувстввишелень и—ни минушы не имѣеть покою — мучимъ разкаянiемъ. Онъ приѣхаль изъ далекихъ спранъ.—Ни чишашель, ни Авшоръ долго не знающъ, кпо онъ шаковъ и зачешъ явился? — Разумѣеться, чшо мѣспо пребыванiя Ишалия—около Мессины и Калабрии. Неаполь и Везувiй должны играеть роль: ибо изъ пушешествiй по Ишалии можно извлечь очаровашельныя карпины. Герой сидишь на скалѣ, окруженной моремъ — солнце восходишь, или сadiшь, смошря по обспояшельспвамъ; море шихо.—Герой на скалу невѣдомо какъ забрался, ибо вездѣ природа не приступна — шемно — мрачно — хошь глазъ выколи — подымаешся вѣшрь, море зыблешся — бушуетъ, волна волну погоняешъ, вода обь камень плещешъ, брызги лешашъ до неба —Герой измокъ до нишочки. — Но внуш-

реннее бореніе спраспей осушаетъ его одежду. — Луна какъ шупь—сквозь мелькающія облака проглядываетъ — и Герой любуешся на каршину—въ дали, далеко въ морѣ, показывается что-то...луна опяшь выглянетъ. — Эпо корабль! буря его коверкаетъ, ломаетъ—плачь, вопль—вдругъ все исчезло—что-то бѣлое снова мелькаетъ на поверхности моря—на синей волнѣ. Герой со скалы прыгаетъ въ воду; онъ борется съ волнами, хватается за бѣло-нѣжно-шканую шаль — и благодѣтельный валь приноситъ ихъ къ берегамъ. Эпо Аврора. Эпочудо красоты; она безъ чувствъ, дыханіе Героя оживляетъ ее—она открываетъ очи и, о небо! симпатическая спрѣла поражаетъ мгновенно сердца обоихъ. Но море все бушуетъ, громъ ударитъ, молнія блеснетъ и Герой видитъ еще что-то плывущее; онъ опяшь пускается на добычу. — На сей разъ вышаскиваетъ мужчину, и шопъ въ обморокъ—оживаетъ — героиню осушиваютъ—буря ушла—солнце кшаши явился—природа во всемъ блескѣ. — Тупъ описаніе цвѣтовъ, деревьевъ, самыхъ пней—все блеститъ, все сіяетъ, все красуется—Герой, забывъ грусть, забывъ оп-

чаяніе, нашель сердце, его упѣшающее.—
 Между шемь и новыи упошій обсохъ
 —Герой нашъ узнаеть въ немь своего бра-
 ша.—Описаніе морскаго разбойника — и
 онъ добродѣшелень, чувствившелень; но
 злодѣемь сдѣлался по внушреннему како-
 му-то влеченію. — Онъ ѣздитъ по морю,
 грабитъ и рѣжетъ — увозитъ дѣвушекъ,
 умерщвляетъ опцовъ и брашьевь—и что
 найдеть, себѣ беретъ.—Герой нашъ бро-
 сается въ объятія разбойника. Сей по-
 слѣдній смягченъ, пронупъ, разкаявается
 —плачетъ, реветъ — но бросаетъ ужас-
 ный взглядъ—и скоро попомъ скрываетъ
 ся. Герой ѣдетъ со своей возлюбленной
 сперва лѣсомъ, попомъ лугами между роз-
 маринами, лилеями, ашельсинными и про-
 чими деревьями; воздухъ насыщенъ арома-
 шами. — Они, не зная другъ друга, кля-
 нушя любятъ вѣчно. Невѣста открыва-
 етъ на лицѣ его шрамъ при лунномъ сія-
 ніи; спрашиваетъ его.—Онъ хмуришь бро-
 ви—ужасныя чершвы на лицѣ его—онъ со-
 драгається и молчитъ.—До 4 го пома мож-
 но прошянушь, ежели Авшоръ захочетъ,
 что бы чипашель не зналъ, кшо онъ ша-
 ковъ.—Между шемь ѣздитъ по лѣсамъ, по

полямъ, перяюшь дорогу и наконецъ приѣзжаюшь въ замокъ.—Описание замка, сады, водопады, пруды и проч. госпепріимство изрядное.—Хозяинъ дома Графъ Волкани—отець Авроры.—Она находилась въ Мессинѣ у шепки и шамъ похищена—радоспи, возхищеніе! Къ Графу приѣзжаешъ госпъ—онъ другъ Барбапону.—Другъ влюбляется въ Аврору—открываешся ей—отказъ—хочешъ увезтъ—борешся самъ съ собою—Барбапонъ узнаешъ о помъ—вызываешъ на поединокъ—убиваешъ друга.—Аврора ночью видишь привидѣніе: старикъ, выскакиваешъ изъ за обоевъ и показываешъ ей каршину—она видишь своего любезнаго въ крови—себя въ могилѣ.—Ей дѣлаешся безсонница—выходишь въ садъ, едва успѣешъ проѣшь пренѣжный романсъ—замокъ въ пламени—замокъ горить—разграбленъ—кое-кого убьюшь—иныхъ увезушь.—Герой нашъ между шемъ уѣхаль въ монаспырь и шамъ сидишь и горюешъ о смерти своего друга—разсуждаешъ метафизически о бренности вещей—Аврору похищаюшь—сажаюшь на лошадь, везушь въ лѣсъ, въ пещеру.—Она узнаешъ брата своего любезнаго—спра-

хи—ужасы—описание разбойничьяго вер-
 тепа—попойка—ужинь—кровь—кости у-
 бишыхъ, цѣпи, все шумъ должно бытъ.
 Похипишель за ужиномъ говоришь про-
 гашельное поученіе; доказываешь, что не-
 видимая сила влечетъ его въ новыя пре-
 сшупленія, и для того опнимаешь онъ у
 брапа невѣсну.—Между шемъ разбойни-
 ки засыпающъ мершвымъ сномъ—спару-
 ха подмѣшала имъ кой-чего въ вино—она
 живетъ въ кухаркахъ у воровъ—прежде
 была кормилицею Авроры—она спасаешь
 ее, они бѣгущъ ночью сквозь дебри, лѣса
 —приходящъ на долину.—Тупъ уютная
 хижина—пасущъ овецъ—нѣжное описание
 паспущеской жизни.—Здѣсь опять слу-
 чай на цвѣпочки, шушуканіе лиспочковъ,
 журчаніе ручейковъ, бальсамины, ланды-
 ши, и проч. Послѣ того можно вдругъ
 приплестъ и наводненіе. Пусть пролив-
 ный дождь польетъ и у сосѣдней мель-
 ницы прорветъ плошину—ужась клубя-
 щейся воды. Деревья изъ корня вырыва-
 ешь; плывущъ дома, люди, овцы и проч.—
 Хищныя пшицы лешающъ.—Аврора смощ-
 ришь съ пригорка на спрашную карши-
 ну—и рисуешь ее.—Между шемъ изъ го-

роду полиція дѣлаешъ поискъ — команда приѣзжаешъ въ воровскую пещеру—воры выспались, опять уѣхали на добычу. Начальникъ входилъ—спопыкаешся на что-то—падаетъ—глядилъ—это человекъ — это спарикъ Графъ, связанный въ углу. — Его беруть — словамъ его не вѣряшъ, отвозяшъ въ тюрьму и бросаюшъ въ подземелье скованнаго. Барбашонъ узнаешъ чрезъ перемешчика отъ воровъ о похищеніи невѣсты и отца ея, бѣжилъ изъ монастыря на выручку — встрѣчаешся съ разбойниками—оружія у него нѣшъ—споилъ дубъ—онъ вырываетъ его и 20 человекъ лежилъ на мѣстѣ. Онъ бѣжилъ прямо въ тюрьму.—Посредствомъ слова, сказаннаго на ухо тюремщику, отворяюшъ ему двери. — Онъ видилъ спарика — но Графъ уже сошелъ съ ума и чрезъ два часа умираешъ въ спрашныхъ мученіяхъ. Барбашонъ ѣдетъ опыскивать Аврору, которая между темъ намучилась и наспрадалась досыща.—Онъ встрѣчаешъ въ полѣ старуху, собирающую щавель—неподалеку Аврора въ рубищѣ, съ босыми ногами—но красота ея не исчезла.—Аврора узнаешъ Барбашона—ахаешъ, падаетъ въ его

объяшя — и навѣки рѣшается предаться участи любезнаго, кто бы онъ ни былъ. — Она готова ѣхать съ нимъ за ширею земель — любовники спѣшашъ въ городъ, что бы обвѣнчашъ — дорогою видяшъ кладбище, надъ мершвыми шѣлами клянущя въ вѣчной любви. — Тупъ можно опяшъ вклѣишъ привидѣнїе въ какой нибудь бѣлоблеспящей фанѣ, или Цыганку рыжекрасную съ дыбшщимися волосами, кшпорая шупъ же попляшешъ надъ гробницами и наскажешъ имъ разныя пророчешва. — Вдругъ море колеблешся — земля шрасешся и пропашъ ошверзаешся; любовники хопшяшъ перешрыгнушъ — Герой на шой шпоронѣ — Аврора шопала въ пасшъ — земля опяшъ закрылась — Герой порешешъ, порешешъ — рѣвишся опрешѣлишся въ схимники, засядешъ въ пещеру — и пещеръ сидишъ шамъ.

Конецъ.

Вопъ планъ новаго романа, какого еще нѣшъ у насъ на опечешпенномъ языкѣ — хопя наслаждаешся чпенїемъ подобныхъ, въ переводахъ шшоль почши бышш-

ро являющихся, какъ и оригиналы. Мой планъ восхищительнъ! Нѣжныя описанія природы, взятыя изъ путешествій, ужасы—вездѣ убитыхъ довольно—четыре сшихи всѣ поочередно въ работѣ, въ спрашной борьбѣ — воровскія шайки, во всей красотѣ—мершвецы, цѣпи, кровь, коспи—невинность въ безпреспанномъ спраданіи. — Геній, геній, есть! — Я надѣюсь, что сочиненіе сіе достигнетъ своѣй цѣли—потрясенія сердець — надѣюсь, что у иныхъ чувствительныхъ дамъ нервы разпрогаются, а, можетъ быть, и послѣдуетъ нѣсколько обмороковъ — многіе двушки опъ бессонницы похудѣютъ и не захопятъ ни на минушу оспашья однѣ — а молодые люди будутъ вѣрить, что есть какое-то влеченіе спрашей, копорому прошивуспоятъ нельзя. — О геній, геній, есть во мнѣ!—Пускаюсь писать—единспвенно для блага нравспвенности—и для славы. — Не уже ли изъ моего чувствительнаго романа не выберутъ предметовъ на славныя оперы? — Мои герои также могутъ при кончинѣ валяться по театру—повпоряю: у меня геній—чудесный, единспвенный!!!!

Приливаніе. Буди извѣстно, что я не подражатель: иные въ началѣ сажаютъ героя въ пещеру и опшуда выпаскиваютъ его на доблести; а я своего посадилъ шуда при самомъ концѣ—вездѣ *геній!*

Тамбовъ.

Н. Н.

~~~~~

СТАРОЕ ПО СТАРОМУ.

Холодный вѣсперъ загналь всѣхъ въ комнашы; прекрашились прогулки по окрестносшямъ и по водѣ: неприятно однакожь среди лѣша прятался въ комнашахъ... Чшожь дѣлать? Играть въ каршы?—Не наше дѣло!—Чипать?—Нечего!... Чшожь будемъ дѣлать? Такъ говорилъ я моему молодому другу, сидѣвшему у окна и смопрѣвшему, пригорюнясь, на улицу.—“Поѣдемъ-ше куда нибудь!..или возьмемъ одну изъ спарыхъ вашихъ книгъ, и почишаемъ: все лучше чипать спарое, чемъ ворчать на непогоду...”, Согласень, опвѣчалъ я... и вопъ мы начали перебирать мои спарыя книги...и выбрали для чпенія: *Собраніе пословицъ!*..Я былъ въ дурномъ расположеніи духа, а пословицы сами собою дають поводъ къ насмѣшкамъ

и замѣчаніямъ; припомъ же собраніе пословиць естъ книга, въ копорой ясно и рѣзко обозначены характеры, пороки, слабости и спрассти людей опъ Адама до нашихъ дней. Мы усѣлись у окна... и пошла попѣха! Чпеніе и замѣчанія наши слѣдовали быспро одно за другими... Но забава наша прервана была приходомъ прияшеля моего Виссаріона... и полько что я прочель: *погести перелѣвняють нравы*, вошедшій Виссаріонъ сказалъ: “испина, копорая сію минушу подшвердилась на мнѣ!...”,—Послѣ этого началъ онъ рассказывать: “я сей часъ опъ Орѣхина. Узнавъ, что онъ здѣсь въ городѣ, я поспѣшилъ къ нему. Я его спарый другъ: мы жили вмѣспѣ пяшь лѣшь; я провожалъ его въ Пешербургъ, когда онъ ѣхалъ искашь мѣспа: я даль ему денегъ на дорогу; я былъ его единспвенный, любезный, сердечный, милый, безцѣнный другъ. Какъ же не повидашься съ безцѣннымъ другомъ, когда узналъ, что онъ здѣсь? Я не видался съ нимъ болѣе чепырехъ лѣшь: съ какимъ удовольспвіемъ приближался я къ его кварширѣ! Какъ прияшно воображеніе мое рисовало мнѣ моего друга, и бывое воск-

ресло, и я, задыхаясь опъ неперпѣнія и удовольспвія, вхожу въ переднюю Орѣхина... Три лакея, сидѣли въ ней, развалясь на спульяхъ...взглянули на меня и не прогаясь съ мѣста, спросили: кого вамъ надобно?—“Леоншія Алексѣевича!..,—Зачемъ онъ вамъ? — Тупъ я уже не уперпѣль: сбрасываю съ себя серпукъ, и сказавъ: “О, бездѣльники! вопъ я васъ!,, быспіро отворяю двери въ заль. Лакеи за мною!—Позвольше доложипъ!—“Ненадобно!,,—Нельзя, сударь! — И вопъ одинъ изъ нихъ бѣжищъ черезъ госпиную, попомъ въ другую комнашу, запираешъ за собою двери и скрывается. Кровь моя кипѣла. Брань гопова была сорващъ съ языка моего... но я вспомнилъ, что имѣю дѣло съ рабами, и вся досада исчезла! Эша мысль перенесла меня какъ будпо на небеса и грубіяны какъ будпо исчезли передо мною, смѣшавщисъ съ грязью... Я присѣль на спуль, и спаль забавлящъ, воображая моего друга, предъ кошорымъ неожиданно предшану, кошорому расскажу спранный приемъ его лакеевыи... но вопъ возвращаешся изъ внуспреннихъ комнащъ лакей, кошорый обо мнѣ докладываль и спра-

шиваешь: какъ объ вась доложишь, сударь?
 — «Да зачемъ же ты ходилъ къ Леонтію Алексѣвичу?», — Я сказалъ только, что пришелъ гость; онъ желаетъ знать, кто вы? — «Скажи: его старый приятель Виссаріонъ Осиповичъ!», — Слушаю, сударь! — «Вошь каковъ мой Орѣхинъ! думаю про себя. Это что-то барское! Доклады! — Посмѣюсь! посмѣюсь!», ... Проходишь полчаса.. посуди, Орѣхинъ и не думаетъ, что безцѣнный другъ дожидается его. Удовольствіе мое начинаешь превращаться въ маленькую досаду: веселая картина свиданія помрачается... Я пошелъ бы прямо къ нему; но онъ съ женою, коюрой я еще не видывалъ... Что дѣлать? — «Доложите Леонтію Алексѣвичу, говорю лакеямъ, что я его болѣе ждашь ненамѣрень: я пришелъ къ нему не съ просьбою, а просто повидаться какъ со стариннымъ приятелемъ.», — Да онъ сей часъ выдешъ, сударь. — «Подите же, доложите, что я уже здѣсь болѣе получаса его ожидаю!», — И что же? Я, глупецъ, прождалъ и еще полчаса... и уже сходилъ съ лѣстницы; — но разпревоженный лакей, запыхавшись, просишь меня ворошиться и пожаловать въ госпи-

ную — Леоншій Алексѣевичъ вышелъ! —
 . . . Возвращаюсь; но ожиданіе, церемоніи
 охладили мое неперпѣніе и радость . . . Я
 даже съ неудовольствіемъ, которое види-
 мо было и на лицѣ моемъ, вхожу въ го-
 спиную. По крайней мѣрѣ, зная себя, и
 мое слабое сердце, я забылъ бы неудоволь-
 ствіе свое, еслибъ Орѣхинъ, встрѣпиль
 меня, обнялъ, сказалъ бы что нибудь спа-
 ринное. Ничего не бывало! Онъ въ шлаф-
 рокѣ сидѣлъ на диванѣ, поджавши ноги,
 и увидя меня, даже и не улыбнулся: не
 извинился, что заспавиль себя дожидашъ
 и сказалъ только: *А! старый знакомый!*
 Старый знакомый! Эшо выраженіе оледѣ-
 нило мою руку, которую онъ сжалъ въ
 своей. . . Сажусь безъ церемоній на софу и
 не говоря ни слова, приспально смопрю
 на него. — “Ну что же? начинаешъ онъ,
 какъ ты поживаешъ? . . . Да что ты смоп-
 ришь на меня такъ приспально? . . . Не
 правда ли, что я перемѣнился?,” — Очень,
 очень перемѣнился, опвѣчаю ему. . . И такъ
 перемѣнился, что не узнаю себя—а опъ
 того и спѣшу домой: я и такъ цѣлый
 часъ ожидалъ себя въ швоей залѣ! Про-
 спи! — и ухожу! . . .

“И онъ не ворошилъ тебя?,, спрашиваю Виссаріона.

—Нѣтъ!. Да и я низачто не ворошился бы къ нему. —

“Но отъ чего же онъ такъ перемѣнился, швой единственнѣй, любезнѣй, милѣй сердечнѣй другъ?,,

—Отъ того, что онъ теперь имѣеть видное мѣсто; отъ того, что онъ разныхъ орденовъ кавалеръ; отъ того, что ша сумма, которую онъ бралъ у меня на дорогу, теперь для него поже, что для меня грошъ! —

“Позволь же сказать тебѣ, Виссаріонъ: я послѣ этого невѣрю уму Орѣхина.,

—А я, зная его корешко, говорю тебѣ, что онъ человекъ съ большимъ умомъ, съ обширными познаніями... —

“Но забывашь старыхъ друзей...,,

Всегда было въ обыкновеніи... пословица, которую повсюрюють сряду нѣсколько тысячъ лѣтъ, не даромъ сохранилась для насъ: “почести перемѣняютъ нравы!,,

I.

МЩЕНІЕ БОНАПАРТА ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЕГО ВЪ ТРОА.

Вспупление въ древнюю столицу Шампаніи показалось Наполеону весьма выгоднымъ, ибо онъ надѣялся чрезъ сіе изумить всѣхъ и сдѣлать войну общеою. Союзныя войска, видя себя въ необходимости оставить сей городъ, послали парламентаровъ съ преговорами прекратить осаду и помедлили нѣсколько часовъ въспуленіемъ въ Троя: но при возвращеніи назадъ послѣдне посланнаго ими въ то время, когда ему отворяли ворота, войско Бонапарта ворвалось въ городъ и овладѣло внутренностію онаго. Легкая перестрѣлка началась между нѣкопорыми отдѣленными частями, которыя спарались какъ можно скорѣе выдти; но, по наущенію тайныхъ агентовъ Наполеона, чернь, вооруженная ножами, шпорами и вилами, напала на оставшихся союзныхъ воиновъ и умертвила многихъ Баварскихъ солдатъ.

Во время сего кроваваго зрѣлища по-

---

*) Въ 1814 году.

бѣдшль вступилъ въ Троя въ 8 часовъ; глаза его сверкали мщеніемъ. Наполеонъ былъ еще на лошади, какъ вспрѣпился ему одинъ полицейскій коммисаръ, которому самымъ грознымъ голосомъ сказалъ онъ: “пяшеро здѣшнихъ жителей носили крестъ Св. Людовика?,,—Никакъ нѣтъ, В.В! только двое.—“Кто же они шаковы?,,—Видранжъ и Гуо.—“Какого они поведенія?,, Кромѣ хорошаго ничего не слыхалъ я объ нихъ.—“Сей часъ задержашъ ихъ!,,—

Одна только жертва доспалась въ руки ширана: это былъ несчастный Гуо; онъ опвергъ совѣпы друзей своихъ, заклинавшихъ его скрыпья. Ничто не могло принудить его удалиться опъ жены своей, которую обожалъ онъ и которой одолженъ былъ всѣмъ: разлука съ нею казалась ему ужаснѣе самой смерти. Съ насупленіемъ опасости, убѣждаемый своими друзьями и шеспемъ, дряхлымъ осмидесятилѣшнимъ спарцемъ поколебался было онъ на минупу; но произнесенныя въ опчаяннй супругою его слова: *что будеть со мною, если ты меня покинешь?* удержали его при ней и ничто уже не могло принудить его удалиться опъ нея.

Онъ даже ласкалъ себя надеждою, что Наполеонъ изъ полишики не будетъ преслѣдовать его, дабы не показашь Франціи и Европѣ, что естъ въ Троа паршія, которая явно объявила себя приверженною къ законной династіи. Таково было ослѣпленіе человѣка, которьій узнавъ о задержаніи Герцога Энгіенскаго, имѣлъ смѣлосль предложитъ свою голову для спасенія Принца. Скоро пришли къ нему жандармы: онъ самъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Его схватили и привели въ рашушу предъ военную комиссію, наряженную для сужденія, или лучше сказашь для осужденія его. Не прошло еще и часа, какъ присланъ былъ Офицеръ узнать, произнесенъ ли уже приговоръ. Ему опвѣчали, что голоса еще не собраны, и что присшупають къ собранію ихъ. Императоръ велѣлъ сей часъ разстрѣляшъ его, сказалъ присланный. Осужденіе несчастнаго Гуо повергло въ уныніе цѣлый городъ. Хозяинъ дома, въ кошоромъ Бонапаршъ помѣспилъ главную свою кварширу, слѣдуя внушенію благородной души своей осмѣлился проситъ аудіенціи и получилъ ее. — “Государь, сказалъ

Г. Дюшашель Наполеону: день поржества долженъ бытъ и днемъ милосердія; я пришелъ просить у В. В., ошь имени всего города Троя, милоспи одному изъ нашихъ несчастныхъ согражданъ осужденному къ смерти., — Выдыше вонъ, опшѣчь чаль онъ ему съ гнѣвомъ, вы позабываете, что вы у меня.—

Въ 11 часовъ вечера несчастныйъ Гуо, сопровождаемый жандармами, выведенъ былъ изъ рапуши; на спинѣ и на груди его видны были при свѣтѣ факеловъ написанныя большими буквами слова: *измѣнникъ отечеству*. Сія плачевная церемонія пришла на торговую площадь, назначенную для совершения казни: пущѣ хотѣли завязать осужденному глаза; но онъ воспрещилъ шо, сказавъ швердымъ голосомъ, что топовъ умереть за своего Короля. Самъ подалъ гренадерамъ знакъ спрѣляшь и произнося: *да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII!* испустилъ послѣднее дыханіе.

Вѣчное презрѣніе и поношеніе да будетъ удѣломъ подлыхъ обвинителей, привлечшихъ на главу сію бесполезное мщеніе неумолимаго пирана! Ужась и мерпвое

оцѣпенїе изображены были на всѣхъ лицахъ: одна только чернь показывала свирѣпую радость при видѣ своего палача и повелишеля.

Ничто не могло удержашь эпою души, алчущей крови: ни вредъ, могущій изъ того произойти собственнымъ егогодамъ, ни боязнь ожесточить еще болѣе прошивъ себя сердца въ такую крипическую минушу.

Тотъ же судъ, предавшій смерти Гуо, приговорилъ равнымъ образомъ къ смертной казни и конфискаціи имѣніе Маркиза Видранжа, которій въ глазахъ Бонапарша былъ еще виновнѣе, нежели несчастный, принесенный уже въ жертву его люспости: ибо по совѣпу Маркиза Видранжа съ приближеніемъ союзныхъ войскъ выславлены были бѣлыя знамена на башняхъ города Троа; онъ напечаталъ тысячи экземпляровъ прокламаціи Короля къ народу и самъ публично раздавалъ ее. Всѣ въ провинціи знали, что онъ такъ явно возсналъ прошивъ ширана; всѣмъ извѣсно, что онъ былъ главою депушаци, прошившей ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА о возснановленіи законнаго Монарха. Однакожь

всѣ усилія захватишь его были бесполезны, попому что онъ находился тогда при Monsieur, бранъ Короля (нынѣшнемъ Королѣ Карлѣ XI).

~~~~~

ИДИЛЛИИ.

1. Флейта.

Алексисъ забылъ свою флейшу подъ еереновыми кустами, гдѣ всякій день, при закатѣ солнца, игралъ на ней подлѣ любезной своей паспушки.

Мирша (такъ звали его любезную) пришла въ этотъ день позже обыкновеннаго на мѣсто свиданія; но паспуха уже тамъ не было: полагая, что она уже въ своей хижинѣ, онъ удалился, и Мирша не нашла ничего, кромѣ флейшы, которую Алексисъ шущъ забылъ.

“По крайней мѣрѣ пришла я непонапрасну (сказала Мирша, поднимая флейшу)! Прекрасная находка! . . . Милая флейша! ты такъ часно сопровождала мой голосъ и придавала ему столько приятности! какъ рада я, что нашла тебя! Еслибъ попалась ты кому нибудь друго-

му, по вѣрно бы мнѣ не слыхашь уже болѣе тебя; но завтра же увижу, какъ будешь ты въ устахъ моего паспушка.,, Сказавъ это, унесла она съ собою флейшу.

На другій день Алексисъ, въ опчаяніи, ищеть вездѣ свою флейшу—но тщетно! Нѣсколько разъ обходилъ онъ сереновые куспы, входилъ въ нихъ; но все понапрасну. — “Кажется, говоришь онъ: вчера вечеромъ я оставилъ ее здѣсь; помню что гирлянда моя была шумъ, а посохъ шамъ... Вѣрно, уходя отсюда, забылъ я взять флейшу, а кто нибудь послѣ меня и нашель ее... Флейша моя! гдѣ ты? Съ тобою потерялъ я все; тебѣ, можешь быть, тебѣ болѣе всего обязанъ я шемъ, что Мирша любитъ меня: ты такъ хорошо сопровождала ея голосъ и какъ за тебя ласкала меня Мирша! Ахъ! я потерялъ все, потерявъ мою флейшу.,,

Въ самое это время, когда оплакивалъ онъ такимъ образомъ свою потерю пришла къ нему Мирша.—“Здравствуй Алексисъ! сказала она. Что ты такъ печалень?,,

Алексисъ. Такъ!

Мирта. Будь же повеселѣе. Послушай: я дамъ тебѣ два, при поцѣлуя, если будешь игы акомпанировать мнѣ на своей флейшѣ: у меня естъ новенькая пѣсня Но что съ тобой сдѣлалось? Ты, кажешься, встревожень, или не хочешь меня слушать?

Алексисъ. Ахъ, Мирта! ты не знаешь моего несчастія, которое неумышленно ты еще увеличиваешь . . . я . . . потерялъ мою флейшу. Вчера ожидалъ я тебя здѣсь—ты не пришла; въ опчаяніи и думая только о тебѣ, не помню, какъ наконецъ ушелъ я отсюда и забылъ свою флейшу.—Теперь ты здѣсь, а флейшы нѣтъ! Я отдалъ бы за нея все мое спадю: ты такъ любила ее!

Мирта. У тебя попросить за нея гораздо болѣе.

Алексисъ. Кто же нашелъ ее? Какой паспухъ?

Мирта. Не паспухъ, а паспушка, и пребудешь за флейшу твоего сердца.

Алексисъ. Видно же не видашь мнѣ болѣе моей флейшы!

Мирта. Почему такъ?

Алексисъ. Да развѣ могу я распола-

гашь тебѣ, что давно принадлежишь тебѣ.—Мирша! ты все также будешь любишь меня? . . . Но какая это немилосердая паспушка?

Вмѣстѣ отвѣща, Мирша возвратила ему флейшу.

Н—я.

2. Птичка.

Мелидоръ подарилъ своей паспушкѣ птичку, которую научилъ выговаривать слѣдующія слова: *Флора! я люблю тебя! Мелидоръ любитъ тебя, Флора!* Долго птица молчала; но Флора усердно ходила за нею, потому что это былъ подарокъ отъ ея друга. Какъ приятно было однажды ея пробужденіе, когда она на зарѣ услышала голосъ и чувствованія Мелидора въ пѣніи его воспитанницы. Флора еще болѣе полюбила эту несоціальную птичку и желая изъяснить Мелидору свою признательность за столь приятный для нея даръ, употребила слѣдующую хитрость.

Однажды подошла она къ нему и сказала съ сердитымъ видомъ: возьми назадъ птицу, которую ты мнѣ далъ; ничемъ не хочу быть тебѣ обязанною. Спавишь

кляпкѣ къ ногамъ пасшуха и уходишь.
 Изумленный пасшухъ глядишь ей въ слѣдъ,
 на глазахъ его появились слезы—но ско-
 ро показалась на лицѣ и радостная улыб-
 ка. Пшичка, равно послушная какъ преж-
 нему своему учишелю, шакъ и новой уче-
 ницѣ, проговорила: *Мелидоръ! я люблю*
тебя! (Флора любитъ тебя, Мелидоръ!

Н—а.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ А. А.

Забудуль васъ когда нибудь
 Я, вами созданный? Не вы ли
 Надеждѣ гордой покорили
 Мою заспѣнчивую грудь,
 И поэпическихъ усилій
 Мнѣ вольный указали нушь?
 Какъ славы свѣшпя нагрѣда;
 Какъ вѣспѣ любви, въ шяжелый часъ —
 Мнѣ живопворная опрада
 Воспоминаніе о васъ.
 Злашые дни, когда, внимая
 Желанью нѣги и похваль,
 И ярко—вами пробужденный
 Во мнѣ—свободный и священны

Огонь Поэзіи пылалъ;
 Какъ волны, высились, мѣшались,
 Играли быстрыя мечты,
 Какъ образъ волнъ—ихъ красоты,
 Ихъ роспѣ и силы измѣнялись;
 И былъ я полонъ божества,
 Могучъ воспашъ до идеала,
 И сладкозвучныя слова,
 Какъ перлы, память набирала!
 Тогда я ждалъ...но гдѣжь они,
 Мои поржеспвенные дни,
 Воспорговъ пламенная сила
 И жажда славнаго труда?
 Изчезло все: меня забыла
 Моя высокая звѣзда.
 Взываю къ ней безъ вдохновеній:
 Мнѣ скучно въ полѣ бышій!
 Да воскресишь она мой геній,
 Да вновь почувствую, кшо я!

Н. Я.

~~~~~

Невинность *).

Въ ея божеспвенныхъ очахъ
 Огонь веселія пылаешъ;
 На сладко-дышущихъ устахъ,
 Какъ упрю въ пламенныхъ лучахъ,
 Улыбка крошкая играешъ.

---

*) Передѣлано въ стихи изъ прозы.

Она, въ величїи своёмъ,
 Идещь, лелѣема Зефиромъ,
 И на челѣ ея младомъ
 Цвѣпещь покой съ душевнымъ миромъ;
 Вездѣ вспрѣчаема Весной,
 Увишая цвѣшми Грацій,
 Благословенною стопой
 Она идещь въ шѣни акацій:
 Предъ нею въ роскоши цвѣшпущь
 Фїялки, розы и лилеи
 И благовонный запахъ лющпщь.
 И опщ сїхъ мѣспщ спремглавъ Борей
 Лешящ въ угрюмые края,
 И алчны, ядовишы змѣи
 Не смѣющъ жалищ ногу ея.

*

Когда, любовію вѣнчаясь,
 Жиль смерпный въ мирѣ, пишпнѣ
 И зналь лишь радости однѣ:
 Тогда Невинность, улыбаясь,
 Давала спройность, видѣ ипой
 Весенней радостной природѣ;
 Она, съ улыбкою живой,
 Играла, пѣла въ хоровадѣ.

*

Когда же смерпный пожелаль
 Мудрѣ быщ самой Природы,
 И заблужденьемъ воспылаль:
 Тогда, оставивъ хоровады,
 Она вспорхнула къ небесамъ,

Въ своѣо всегдашнюю обитель;
И нынѣ рѣдко по лугамъ
Ее встрѣчаютъ сельскій житель.

*

Пускай Невинности удѣлъ
Навѣкъ забыть земные края—
Но я небесную узрѣлъ
Въ прелестномъ образѣ Аглаи.

Демонтовичъ.

~~~~~

Элегія.

Любовь, Любовь! веселымъ днемъ
И мнѣ, я помню, ты свѣтила;
Ты мнѣ восшорги окришила,
Ты назвала меня пѣвцомъ!

*

Волшебна ты, когда впервые
Въ груди ликуешь молодой!
Спиши, внушенные побой,
Звучашь и блещушь золошые.

*

Свѣплѣе зеркальныхъ зыбей,
Звѣзды прелестнѣе разсвѣтлой,
Пышнѣе ленты огнецвѣтной,
Повязки радостныхъ дождей —

*

Твои надежды. Но умчишься
 Очаровашельной ихъ сонъ:
 Зови его—не внемлешь онъ—
 И сердцу слава не приснишься.

Н. Языковъ.

mmmmmm

*Отвѣты на присланные мнѣ изъ
 Москвы вопросы.*

Вопросы.

1.

Добры люди! научите
 Спрасшнымъ сердцемъ управляшь;
 Если знаете, скажите:
 Можноть имъ повелѣвать?

3

Должноть сердцу дашь законы?
 Топъ, кто миль, шого забышь?
 Или, презря всѣ препоны,
 Для любви одной лишь жишь?

3.

Должноть счастье: быть любимой,
 На богатство промѣняшь?

Или въ жизни сей унылой
Для любви одной дышаешь?

4.

Должноль въ шумномъ, скучномъ свѣтѣ,
Счастья ложнаго искаешь,
Иль въ единственномъ предметѣ
Все блаженство полагаешь?

5.

Должноль, нѣжну спрасишь пипая.
Чувство пламенно шаишь.
Иль обычай презирая,
Сердце милому открываешь?

N.

Отвѣты.

1.

Я бы средство показала
Спраснимымъ сердцемъ управляешь;
Но къ несчастью, испытала:
Имъ нельзя повелѣваешь.

2.

Какъ намъ смѣшь даваешь законы?
Сердце создано любить!
Нѣшь ему въ любви препоны.
Безъ нея не можно жить.

4.

Счасье милымъ бышь любимой
 Первымъ благомъ поспавляшь—
 Вопь чпо къ жизни сей упылой
 Можешь душу привязашь!

4.

Все, богашство, чешть и славу
 Въ немъ одномъ лишь находишь,
 А блаженство и забаву,
 Чшобь его весь вѣкъ любишь.

5.

Да, коль можемъ мы соспавишь
 Счасье друга своего
 Темъ, чшобь сердце предоспавишь
 Въ управленіе его—
 То никакъ погда не можно
 Чувства нѣжнаго пайшь;
 Я совѣшую и должно
 Для него весь міръ забышь.

М—я Д—я.

Невольное сознание.

Сказка.

Филапъ Парееновичъ , Московскій мѣщанинъ,

Въ день именинъ

Двоюродной сестры, порядкомъ разгулялся.

Но впрочемъ кто не зашибался? —

Емужь проспипельно: любимая сестра —

И что желаетъ ей здоровья и добра,

Онъ дѣломъ доказашъ старался;

Пословицы держался:

Не надо въ небѣ журавля,

А дай синицу въ руки.

Госпей развеселя,

И самъ, онъ шакъ опъ скуки,

Сперва взялъ рюмочку, шамъ рюмку, шамъ
стаканъ...

И вечеркомъ Иванъ

Арпельщикъ нашего Пареевича—не въ службу,

А въ дружбу

Повелъ его домой.

Идушъ...вдругъ чудо зришь Пареевича предъ
собой:

На мостовой

Лежишь въ разтяжку, въ дождь,
въ ненастьѣ

Родный его зятекъ—и подлѣ...штофъ съ
виномъ

Парееночъ ахнулъ!... “Вошь не-
счасье!
Пропаций человекъ! Какъ жаль!..А вѣдь съ
умомъ!

Да пьянство-одолѣло!

Ну, не безчестное ли дѣло:

Напишья шакъ, чшобъ лечь на
мосповой?,,—

А самъ, чшобъ не упасшь — къ забору
ближе.

“Попупаль грѣхъ!—Ну подними же
Да пьяницу сведи, Иванушка, домой:
А послѣ, милый другъ, приди ужь и за
мною. ,,

С. О . . . ъ.

~~~~~

Пѣсня.

Не труби, труба ,
Жалостно,
Протруби труба
Радостно:

*

“Ты красаль моя,
Дѣвица ,
Ты завей косу
Русую;

*

Перевей ее

Ленпою.

Не лобзашь шебѣ,

Буйный вѣспрѣ,

*

Не лобзашь косы

Русыя,

Не взвивашь ее

Въ воздухѣ.

*

Какъ доспанешся

Русая,

Чшо сердечному,

Милому.,,

*

Ты, поскаль моя

Любая,

Изъ груди лепи

Соколомѣ.

*

Не сзнакомлюсь я

Съ грустію,

Не спознаюся

Съ шяжкой.

*

Проведу я дни

Съ радостью.

Проведу я ихъ

Съ миленькимѣ.

*

Надгробіа.

1.

О. С. Т—вой.

Примѣрная мать и супруга!

Молись, молись на небесахъ

О мужѣ и шести несчастныхъ сиротахъ,
 Лишившихся въ тебѣ первѣйшаго ихъ дру-
 га.

2.

Н. Е. С—ву.

Служилъ онъ вѣрою и правдой весь свой
 вѣкъ;

Отъ всѣхъ снискалъ себѣ любовь и ува-
 женье

И втайнѣ ближнему являлъ благошворенье.

Миръ праху швоему, о добрый человекъ!

И.

~~~~~

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ АЛЬБОМУ ОДНОЙ ПРЕ- КРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Госпожа N. получила въ подарокъ на новый годъ великолѣпнѣйшій альбомъ. У нея было уже до двадцати альбомовъ но всѣ они были пусты. Теперь пришло ей желаніе передать послѣдній своимъ внукамъ; а что бы лучше успѣль въ этомъ намѣреніи, то естъ, что бы сдѣлать альбомъ достойнымъ наслѣдіемъ попомства, она вздумала написать къ нему слѣдующее предисловіе:

“Годъ книга, въ копорой желаю видѣть остроуміе безъ злобы, нѣжныя чувства безъ припорносши, похвалы безъ ласкашельства. Всякой, кто изложитъ въ ней мысли свои прямо отъ сердца, доставитъ мнѣ истинное удовольствіе. Путешественники скажутъ, безъ всякаго увеличенія, если можно, какими показались имъ женщины—разумѣется днемъ, а не ночью — шѣхъ земель, чрезъ копорыя они проѣзжали. Поэты напишутъ экспромпты, но такіе, какихъ нельзя бы было найсти въ записныхъ книжкахъ нашихъ бабушекъ. Если потомцы Полимніи по-

чувствують въ себѣ минутное вдохнове-
 ніе, по пусть изольють его на опредѣ-
 ленные для сего листочки. Что касается
 до васъ, милоспивые государи, копо-
 рые обладаете искусствомъ изображать
 природу яркими красками: по многія
 спраницы этого альбома именно для васъ
 назначены. Оспавьте въ нихъ воспоми-
 наніе о мѣспахъ и особахъ, копорья по-
 казались вамъ наиболѣе приятными. Я
 желала бы, чпобъ пробѣгая эти листоч-
 ки, можно было, такъ сказать, путешес-
 ствовашъ изъ Франціи въ Испалію, изъ
 Испаліи въ Египеть, и имѣть у себя на-
 стоящій живописный атласъ. Если ка-
 кой нибудь философъ испыпалъ, что та-
 кое любовь, и можетъ сдѣлать основа-
 тельныя объ этомъ предметѣ размышле-
 нія: по прошу его изьяснить оныя здѣсь,
 съ условіемъ однако же, что бы заклю-
 чали онѣ въ себѣ ничего преувеличенна-
 го, пошому что о любви надобно гово-
 рить не слишкомъ мало и не слишкомъ
 много. А какъ листки моего альбома пе-
 ренумерованы и ни одного изъ нихъ не
 хочу я лишиться: по и прошу покорнѣй-
 ше шѣхъ, кому угодно будетъ осыпашъ

меня ласкапельствами (дань, часто плашима я щеславіемъ оспроумцевъ щеславію женщинъ) упошребляшь сколь можно менѣе иперболь.,,

“Если эшопъ альбомъ можешъ бышь наполненъ щакимъ образомъ, шо онъ будешъ для меня самую драгоцѣнною вещью, и если какимъ нибудь случаемъ поперяю его, шо буду огорчена сполькоже, какъ и шопъ человѣкъ, котораго захопѣли бы лишишь прятнѣйшихъ воспоминаній. Излишнимъ почишаю говорись, сколь много обяжешъ меня шопъ, кшо возврашишь мнѣ его.,,

~~~~~

НѢЧТО О ПРАВАХЪ АНГЛИЧАНОКЪ.

(Отрывокъ изъ письма одного путешественника.)

Англичанки болѣе нѣжны, нежели спраспны; онѣ внушають любовь почишельную и неспособны къ возбужденію низшаго оной чувства. Тотъ ошибешся, кшо будешъ искашь въ нихъ минушнаго впечатлѣнія; онѣ оспорожны: въ выборѣ у нихъ участвуешъ сердце; въ любви—поспоянство.

Прекрасный полъ въ Англіи вообще очень скромный. — Главнѣйшую пріятность въ женщинахъ составляетъ стыдливость, и это милое качество непорочности есть исключительное свойство Англичанокъ. Онѣ тихи, опккровенны, простоправны и даже нѣсколько лѣнны; но ихъ мужья не требуютъ отъ нихъ какихъ нибудь прудовыхъ пріобрѣтеній и въ домашнемъ быту жену — Англичанку смѣло можно назвать *потребительницею*. Не имѣя постоянныхъ работъ, онѣ скучаютъ; а неупражнение дѣлаетъ ихъ любопытными, склонными къ пересудамъ и легковѣрными. Несмотря однакожь на сіе, онѣ умѣютъ нравиться мужьямъ и неослабно пекутся о воспитаніи дѣтей. Молодая дѣвушка, неоплучно слѣдуя за своею матерью, не вдругъ, но постепенно готовится сею послѣднею къ удовольствіямъ свѣта. Ежели сердце дочери слышишь въ себѣ робкое чувство любви, то мать бываетъ въ семъ случаѣ первою наперницею красавицы. Когда дѣло дойдетъ до брака, тогда на богатство и знашность жениха почти совсемъ не обращаютъ вниманія: жертвен-

никъ Гимёнея возжигаетъся пламенникомъ Амура.

Что составляетъ красоту въ женщинѣ? Бѣлая и нѣжная кожа, свѣжее лице, на которомъ выступаетъ легкій румянецъ; полноша, служащая признакомъ здоровья, лице продолговатое, носъ длинный, шакой, какъ изображали древніе въ произведеніяхъ ваянія, большіе глаза, не живые и быспрые, но помные и склонные къ чувству, маленькій ротъ, хорошаго цвѣша волосы, прямой спанъ: шакovy красавицы въ Англіи. Нѣкто замѣшилъ, что Англичанки не имѣють исключительно приятной фізіономіи и почти всѣ другъ на друга похожи.

Искусство Француженокъ, искусство украшашъ природу помощію умыванья и приширанія, почти во младенчествѣ въ Англіи. Адиссонъ укорялъ своихъ соотечественницъ, въ обычаѣ носить мужское платье; но какое иное одѣванье можетъ быть спокойнѣе и удобнѣе, на примѣръ льшомъ, въ деревнѣ; а особенно для верховой ѣзды? Впрочемъ причина шаковаго обыкновенія заключаеітся собственно въ желаніи плѣнять: ибо женщина спрой-

ная, въ одеждѣ мужчины, имѣеть какую-то прогательную приапность для сердца и больше нравишься *)....

Съ Франц. А. Дероберти.

~~~~~

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ЛОРДА БЕЙРОНА ВЪ КОРСИКУ И САРДИНІЮ **).

Это было въ прекраснѣйшій Майскій вечерь. Никогда не забуду этого вечера. Мы переѣзжали Адриатическій заливъ въ открытой гондолѣ. Музыка зачихла. Едва слышны были слабые удары весель, погружающихся въ море и пѣна воздымалась на влагѣ. Вечерніе лучи солнца освѣщали колокольни Венеціи; сильный свѣсъ опражался еще на бѣлющихся дворцахъ ея и море распроспраняло вокругъ насъ ослѣпляющій блескъ—земное изображеніе жилища праведныхъ и горнихъ селеній. Влѣво, въ опдаленіи, горы Рагузы казались, какъ шемныя шучи, на горизонтѣ,

*) Сомнительно! Изд. Благ.

***) Изъ Жизни Лорда Бейрона.

перемѣняя безпрерывно видъ свой, по мѣрѣ увеличенія, или уменьшенія вѣпра. Надъ головами нашими небо было чисто и ясно, а подъ ногами бездна моря сполла, какъ зеркало, отражая красы природы.

Съ полчаса смопрѣлъ задумчиво на сію каршину Лордъ Бейронъ. Наконецъ первый онъ прервалъ молчаніе. “Скучно мнѣ, говорилъ онъ: разсѣкашь безпрерывно волны залива Венеціи; желаю насладиться видомъ моря отккрышаго. Давно уже, очень давно имѣю я намѣреніе видѣшь Корсику и Сардинію. Къ тому же непремѣнно долженъ я бышь шамъ нынѣшнимъ лѣпомъ: я обѣщаль это другу, при смершномъ одрѣ его, и исполню данную мною кляшву, хошя бы то споило мнѣ самой жизни. Прощу объявить, кому угодно будетъ ѣхашь со мною: яхшы моей досшашочно для помѣщенія всѣхъ.,,

Всѣ мы поблагодарили его и сказали, что готовы за нимъ слѣдовашь куда и когда онъ пожелаешъ. Условились, что бы отправишься 1 ч. Іюня.

Плыли по заливу до полночи. За ужиномъ Лордъ Бейронъ казался задумчивымъ

и началъ бишь пальцами по сполу мѣру, напѣвая арію. Мы сочли это за знакъ, что онъ желаетъ оспашься одинъ, и удалились. На другой день имѣли удовольствіе слышать новую поэму, на канунѣ имъ сочиненную. Попомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней заняты были уборкою по вкусу нашему и фанпазіи особой компаньи, данной намъ на яхтѣ.

Это было небольшое судно въ 45 тоннъ, съ двумя большими парусами. Оно раздѣлялось на маленькія комнаты, кладовыя для провизіи, и ш. п. Экипажъ удался ночью подъ большую парусинную крашенную палашку, складывавшуюся днемъ въ видѣ гардинъ. Внутренность ея украшена была колоннами и шпофными занавѣсками. Софы, зеркала, все было просто, но прелестно. Задняя часть яхты расположена была такъ, какъ госпиная; палуба покрыта вошанкой, на копорой поставили подвижные шкафы, гдѣ вверху были книги, а внизу бушылки, посуда и плоды. Руль имѣлъ шу выгоду, что можно было править имъ, не бывъ видиму, но со дна оконечности. Судно снаружи было выкрашено желшою кра-

скою съ двумя широкими золотыми полосами. Носъ былъ украшенъ головою Козака *), весьма искусно сдѣланною однимъ Венеціанскимъ художникомъ. По наружности и по ходу, судно наше почиталось лучшимъ во всей Венеціанской гавани.

Мы плыли подъ Венеціанскимъ флагомъ. Флагъ сей изъ апласа вышитъ былъ разными шелками Графинею Г... и ея прияшельницами **). Сверхъ того было на суднѣ до 40 другихъ флаговъ, пригошвленныхъ для торжественныхъ случаевъ. На яхтѣ находилось провизіи для двадцати человекъ на два мѣсяца; корова и чепыре козы для молока, три лошади, лошакъ, множество барановъ и дворовыхъ птицъ.

Легко можно было превратить па-

*) Яхта сія называлась *Мазею*.

***) Дочь Графа Гамба изъ Равенны. Будучи еще очень молода, вышла она за мужъ за шестидесятилѣтняго спарика, и вскорѣ полюбивъ Лорда Бейрона, была похищена имъ изъ Равенны въ то самое время, какъ вѣроятно гошовилась къ заключенію въ монастырь на всю жизнь свою.

лубу въ оркестръ. Въ нашемъ экипажѣ было шесперо очень хорошихъ музыкантовъ, и каждый изъ насъ умѣлъ порядочно играть на какомъ либо инструментѣ. Два маленькихъ мѣдныхъ орудія стояли на носу и по одному еще на бортахъ. Каждый изъ насъ имѣлъ при себѣ огнеспрѣльное орудіе и саблю.

Съ почностію явились мы всѣ на яхту въ полдень 1 ч. Юня 1821 года, и проспаясь пофранцузски съ друзьями, которые стоя на берегу, не знали намѣреній нашихъ, снялись съ якоря и прошли заливъ. Когда миновали Греческій мысъ, погода нахмурилась и все предвѣщало сильную бурю. Капитанъ нашъ, Г. Ансонъ, хотѣлъ, для спасенія опъ въпра, бросить якорь при мысѣ Опраншо; но Лордъ Бейронъ сему воспротивился, сердился и попалъ ногами. Кончилось однако темъ, что онъ уступилъ благоразумнымъ убѣжденіямъ Капитана, и мы спали между двухъ огромныхъ скаль, въ узкомъ проливѣ ведущемъ къ заливу, гдѣ, по увѣренію Г. Ансона, могли бытъ въ совершенной безопасности. Всѣ мы имѣли причину радовашься, найдя сіе убѣжище, пошому что

гроза увеличивалась и мы слышали издали ужасный ревъ ея.

Судно спало на якорь. Экипажу дана была двойная порція вина, и мы сѣли ужинашь споль же спокойно, какъ бы въ залѣ нашей на площади Св. Марка въ Венеціи. Споловая находилась въ срединѣ яхты и имѣла 10 фушь въ длину, 13 въ ширину и до 7 фушь вышины. Кромѣ буфеша, споявшаго въ углу, оспавалось еще довольно мѣста для служителей. Покойнѣ не могли бы мы бышь даже на Англинскомъ фрегатѣ. Вспавъ изъ за сполла, Лордъ Бейронъ послалъ за Капитаномъ, который ужиналъ одинъ въ своей каюшѣ. Онъ присоединился къ нашему обществу, и Лордъ Бейронъ обѣщаль ему не мѣшашься впредь въ его дѣло.

При восхожденіи солнца собрались мы на палубу. Упро было прекрасное. Завпракали на верху. Берега предспавляли видъ дикаго и неизьяснимаго величія. Голыя и возвышенныя скалы, ручьи быспро-низвергающіяся изъ безчисленныхъ разсѣлинъ, песчаный и крупый берегъ, дѣлали высадку для насъ запруднишельною и увеличили наше неперпѣніе. Капи-

пань, весьма хорошо знающій мѣста сіи, высадилъ насъ на гладкій утесъ, и мы добрались до вершины его. Но Адриатическое море не было спокойно. Предъ нами на краю пропасти возвышался знаменитый Опранпскій замокъ, копорый представлялъ опсюда великолѣпныя развалины.

Сей замокъ, избранный мѣстомъ происшествія для одного знаменитаго Англинскаго романа, никогда не былъ проспраченъ. Оспались двѣ башни, довольно хорошо сохранившіяся, и развалины другихъ двухъ. Стѣны полуразрушены; но въ стѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще цѣлы, имѣютъ до тридцати фузовъ вышины. Всѣ комнаты темны и освѣщаются однимъ только окномъ. Внизу находится семь бойницъ, слишкомъ ужасныхъ для описанія. Довольно сказать то, что одна изъ нихъ наполнена человѣческими костями, кои выбраны изъ прочихъ.

Мы купили у крестьянъ молока и апельсиновъ, а у рыбаковъ недавно пойманную рыбу. Снявшись съ якоря, пошли съ попушнымъ вѣтромъ, копорый донесъ насъ до Реджіо, гдѣ оспановились для обѣда. Во время сшолы Лордъ Бейронъ ска-

залъ намъ, что романъ: *Залокъ Отрантскій*, есть одинъ изъ лучшихъ на Англинскомъ языкѣ, но что въ послѣдствіи авторъ не оправдалъ сего первоначальнаго труда своего.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней были мы задержаны при входѣ въ заливъ Мессинскій по вѣтрами, по жестокимъ холодомъ, а попому и бросили якорь въ Мессинской гавани не ранѣе 7 Іюня. Топчасъ спустили шлюбку, на которой Лордъ Бейронъ и многіе изъ нашего общества съѣхали на берегъ.

Губернапоръ встрѣпилъ ихъ и пригласилъ во дворецъ свой. Послѣ обѣда Лордъ Бейронъ привезъ съ собою на яхту лоцмана, хорошо знающаго берега Корсики. Нынѣшнее положеніе Мессины доспойно сожалѣнія. Торговля ничтожна и богатѣйшіе дома находяпся со дворомъ въ Неаполѣ. Губернапоръ показалъ намъ мѣста, гдѣ происходили сраженія между войсками Короля Іоахима и Англо-Сицилійцами.

Послѣ обѣда возврапились мы на яхту, запасшись значительнымъ количествомъ плодовъ для экипажа, и хотя время казалось неблагопріятствующимъ; но

мы снялись съ якоря, что бы войши подъ паруса. Теченіе было быспро и вѣпръ споль силенъ, что проходя мысь Сарди, на которомъ возвышается замокъ, одинъ изъ парусовъ нашихъ разлепѣлся на части, и яхта вдругъ оспановилась къ великому спраху дамъ нашихъ. Всѣ мы принялись за работу, и судно наше сошло съ мѣли не прежде полуночи. Въ самое это время Везувій извергаль пламя и бросаль яркій свѣтъ на все, окружающее насъ. Пушеводимые симъ маякомъ природы, пушились мы въ море. Гора Спромболи бросала поже пламень. Мы убрали паруса и вошли подъ вѣпръ оспрова. Громъ рокошаль, дождь лиль рѣкою и небо разсѣкалось пламенѣющими молніями; но море было спокойно и всѣ ушли спать, изключая часовыхъ и Лорда Бейрона, который завернувшись въ плащъ, ходилъ по боршу до разсвѣта. Время прояснилось; мы вошли въ гавань знапнѣйшаго изъ оспрововъ Липарскихъ.

Сей оспровъ былъ нѣкогда избранъ Фердинандомъ и Миниспромъ его Генераломъ Анпономъ мѣспомъ ссылки для Неаполишанцевъ, перешедшихъ на споро-

ну Французовъ. Почти весь островъ покрытъ каменьями, бросаемыми изъ жерла Спромболи. Но бока горъ, гдѣ дожди часпю смыли пакіе каменья, обрабатываются жишелями съ успѣхомъ.

Вода имѣеть здѣсь сѣрный вкусъ, воздухъ тяжель и удушливъ. Пупешественникъ ходилъ среди заустѣнія. Въ селеніяхъ живутъ рыбаки, продающіе рыбу и нѣкопорыя произведенія въ Палермо и Мессино. Вообще они въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ пещерѣ, близъ того мѣста, гдѣ мы бросили якорь, Герцогъ Регаліо, съ женою и дочерью, укрывался при мѣсяца, питаясь одною полько рыбою, какую поймашъ могъ. Герцогиня не перенесла такой суровой жизни; она скончалась здѣсь и погребена при входѣ пещеры подъ деревомъ, возвышающимся среди скаль. На одной изъ нихъ ея друзья вырѣзали слѣдующую надпись.

*Маргарита Герцогиня Регаліо,
нѣкогда имѣвшая милліоны,
сѣ изганіи умерла здѣсь отъ голода*

20 Ноября 1799 года.

*Чужеземецъ! не полагай надежды своей
на дары Фортуны!*

*Молись о упокоеніи души усопшей,
которая въ продолженіи жизни своей
раздѣляла всегда богатства свои съ
дѣтьми*

Нестастія.

Г. Деизель перевелъ сіе надгробіе и написалъ на скалѣ наши имена и Лорда Бейрона; а Графиня Г...пролила обильныя слезы въ память Герцогини, съ копорою она была короршко знакома. Изъ 800 чело-вѣкъ, сосланныхъ нѣкогда на сей островъ, боо умерло въ крайности. Герцогъ Регалио, спуспя нѣсколько времени по смерти жены своей, уѣхаль шайно съ дочерью на Сардинскомъ суднѣ; но вскорѣ былъ призванъ въ Неаполь и ему возвращены богатство его и почести.

Въ воскресенье былъ самый преле-спный день. Палашку нашу перенесли на берегъ и поспавили близъ пещеры въ ожиданіи обѣда. Весь экипажъ обѣдалъ съ нами и сама Графиня наливала всѣмъ ви-но. Попомъ играла музыка и всѣ сдѣлались очень веселы. Въ это время Г. Деизель занимался снятіемъ вида горы Спромбо-ли и западной части Липарскихъ остро-вовъ. Когда возвратились мы на яхшу,

по погода была прешихая. Мапросы принялись за весла и музыка продолжала играть нѣсколько часовъ.

На развѣспѣ поймали мы и привязали къ судну большое бревно, на копоромъ собралось множество лещей, привлеченныхъ морскими шравами, въ немъ находившимися. Всякій изъ насъ вооружился чемъ могъ, что бы имѣть участие въ этой ловлѣ. Графиня убила до шрехъ дюжинъ и Лордъ Бейронъ сполькоже. Каждая изъ сихъ рыбъ вѣсила фунта шри. Ихъ посолили, сберегая для экипажа. Вскорѣ снялись съ якоря и пустились въ дальнѣйшій путь къ Корсикѣ.

Сбъ Франц. Ип. Завалишинъ.

Книжныя объявленія.

Книжка: *Памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА*, переводъ превосходнаго сочиненія на Французскомъ языкѣ: *A la mémoire d'Empereur ALEXANDRE* и переводъ весьма близкій и хорошій, продается во всѣхъ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ, а въ Москвѣ у книгопродавца Свѣшниковъ по 2 р. экз. Можно выписывать сію книжку и опшъ Издашеля *Благонадѣреннаго*.

Наконецъ *Басни и Сказки Александра Измайлова* (изданіе пятое) поступили уже въ типографію. Четвертое изданіе, напечатанное предъ симъ за пять лѣтъ (въ 1821 году), давно уже разкуплено. Между темъ Сочинитель, написавъ вновь довольное число Басень и Сказокъ и исправивъ по возможности прежнія, приспущаеишь нынѣ къ пятому изданію, которое состояишь будешъ изъ трехъ отдѣленій, или частей. Въ первой помѣщены будишь собственно такъ называемыя *Басни*, или *Апологи* и *Притчи*; во второй *Сказки* (contes); въ третьей *Опытъ о разсказѣ Басни и разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ фабулистовъ*, Изданіе сіе печашаешся въ 8 ку большаго формата на

хорошей бумагѣ чепкими и красивыми буквами и, если будешь довольное число подписчиковъ, по украсится сверхъ фроншисписа, или заглавнаго листка; искусно гравированными каршинками, а можетъ быть и поршрентомъ Сочинишеля. Всѣ при части, одобренныя уже къ напечатанію, выдупъ въ исходѣ нынѣшняго года. Подписка на *сиеятое* изданіе принимается шолько въ С. п. бургѣ, у самаго Сочинишеля, *А. Е. Измайлова* 5 класса, живущаго на Пескахъ, прошивъ бассейновъ, или прудовъ, въ каменкомъ шпрехъ-этажномъ домѣ наслѣдниковъ Моденовыхъ № 306. Подписная цѣна назначается самая умѣренная, за всѣ три части 15 р. За пересылку иногороднымъ прилагашъ не нужно. Имена подписавшихся припечаташаются при 3й части. Особы, подписавшіяся въ 1821 году на *тетвертое* изданіе, получаютъ безденежно *третью* часть, ш. е. *Опытъ о разказѣ Басни и Разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ.*

Принимается шамъ же подписка на *Сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ Александра Измайлова, въ двухъ частяхъ.* Въ первой части, которая уже печашается, помѣщена будешь *проза, какъ шю: Повѣсти, Разгово;*

ры, Письма, Разсужденія, и п. п. — а во второй *разныя лѣбкія стихотворенія*, кромѣ Басень и Сказокъ, кои, какъ выше значить, издаются особо. Если число подписавшихся будетъ доспашочно: то и сіе изданіе украсится также виндешами и гравированными картинками. Подписная цѣна за обѣ часпи какъ для здѣшнихъ, такъ и для иногородныхъ 10 р. Имена подписавшихся будутъ припечатаны при послѣдней часпи. По окончаніи подписки и по выходѣ книгъ цѣна на оныя возвысится.

У Издашеля Благонамѣреннаго можно еще получать Журналь сей за 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годы, за самую дешевую цѣну, каждый годъ порознь по пятнадцати, а за всѣ восемь лѣтъ вмѣстѣ по спу рублей безъ пересылки. На пересылку же за каждый годъ особо прилагается по 5 р. а за всѣ восемь годовъ 25 р.

Календарь Музъ на 1826 годѣ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ, продается въ книжной лавкѣ А. Ф. Смирдина, что у Синяго моста, и у Издашеля *Благонамѣреннаго*. Цѣна 10 р. въ бумажномъ фушлярѣ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 к. серебромъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — № X.

НРАВЫ.

Пригудинъ.

Всѣ чудеса, всѣ великіе подвиги, всѣ глупости, всѣ дурачества людскія произошли отъ одной причины: отъ желанія извѣстности — славы, которая рождается съ первыми успѣхами въ школѣ, преслѣдуетъ человека во все продолженіе жизни, и переживаетъ его, выказываясь на мраморныхъ гробницахъ. Всякой желаетъ извѣстности: но для одного, мало всего свѣта, чѣмъ удовольствоваться свои требованія на славу; другой ограничивается значительностію въ своей губерніи; третій доволенъ и счастливъ, если о немъ говорятъ его деревенскіе сосѣди. Отыскивая эту извѣстность, Наполеонъ пролилъ рѣки крови, а Вралевъ рѣки чернилъ; Героспрантъ сожегъ храмъ, а Лицемеринъ сочиненія философовъ XVIII столѣ-

пiя, чѣмъ заспавишь говоришь о себѣ; Чесплюбинъ посвятилъ службѣ всю жизнь свою; а Причудинъ посвятилъ ее дурачествамъ и глупостямъ.

Ощущая неутомимое желанiе бытъ извѣстнымъ, Причудинъ съ досадою оставилъ споллицу и службу, попому чѣмъ ни споллица, ни служба не примѣшили его, сколько онъ о томъ ни хлопоталъ. Причудинъ поселился въ деревнѣ. Какъ великъ показался онъ въ собственныхъ глазахъ своихъ, когда явились къ нему его крестьяне и возвеличили его своимъ опцемъ, благодѣтелемъ, милосивцемъ, кормильцемъ! Какъ весело было на душѣ его, когда онъ поѣхалъ осмолрѣть свои владѣнiя, и всякой, вспрѣчаясь съ нимъ, снималъ шляпу, и кланялся ему въ поясъ! А сосѣдство? Онъ приѣхалъ изъ споллицы, служилъ въ споллицѣ; какая честь давно оставленнымъ, сѣдымъ Прапорщикамъ и Ассесорамъ—жить въ нѣсколькихъ верстахъ отъ приѣхавшаго изъ споллицы молодого человека! И не прошло года, а Причудинъ сдѣлался уже совершенно счастливымъ человекомъ; удовлетворились его пребыванiя на извѣстность; о немъ знали за

пятидесять верстъ въ окружности; его имя, опечесство, и фамилія спали знакомы всѣмъ сосѣдственнымъ помѣщикамъ и креспьянамъ; даже въ уѣздномъ городѣ всѣ узнали Причудина. Чего же болѣе? Причудинъ оспался въ деревнѣ, и проживаетъ тамъ; довольный своею судьбою, прошедшій годъ послѣ опспавки.

Я видѣлъ его проѣзжая черезъ городокъ III. Ему уже бо лѣтъ: но онъ здоровъ, свѣжъ, румянь; не мудрено: здоровье поддерживается внутреннимъ спокойствиемъ. Онъ приѣхалъ къ племяннику погостить на два дни... и живетъ у него уже два года! Но вѣрный сказанному слову, Причудинъ, послѣ двухъ дней, уложилъ все, что имѣлъ съ собою, въ чемоданы, и живетъ два года какъ будто въ дорогѣ. *Чтобъ напрасно* не перерываешь въ своихъ чемоданахъ, онъ беретъ бѣлье у племянника, и каждый день прощается со всѣми, поному что каждую минушу готовъ ѣхать. Причудинъ очень покойный собесѣдникъ: изъ угожденія и приличія ѣсть все, что угодно, тогда какъ у себя дома питаешься одними овощами. Онъ и любезничаешь, на примѣръ: увѣряешь, буд-

по ничего не можешъ ѳспшь, не посыпавъ кушанья пабакомъ — и въ самомъ дѣлѣ, всегда носишь онъ съ собою пабакерку *съ перцелиб!* Онъ холоспшь, хошѣль женишь-ся, былъ уже и помолвленъ; но имѣя слабую память, вспомнилъ о невѣспшѣ... черезъ шесть лѣпшь послѣ помолвки! Въ доказательствѣ же, что у него дѣйспви-тельно память слаба, онъ рассказываетъ что когда-то приѣхаль къ нему изъ даль-ней деревни прикащикъ съ оброкомъ. Причудинъ велѣль *ему подождать, покуда его спроситъ*, и наконецъ наспушаетъ эта минуша, по прошествіи осьми лѣпшь! Причудинъ врагъ модъ и роскоши. Обык-новенно носишь зеленую куршку, а въ высокопоржеспвенные дни, посредспвомъ крючковь, привѣшиваетъ къ ней фалды, и куршка превращается во фракъ. Онъ очень рѣдко ѳздитъ *къ здоровымъ*; но болѣные знакомые, какъ бы далеко ни жи-ли, имѣющъ въ Причудинѣ поспояннаго собесѣдника! Чупъ прослышипъ, что ша-кой-то занемогъ, Причудинъ, укладываетъ въ чемоданъ бѣлье и фалды къ куршкѣ, ѳдетъ къ больному и живешъ у него по день выздоровленія, или по день смерпи

Таковъ Причудинъ! Онъ счасливъ, онъ доволенъ! О немъ говоряшь, и всѣмъ знакомымъ его извѣстно, что онъ забывчивъ, что онъ носить куршку, что въ паба-керкѣ держишь перецъ, и больныхъ любишь болѣе, чемъ здоровыхъ.

I.

~~~~~

Два Живописца *).

Вчера познакомился я съ двумя извѣстными живописцами, а сегодня былъ у нихъ.

По узенькой, темной лѣспницѣ взбираюсь въ четвертый этажъ и останавливаюсь передъ дверью, на которой развѣвались доскушья войлока, которыми она нѣкогда была обита. Отворяю дверь, и вонь отъ масла поражаетъ мое обоняніе: сквозь дымъ, отъ котораго едва могу открыть глаза, вижу передъ Русскою печью, молодую женщину прищипной наружности. Въ одной рукѣ держишь она младенца, другою мѣшаетъ въ горшкѣ со

---

*) Не дай Богъ, что бы это случилось на самомъ дѣлѣ!

щами. Въ ногахъ ея пищипъ ребенокъ, и хвапается за ея плашье.—“Здѣсь живешъ *N. N?*.,—Здѣсь, сударь!—“Дома?.,—Дома!—И въ слѣдъ за эшимъ опвѣпомъ, опворяешъ она поненькую дверь въ перегородкѣ, раздѣляющей комнапу, на двѣ половины. Вхожу и вижу его; въ фризовомъ желпомъ сершукѣ, передъ спанкомъ, на копоромъ спояль поршреть Графа *N.*—“Здравспвуйше, *N. N.!*.,—Онъ взглянулъ на меня, покраснѣлъ, положилъ палипру и пригласиль опдохнуть. Сажусь, люблюсь его работою; но видя, что посѣщеніе мое его беспокоипъ, ухожу.

Иду къ другому.

Прекрасная, широкая лѣспница привела меня къ дверямъ, на копорыхъ сіяла мѣдная дощечка съ надписью: *N. Peintre en miniature.* Двери запершы, звоню. Выходишь ловкой человекъ.—“Дома ли *N?*.,—Дома, сударь!—Вхожу въ заль, прекрасно меблированный: карпины, бронза, мраморы, ковры, все украшало и блисшало въ приемной живописца *N.* Черезъ пять минушь, двери въ госпиную опворяющся и встрѣшившій меня человекъ приглашаешъ въ кабинетъ *G. N.* Прохожу госпи-

ную, диванную, и вхожу въ кабинетъ, большую комнату, въ половину освѣщенную. Спѣсны ея завѣшены зеленымъ сукномъ, на полу разкинутъ Персидскій коверъ. Хозяинъ, въ синемъ коропенькомъ серпучкѣ, безъ галстука, сидитъ передъ прелеснѣйшимъ сполникомъ изъ чернаго дерева и рисуешь. Мой приходъ заспавиль его поднятъ не много голову. Онъ улыбнулся, осыпаль меня привѣспствіями, пригласиль сѣспть, и продолжая рисовать, началъ спрашивать меня о моихъ путешествіяхъ, о знакомствахъ съ извѣспными артистами... Принесли шоколадъ. Я выпиль чашку и располагаль побытъ у него еще нѣсколько времени, посмотрѣть его работу — но онъ вспаль, положиль въ поршфейль свой миніашюръ, велѣль податъ свою коляску, и извинилься, что уже 12 часовъ и ему пора ѣхатъ къ Княгинѣ Z.

Первый живописецъ Русской; второй Французъ. Они друзья между собою, и когда были въ Римѣ, Русской поддерживаль Француза и помогаль ему!!

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Кѣ В—у.

Мой другъ, учи меня рубишься:
 Бышь можешь, нѣкогда и мнѣ,
 Во славу Руси, пригодился
 Рука, привычная къ войнѣ.
 Пишомецъ скромныхъ наслажденій,
 Доселѣ въ мирѣ видѣлъ я
 Однѣ бездѣлки бышія:
 Приволье Бахуса и лѣни,
 Утѣхи вялой пищины,
 Киприды припорную сладость,
 Да пробудительные сны,
 Да усыпительную радость.
 И что я пѣлъ? Любовь, мечты;
 Я подносилъ, рукой безбожной,
 Цвѣты Поэзіи подложной
 Очамъ подложной Красоты.
 Теперь служу иному чувству,
 Пылаю жаждою иной:
 Учижь меня, поварищъ мой,
 Головоломному искусству.

Н. Языковъ.

Албанская Пѣсня.

“Проси, подруга дорогая!

Георгъ зовешь друзей на бой:

Со мною родина свящая,

Со мною вѣчно образъ швой!,,

—И ты, мой другъ, оставишь Крою!

И ты поѣдешь безъ меня!

Возьми меня, супругъ съ собою:

Мнѣ свѣшь—могила безъ шебя!—

“На полѣ бранномъ, въ шумномъ станѣ

Любовь супруги не цвѣшеть;

Подъ свисномъ пуль, въ сѣдомъ шуманѣ,

Намъ не любовь вѣнокъ плешеть.,,

—Любовь цвѣшеть на полѣ чесши,

Любовь героевъ духъ живишь!

Мой другъ! въ пылу кровавой ме-

спи

Любовь супруги вѣрный щипъ.—

“Среди превогъ кровавой брани,

Среди сверкающихъ мечей,

Мой другъ! мои ослабнушь длани,

Спрашася гибели швоей.,,

— Со мной швой громъ ужаснѣй
грянеть,

Со мной сильнѣй воспрянешъ месшь;

А безъ меня, супругъ! увянешъ

Твой юный лавръ—героя чесшь.—

“Молю шебя, моя супруга!

Оспанься здѣсь: залогъ любви

Тебѣ въ сиротствѣ вспомнишь друга;
 Для славы—сына сохрани.,,

— Пускай предъ спроемъ Опшо-
 манцевъ

Мой сынъ во спанѣ возрастетъ;
 Пускай гонителямъ Албанцевъ
 Доспойну плашу принесетъ. —

А. Шидловскій.

~~~~~

М е т о д.

Закипѣла война! врагъ опчизну гнешетъ!

Край родной погубишь онъ грозится!
 Панцырь груди шпатель; но души онъ не
 жмешь.

Мечъ въ рукѣ — и въ сраженье всякъ
 мчишься!

Я былъ молодъ тогда; кровь играла во
 мнѣ;

И по сердцу шеломъ былъ блестящій.
 Я бышь первый хотѣлъ со врагами въ огнѣ
 И сказалъ нешерпѣнемъ горящій:

“Мой родной! молодъ я; но къ опчизнѣ горю,

“Въ сей душѣ, съ колыбели любовью.

“И не шель мнѣ швердилъ: жершвуй жизнью
 Царю,

“А не шолько покоемъ и кровью.

“Погляди, какъ держу мечъ я крѣпко въ
рукъ!

“Какъ идешь ко мнѣ шлемъ швой птя-
желый!

“И душа по тебѣ лишь, родимый, въ поскѣ;

“А война, для души—пиръ веселый!

“Разспаюсь опъ рожденья впервые съ по-
бой!

“Но иду я на дѣло благое—

“И свыкаешься душѣ неприлично съ поскою:

“Я иду защищать мнѣ святое!,,

И сказалъ мнѣ родной: милый сынъ! Богъ
съ побой!—

Снявъ съ спѣны мечъ птяжелый и ржа-
вый —

Подавая его мнѣ дрожащей рукой,

Онъ примолвилъ съ слезой, величавый:

—Вошь опъ робосши, бѣдспвій вѣрнѣйшій
покровъ!

Симъ мечемъ спалъ я славенъ въ сра-
женьи.

Не красивъ, но широкъ! усмирай имъ вра-
говъ!

И не будешь, мой сынъ, пы въ заб-
веньи.—

И смирялъ имъ враговъ; сокрушалъ ихъ
щипы;

Былъ неправымъ я правой грозой;
 Былъ защитникомъ смѣлымъ свяшой пра-
 вошны—
 И почтенъ былъ высокой хвалою..

Но въ послѣднемъ сраженьи скривился мечъ
 мой —
 И сломился о панцырь желѣзный!...
 И поскую съ шѣхъ поръ, вѣрный другъ бо-
 евой,
 О тебѣ...и капишься шокъ слезный...

Не скажу я сынамъ: вошь вамъ вѣрный
 покровъ
 Опъ всѣхъ бѣдъ и опъ страха, род-
 ные!
 Нѣшъ меча для защиты опъ люшыхъ вра-
 говъ,
 И смушишесь душою, молодые!..

Но колѣнь не клонише предъ гордымъ вра-
 гомъ.
 Еслижь спрахъ овладѣешь душою—
 Симъ не кройшесь ничтожнымъ желѣзнымъ
 щипомъ—
 Осѣнишесь—вѣрой живою!—

Иматра.
 2 Июля 1826.

С. Ольхинъ.

Измѣнницѣ.

Напрасно я бѣгу въ зеленый лѣса кровь
 И къ небесамъ благимъ зываю!
 Тебя, мой ангель, не встрѣчаю;
 Лишь эхо горное печальный вшорипъ зовъ;
 Лишь призракъ, пѣнь швою лобзаю;
 Клянупу несчастпную любовь —
 И вновъ
 Еще шебя любишь мечтаю!

*

Алина! можешъ бышь, шы, съ каждою за-
 рѣй,
 Былое встрѣпишь наслажденье!
 Тебѣ опрадно пробужденье!
 А я...я каждый часъ привѣпшпвую слезой!
 Мнѣ каждый новой мигъ мученье!
 Нѣшь друга! Милой нѣшь со мной!
 Судьбой
 Не суждено мнѣ упѣшенье!

*

Какъ бурный ключъ, шумя межъ дикихъ
 камышей,
 Какъ пушникъ, ношей опягченный,
 Твой другъ, спраданьемъ изнуренный,
 Спѣшишь доспичъ конца осиропѣлыхъ дней!
 Минупнымъ блескомъ ослѣпленный,
 Я мнилъ, по приходи спрасшей,
 Скорѣй
 Доспичъ возпорга мигъ священный;

*

Но тѣнь сокрылася въ обипели мечты!
 Изчезли спрасшныя видѣнья!
 И рокъ, спезей недоумѣнья,
 Привель изгнанника къ жилищу пягопы!
 Гдѣ пища спрасши, заблужденья?
 Гдѣ блескъ прельщавшей красопы?
 А пы—
 А пы, надежда, лучъ спасенья!...

*

И пы сокрылася, мой другъ, вожапый мой!
 Прошло мое очарованье!
 И друга нѣжное названье,
 И кляпвы и любовь погигло все съ побой!
 Веселье сладкаго мечпанья,
 Смѣнилось горькою поскою —
 Порой —
 Какъ бы въ залогъ воспоминанья!

* * * * .

~~~~~

Неизвѣстность.

Цвѣшу въ полѣ еще нѣпъ—
 Только справка зеленѣпъ;
 Ахъ! когдажъ весенній цвѣпъ
 На полянѣ запеспрѣпъ?

*

Роци пуспы безъ лисповъ,
 Соловей здѣсь не лешаетъ

И, въ минушы сладкихъ сновъ,
Опъ любви не воспѣваешь!

*

Только мѣсяцъ молодой,
Надъ дубравою шрепещешь!
И глядишься надъ водой
И въ водахъ сіянье блещешь!

*

Подожду я красныхъ дней!...
Вопъ и лѣша я дождался...
Опъ чегожь въ долинь сей,
Мнѣ никшо не опозвался?

*

Только эхо мнѣ порой
Имя Лилы повпоряспъ—
И назавшра бышь съ шобой,
Мнѣ въ долинь общаешь.

*

Вопъ опять весенній цвѣшь!
Снова поле нарядилось!
И весны ужь нѣшь какъ нѣшь,
Ужь и лѣшо закашилось!

*

Тщешно Лилу ожидашь!
Все погибло невозвращно:
Видно милой не видашь—
Видно все для насъ превращно!

*

Гдѣ же, Лила, милый другъ?
 Ахъ! никакъ того не знаешь:
 Говоряшь, что счастье вдругъ,
 Какъ зарница исчезаешь!...

Н. Скородумовъ.

Гласъ невинности и благодарности.

Дѣтская пѣсенка.

Соберемъсь, други милые,
 Съ нѣжной дѣтскою любовію
 Пропоемъ-ше нашу пѣсенку,
 Нашу пѣсенку любимую,

*

Гдѣ безъ лести, безъ коварныхъ словъ
 Скажемъ просто что есть на сердцѣ:
 Что нашъ милый, добрый папенька
 Соспавляетъ наше счастье;

*

Что любовь его и дружба къ намъ
 Научили насъ любить его;
 Научилъ онъ насъ и жизнь любить
 Неусыпнымъ попеченіемъ.

*

Не богаты мы, но счастливы;
 Къ пользѣ нашей все обдуманно,

Въ ушѣшеніяхъ опказа нѣшь;
Забываешь одного себя;

*

Намъ своимъ покоемъ жершвуешь
И опрады ищешь въ насъ однихъ.
Чшожь намъ дѣлашь, други милые!
Чемъ бы намъ его порадовашь?

*

Обрашимся къ Богу Вышнему:
Онъ услышишь гласъ невинности,
Жизнь продлишь намъ драгоцѣнную,
Жизнь родишеля любезнаго.

*

Онъ въ наукахъ намъ успѣхи дасшь
И научишь послушанію;
Добродѣшель поселишь въ сердца:
Сердце темъ его порадуешь.

25 Сентября 1825.

М—я Д—я.

~~~~~

Глупцы.

Когда глупецъ въ серьезномъ спорѣ
Ушами шолько шевелишь:
Богъ съ нимъ! онъ эшимъ не вредишь;
Но лишъ розинешъ рошь—вошь горе!

*

Фортуна за глупцовъ порука,
 Она хранишь ихъ жизни путьъ :
 Попробуй глупаго провунь,
 Узнаешь что такое скука.

*

Глупецъ въ чеспи у Аполлона;
 Но развѣ мыслишь авшомашъ?
 Конечно нѣтъ! да онъ богашъ,
 А это кришикамъ препона.

*

Бышь умнымъ нынчѣ право скверно;
 Разсудокъ въ наши дни хопь брось;
 Гдѣ умный думаетъ: авось!—
 Глупецъ шамъ дѣйствуетъ навѣрно.

*

Внимая мудрыхъ поученью:
 Терпи, имѣй въ виду конецъ—
 Хопѣль спяжашъ я сей вѣнецъ...
 Дуракъ въ глаза—конецъ шерпѣню!

Т.

*Дѣвицѣ Н. Н. подарившей мнѣ би-
серное перо своей работы.*

Когда въ безмолвіи nocturno,
Сижу одинъ съ душой унылой,
И позабывшися перомъ
Рисую я швой образъ милей —

*

Невольню предаюсь мечшамъ:
Тогда, забывъ свой рокъ жестокой,
Я въ мысляхъ преносусь къ мѣшамъ
Опчизны милой, но далёкой;

*

Тогда опяшь въ кругу родныхъ
И сердцу близкихъ мнѣ и милыхъ;
Опяшь вѣкъ дней моихъ злыхъ,
Ушѣхъ невинныхъ, легкокрылыхъ.

*

Средь изобилья, безъ заботъ,
Въ сѣмействѣ счасшьемъ упиваюсь;
Мнѣ ревность сердце не грызѣтъ
И скорбью люшой не перзаюсь.

*

Но все проходишь шакъ, какъ сонъ:
Мой призракъ счасшья миновался—
Я на сшраданья былъ рождѣнь
И вскорѣ съ ними я спознался.

*

Прошла младенческа пора!
 Позналъ я горести разлуки:
 Мнѣ даръ волшебнаго пера
 Мои смягчаешъ только муки.

*

Какъ счастлива я, что ты въ альбомъ
 Спинки вписать меня просила;
 Но счастливей, что ты перомъ
 Меня волшебнымъ подарила.

*

Въ разлукѣ горестной моей,
 Въ немъ нахожу я утѣшенье;
 Перо сіе—красы швоей
 Живое естъ изображенье.

*

Смотрюль на бисеръ голубой—
 Я вижу очи голубые;
 Взгляну на бисеръ золошой—
 И вижу локоны златыя.

*

Смотрюль на розы—цвѣтъ ланишь
 Твоихъ они изображаютъ,
 Улыбку усмь—швой милый видъ,
 Все мнѣ въ тебѣ припоминаютьъ.

*

О, мнѣ ты сдѣлала добро
 Прелестныхъ рукъ произведеньемъ;

Пишу, смотрю все на перо —
И вопль мнѣ въ скорби утѣшенье!

8 Марта 1826.

Илукита.

~~~~~

ОТЧЕТЪ ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ И. В. П.

Письмо I.

Пишу къ вамъ изъ Новагорода Великаго... Одно имя сего древняго богатыря, если можно шакъ сказашь, приводишь уже тысячу славныхъ напоминаній...

Желали вы, чшобъ я стихами
Свою поѣздку описалъ,
И все, что видѣлъ за горами,
Вамъ, безъ ушайки, рассказалъ;
Но видѣлъ я весьма не много!
Мчалъ рысью на борзыхъ коняхъ;
И шакъ не взыскивайте строго,
Коль шолку нѣшь въ моихъ стихахъ.
Поля, лужайки и лѣсочки,
Вода и пестрые цвѣточки
Вездѣ мелькали предо мной;
Но пусть опишеть ихъ иной.
Чишайте горькія посланья,
Романсы, нѣжные спишки:
Въ нихъ бродяшь овцы, паспушки,

Въ нихъ всей природы описанья
 Со дней ея сущесшвованья.
 Въ любой Элегіи найдешь
 Луну и звѣзды и свѣшило;
 Всегожь того, что сердцу мило,
 Увы! никакъ не перечнешь!
 Какіе жалкіе предметы,
 Всѣ эпѣ бѣдныя Лилешы,
 Кошорыхъ часпо для стиховъ,
 Гилье-романпикки поэшы,
 Въ свои сажаяшъ пріолешы—
 И мучашъ *нѣжностію словъ*:
 Онѣ не внемлюшъ восклицаньямъ,
 Ни жалобамъ, ни призываньямъ,
 И эпѣ Музы безъ рѣчей
 Смѣшны за сферою своею!...
 Но я, просшише, заболшался
 И ничего вамъ не сказалъ—
 О помъ, что мигомъ проскакалъ,
 О помъ, какъ съ родиной разстался,
 И что оставилъ за собой
 И что впередъ меня манило,
 О помъ... Но проза, за стихи,
 Въ порядкѣ все, какъ ешь, какъ было,
 Вамъ перескажешъ...

Въ среду 17 Іюня, въ половинѣ 4 ча-
 са, были мы уже въ *Липцахъ*, далеко опъ
 Шешербурга, далеко опъ мѣспъ родимыхъ,
 съ кошорыми, какъ вамъ небезызвѣспно,

первый еще разъ въ жизни я распадался; и, что ни говорите, распадался съ большимъ чувствомъ, не исполненнымъ романтическими мечтами, не парящимъ въ *безвѣстную даль*, но сильно раздражающимъ душу, привыкшую чинить Ларь домашнихъ. Въ продолженіе всей дороги ни на что почти не обращалъ я вниманія, не говорилъ ни слова съ моими со-
путницами, не глядѣлъ ни на что; и дѣйствительно, еслибъ въ это время какое-нибудь ужасное, плачевное, или слишкомъ радостное происшествіе случилось — я бы, кажется, неспособенъ былъ ни къ малѣйшему развѣченію: я былъ занятъ думою.

Меня мечты переносили —
 Кудабъ вы думали?—обратно въ шѣ края,
 Гдѣ говоря вамъ шакъ, какъ Музы мнѣ
внушили,
 Безпечно разцвѣла весна моя!
 Я мысленно бродилъ по Невскимъ про-
арамъ,
 По улицамъ и по бульварамъ
 И по зеленымъ островамъ,
 Что машушку-Неву шакъ крѣпко оковали—
 И плавалъ наконецъ по хлещущимъ вол-
намъ,

Копорымъ. помнише, мы челнь свой повѣ-
ряли!

Я сочиняль стихи, швердилъ ихъ забы-
валь,

Какъ забываюшь все на свѣшъ,
И беззаботно въ мрачной Лешъ
Творенья сердца погружалъ.

Но вотъ *Липцы!* Селеніе состоишь изъ 19 душъ и ничего примѣчательнаго въ себѣ не имѣешь. Мы заняли самую лучшую избу; въ ней было шесть оконъ на дорогу и каждое окно въ чепыре стекла. Намъ сказали, что хозяйка этого дома очень груба и сердита, чему я повѣрилъ видя, какъ она командовала ямщиками и собаками, копорья имѣли честь принадлежать ей; но за шо вскорѣ послѣ сего былъ свидѣтельство совершенно противоположной сцены, гдѣ показала она себя совсемъ иною. Вотъ новое доказательство, что односторонность не должна имѣть мѣста ни въ какихъ заключеніяхъ. Вели ареспанповъ: они просили куса хлѣба самымъ жалкимъ, умоляющимъ голосомъ; но щедры просили — никакъ не хотѣлъ принять участія въ ихъ положеніи. Но хозяйка наша выхватила изъ пе-

чи хлѣбъ, которъй полько что еще до-
пекался, выбѣжала поспѣшно на улицу;
опдала его бѣднымъ эшимъ людямъ и въ
одно мгновеніе, не дожидаясь благодарно-
сти, исчезла, что называется, какъ пѣнь.

Признаюсь вамъ, это маленькое про-
исшествіе подѣйствовало на меня въ оп-
ношеніи нравственномъ гораздо болѣе, не-
жели поучительныя наставленія Филосо-
фіи. Надобно сказать вообще, что чело-
вѣкъ (не исключая изъ сего правила и та-
кихъ людей, которые избалованы счасті-
емъ, изнѣжены ранними наслажденіями
свѣта) никогда не лишается способно-
сти чувствовать цѣну добра; особенно
въ такое время, когда душевное распо-
ложеніе помогаетъ внушеніямъ совѣсти. Я
уже сказалъ вамъ, что въ продолженіи
всей дороги не ославляло меня какое-то
приятное и неприятное чувство воспо-
минанія; вообразите же себѣ, что бывъ
выведенъ изъ положенія мрачной мечша-
пельности приѣздомъ въ *Липцы*, гдѣ долж-
но было похлопотать о кварширѣ, о ло-
шадяхъ и о прочемъ, я уже началъ мало
помалу приходишь въ себя; но не успѣвъ
еще направить ни сердца, ни мыслей на

предметы наспоящаго положенія, сдѣлался неожиданно свидѣтелемъ описанной сцены! Вы согласитесь, что случай, въ самомъ себѣ не заключающій ничего важнаго, могъ тогда расположить меня по крайней мѣрѣ ко внимательности — и вошь причина, по которой я такъ подробно описалъ вамъ это дѣло.

Здѣсь упомяну еще объ одномъ романшическомъ обспояшельствѣ во время своего путешествія.—Это было позднимъ вечеромъ; солнце догарало и пѣни роць ложились по сторонамъ дороги, соловей насвисывалъ вдали, ручеекъ подлаживалъ своимъ журчаніемъ соловью и вѣперокъ едва колебалъ струи ручейка... мы ѣхали шагомъ, или почти шагомъ, все спало и въ природѣ и въ нашей карещѣ — я одинъ не спалъ и сочинялъ пѣсню...ей.
—“Кому, спросите вы: ей?,”—Прочтите.

Другъ мой милый! ты прекрасна
Такъ, какъ первый день весны!
Но любовь моя напрасна
И напрасны сердца сны!

*

Тщешнобъ я хощѣлъ забыться
И мечущащъ, что я любимъ;

Но увы! не насладитесь
Здѣсь блаженствомъ мнѣ шаки мѣ

*

Все меня, все увѣряешь,
Что другаго любишь ты!
Все во мнѣ разоблачаешь
Сердцу милья мечты!

*

Пусть ты любишь! Наслаждайся
Счастьемъ крапкой жизни сей!
Но, какъ прежде, называйся
Другомъ мнѣ, *душей моею!*

Хотѣлось мнѣ написать что нибудь любопытное по дорогѣ къ Нову - городу, знаменипой славою нашихъ предковъ; но что соберешь въ нѣсколько дней почти безоспановочной ѣзды и въ безпреспан-ныхъ хлопотахъ о ночлегѣ, о завтракахъ, о починкѣ экипажей, и проч. Да и къ чему, думаль я: послужили бы вамъ шакия свѣденія? О сихъ мѣстахъ сполько писано и переписано, что почти ничего не оспалось для насъ путешеспвенниковъ случайныхъ. Хошите испорическихъ изысканій?—Чишайше Карамзина. — Хошите спашеспическихъ извѣспій?—Вы найдете много къ пому пособій въ учебныхъ

изданіяхъ. — Чпожь остаеся? — Описывашь поименно каждое мѣсто, копорое проѣзжалъ?—Но для этого довольно взглянуть въ Почповый Дорожникъ. — Ишакъ положиль я за правило, писашь къ вамъ полько о томъ, что собсшвенно до меня касаешь, полагая, что вы, по дружбѣ ко мнѣ, прочшете безъ скуки подобныя описанія. По этому-то въ слѣдующемъ письмѣ получите вы нѣсколько маленькихъ журнальныхъ списей, заключающихъ въ себѣ все то, что меня занимало въ насшоящемъ быту моемъ; а шеперь расскажу одно спранное происшествіе. Мы проѣхали *Копцы*. Было очень поздно —ѣхашь далѣе не рѣшились, велѣли опложить лошадей и угомонились на шемную ночь: всѣ, ѣхавшіе со мною, въ избѣ; а я въ карешѣ. Но мнѣ спало душно: я вышла на улицу и вижу: праздникъ не праздникъ, но что-то на то похожее. Кресшьяне ходили по дорогѣ шолпами; молодья кресшьянки, въ праздничныхъ и подвѣчныхъ уборахъ своихъ, собирались у ворошѣ, какъ будто бы ожидая чего-то — словомъ, все было въ необыкновенномъ движеніи. Подспрекаемый любопыт-

спвомъ, сначала смопрѣль я на нихъ равнодушно въ намѣреніи проникнуть какъ нибудь общую тайну; но видя, что это не удастся, рѣшилъ просить, что бы приняли, если можно, и меня въ число участниковъ торжества. При этой мысли подошелъ я къ одной креспьянкѣ, копорая, по наружности, показалась мнѣ опкровеннѣе прочихъ ея собесѣдницъ, и спросилъ, что значить такое позднее гулянье?—“А вопъ что, опвѣчала она: одинъ горожанинъ вѣнчается въ церквѣ нашего прихода и здѣсь будетъ пировать. Мы собрались посмопрѣть горожанъ и свадьбу., —И я съ вами—сказаль я ей: и дѣйствительно опправилъ съ ними въ избу новобрачныхъ, гдѣ ожидали возвращенія ихъ изъ церкви.

Изда эпа, какъ и вообще всѣ другія избы, мало соопвѣпспвовала великолѣпную праздника. Не спану описывать ее подробно: довольно сказапъ, что лавки и проспый березовый споль составляли всѣ ея принадлежности. Предспавъшежъ, какъ я удивилъ, когда увидѣль новобрачнаго горожанина-чиновника, съ молодою прекрасною его супругою, и гостей —

всѣхъ въ богатыхъ уборахъ, въ сопровожденіи музыканшовъ, копорые пошчасъ размѣспились на хорахъ (на палапяхъ) сего необширнаго черпога Гименей. Хозяева, увидѣвъ меня, пригласили присѣспь къ сполу, на копоромъ въ одно мгнове-
ніе, какъ будпо очарованіемъ какой ни-
будъ Феи, явился лакомый дессерпъ — и
я, въ дорожномъ сюрпукѣ, полусонный,
долженъ былъ принять приглашеніе: оп-
казашься опъ вѣжливыхъ просьбъ хозяина
и привѣспливыхъ взоровъ молодой хозяйки
показалось мнѣ и неприлично и совѣ-
спно.

Все это часъ опъ часу больше и боль-
ше изумляло меня. Послѣ задравныхъ по-
сповъ и шампанскаго начали пригопов-
ляшья къ шанцамъ; отккрыли балъ. —
Польскій, за польскимъ экосесь, и шакъ
далѣ. — Ну, я думалъ: досталось мнѣ по-
пировашь и припомъ какимъ необыкно-
веннымъ образомъ. — Въ это время при-
казали играшъ кадрилъ и всѣ спановились
въ пары. Ко мнѣ приспунили съ самыми
убѣдищельными просьбами участвовашь
въ назначенномъ шанцѣ. Нечего было дѣ-
лашъ — надобно покоришья необходимо-

спи. Я окинулъ бѣглымъ взоромъ присущ-
спвовавшихъ и замѣпивъ въ одномъ углу
молодую горожанку — красавицу, просиль
ее танцовать со мною. Но только, что
мы приговорялись помѣшались въ чи-
сло танцующихъ, какъ вдругъ прекрасная
подруга моя начала блѣднѣть, блѣднѣть,
превратилась въ какой-то прозрачный
паръ и исчезла въ воздухѣ. Я споялъ какъ
вкопанный. Громкій хохотъ раздавался во-
кругъ меня...я не зналъ что дѣлать и...
все: госпи, новобрачные, музыканты, дес-
сертъ, хижина, словомъ: все безъ исклю-
ченія провалилось сквозь землю... Я самъ
лепѣлъ за ними въ какую-то бездонную
пропасть и...проснулся въ каретѣ.

Вѣялъ утренній Зефиръ,
Солнце появлялось;
Оживлялся цѣлый міръ,
Все въ немъ обновлялось.

Что вы скажете о такомъ сновидѣ-
ніи?—Коллериджъ и Саупи, копорыхъ вы
переводите, вѣрно не видывали такихъ
очаровательныхъ сновъ.

Примишь первое посланье;
Другія вслѣдъ за нимъ пришлю.

За сновидѣнныя и мечпанья
 Просшите Музу вы мою.

Когда же снова возвращуся,
 Къ вамъ въ Пешербургъ обращю я,
 Все напечатать соберуся,
 Что бы прочли мои друзья.

За то лишь смѣло опвѣчаю:
 Все безъ утайки рассказалъ:
 А опослать все назначаю
 Въ *Благонаимѣренный* журналъ.

Новгородѣ.

Н. Скородуловѣ.

19 Июня 1825.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ИЗВОЩИКА.

(Разсказанный или самими.)

Il n'est point ici bas de moisson sans culture.

Случалось, вѣздивши съ господами, слы-
 халь я жалобы про жишье-бышье и ду-
 малъ про себя: ахъ, Господи! и денегъ-по
 у васъ много, и въ чинахъ вы, а жалуе-
 шесь!—Ну что моя жизнь передъ вашею?
 День-деньской прясешься по мосповой,
 околесишь весь Писерь: холодно—неког-

да согрѣшься; жарко — не прохладись; а съверху-шо и снѣгъ и дождь — до ко-
стей промокнешь! Тушь обманушь! вой-
душь въ одни вороша, выйдушь въ другія;
пушь знакомый баринъ ѣздитъ цѣлый
день и скажешь: *за мною-погоди*—и хо-
дишь къ нему по мѣсяцамъ за долгомъ;
а время-шо уходишь, какъ уходишь. Тушь
смошришь: ось преснула пополамъ, ко-
лесо выскочило, лошадь захромала, и сѣ-
докъ сердился, бранился, вспаешь и не
плашишь денегъ. — Нѣтъ, горько нашему
брату на свѣтѣ; но рѣдко шужишь, и спо-
ишь ли горевать о томъ, чему надобно
уже случиться? Безъ горя нѣтъ и радос-
стей. За шо, какъ весело иногда приѣхавъ
домой, счестъ дневные барыши, опложишь
малую-полику въ скопъ, развечься на
покой послѣ полусуточной пряски, по-
разскажешь ребятамъ что видѣлъ, что
слышалъ и попомъ уснуешь сладкимъ сномъ.

Въ старые годы слылъ я *лихачелѣ*.
Конь мой былъ спашень и красивъ, дрож-
ки знашныя, самъ я одѣвался щегольски:
шляпа пуховая, кафтанъ синій и поясъ
съ цвѣтами. Бралъ я дорого. Бывало цѣ-
лый день споишь на биржѣ и никшо не

нанимаешъ: никому пристуа нѣтъ. За-ломлю, пакъ за сажень опскачипъ и пошчасъ къ другому поплоче. За шо подвернешся гуляка и наверспаешъ у-бышки.

Рысакъ мой постарѣлъ, дрожки по вышерлись; я начиналъ шужипъ; долженъ былъ сбавипъ цѣну и увидѣлъ, что это даже прибыльнѣе. Всѣ хватали меня, лишь только опроспаюсь, и къ вечеру, смошришь, приѣдешъ домой съ деньгами.

Во всякомъ ремеслѣ нужна смѣшленоспъ. Ловкоспъ споипъ большой работы, а простота никогда до добра не доведешъ. Довольно я насмопрѣлся на людей; съ кемъ навѣку не случилось ѣзжашъ? Научился не вѣрипъ людямъ по виду. Иной шакой лихой, пакъ широко размахи-ваешъ руками, пакъ важно выспуаешъ, что подумаешъ у него ни вѣспъ что. — Тупъ-шо и попался: повѣрь молодцу, у него гривенника нѣтъ въ карманѣ. Другой, на видъ не бойкій, а бумажникъ пакъ и попырипъ кафшанъ съ лѣваго бока; всегда честная расплаша. Нечего кидашся на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго.

Но розно бываешъ: иногда съ разу

увидишь гдѣ раки зимують, а иногда и въ бѣду попадешься. День на день не придется; какъ повезеть счастье! Въ иной едва опланишь кормъ лошади, въ другой и на чай останешься. Вчера мнѣ спаланило.—Вошь послушайше, коли балагурство мое вамъ не наскучишь.

Выѣхаль я изъ дому, уже солнце было высоко, приударилъ моего рысака, кошорый насвѣжѣ пустился благимъ мапомъ.—“Извоцикъ!”, закричалъ поненькій голосокъ. Оборачиваюсь—молодая, нарядная барыня, въ розовой шляпкѣ, машеть мнѣ рукою. Мы скоро съ нею сладили.—Что шакъ спозаранку? думаль я ѣдучи. Охъ, хлопошы, хлопошы! Такой барынѣ нѣжишь бы пеперь на мягкихъ пуховикахъ, или ужъ коли выѣхашь, шакъ въ карепѣ, а не на нашемъ бранѣ извоцикѣ. Видно крайность одолѣла: все черной народъ шолько на улицѣ.—Мы ошановились въ коломнѣ у магази. Барыня дала мнѣ денегъ нѣсколько лишку прошивъ ряду. Тушь какая-шо спарушка выглянула въ окно и не дала еще моей барынѣ войши въ домъ, какъ пустилась вѣрчашь и бранишься. Я уѣхаль поскорѣе. Тушь подбѣжалъ

ко мнѣ баринъ, весь въ попыхахъ. Подъ мышкой были у него свернушыя бумаги. Лице его шакое худое, шакое желшое, чшо мнѣ жаль его спало. “Чшо въ садовую?,, Я не подорожился и мы побѣхали. Безпрерывно порошилъ меня, поговаривая, чшо опоздаешъ. На башнѣ спало бишь девашъ, и онъ меня шакъ спукнулъ въ бокъ, чшо я съ досады хвашилъ мою кляченку. Оспановились мы возлѣ одного дома, и баринъ, бросивъ мнѣ въ шоропяхъ деньги, кошорыя посыпались на землю, побѣжалъ, чшо ешь духу во дворъ. Чшо за спѣхъ шаккой? думаль я про себя. Вспавашь бы лучше ранѣе, коли надо поспѣшь къ сроку.

Тихимъ шагомъ ѣхаль я по улицѣ, мурлыкая родимую пѣсенку, какъ вдругъ лакей оспановилъ меня, махнулъ рукою, чшобъ я за нимъ ѣхаль, и велѣлъ дожидаться на дворѣ у подъѣзда. На досугѣ подправилъ дугу, сбрую, сперъ пыль съ дрожекъ: надобно получше показашься барину. Черезъ добрыхъ полчаса, а можешъ и больше, вышелъ офицеръ. На крыльцѣ еще чистился, поправлялся, бранилъ лакея, кошорый увивался около него мѣлкимъ бѣсомъ и хвашался шо за шинель

баринѡу, по за мешелку...онѡ взглянулѡ на меня... я приосамился... “Почему не лучше не привель?,,—сказаль слугѡ; одна-кожь сѡль на дрожки — “Коли придепѡ Иголкинѡ, скажи, что я денегъ еще не получилѡ и чтобѡ онѡ понавѡдался черезъ недѡлю; поспарайся его поласковѡе спроводишѡ. Слышишѡ?,, — Слушаю-сѡ. — “У погребшика возьми двѡ бушылки хорошаго Соперна, одну Бургондскаго и двѡ Шампанскаго.,, — Слушаю-сѡ. — “Скажи, что чрезъ недѡлю сочтемся...Не равно зайдепѡ ко мнѡ....понимаешѡ, попроси подождашѡ, я черезъ часѡ буду.,,—Слушаю-сѡ.—

Выѡхавѡ изѡ воропѡ, баринѡ ласково кивнулѡ головою пригожей дѡвушкѡ, копорая выглядывала изѡ окошка. Мы пустились колесишѡ по Пиперу. Были на Васильевскомѡ, у Таврическаго, въ Коломнѡ, на Пешербургской, въ Измайловскомѡ и насилу приѡхали домой къ двумѡ часамѡ. Лошаденка моя крѡпко успала. Парѡ опѡ нее шакѡ и валилѡ. Баринѡ выскочилѡ, побѡжалѡ въ комнашы, спросивѡ: что надо? Я сказалѡ. Признаюсѡ, не ожидалѡ добра; но слуга вынесѡ деньги. Расплачиваясѡ началѡ со мною споришѡ и

успѣлъ выпорговать у меня гривенничекъ.—“Разживайся, сказала я: и поплелся къ биржѣ покормить лошадь и дашь ей опдохнуть . . . Тупъ подошелъ ко мнѣ толстый баринъ, въ очкахъ, въ синемъ фракѣ, и спалъ рядишь въ Морскую Типографію къ Николѣ и назадъ.—Пожалѣлъ коня, и сказавъ: *не доѣзды!* проѣхалъ мимо. Позакусивъ на биржѣ порядкомъ, насыпавъ лошади овса и напоивъ ее, улегся я на дрожкахъ и славно всхрапнулъ... Не знаю, сколько спалъ, но проснувшись увидѣлъ, что солнце побагровѣло и ложилось уже на закатъ.—Э! э! пора на работу . . . Не успѣлъ я пропереть глазъ и ободриться, какъ подошли ко мнѣ два барина: одинъ съ усиками, въ карпузѣ и въ шинелѣ; другой молоденькій, бороды еще не брѣшетъ, въ коропенькомъ серпучкѣ. “Что до полночи?,,—А какъ ѣзда будетъ? —“На красенькій кабачекъ и назадъ.,,— Дѣломъ - то я смѣкнулъ: зачемъ терять добрый случай? вѣдь у нихъ денегъ въволю—не наживныя. Не спанешь, родиледи прищлюшь.—Да что съ васъ, сказала я: при цѣлковыхъ?,, — “Давай!,, — Съли—я приударилъ коня, мигомъ очутились за

спавой. Мы помчались по Пепергофской дорогѣ.—я кричалъ: *пáди* что естъ мочи, и всѣ чухонцы мигомъ сворачивали свои рапки, давая намъ мѣспо. На полдорогѣ, баринь съ усиками закричалъ: *направо!* и мы понеслись на дворъ *желтинькаго*... господа ушли въ домъ. Я съ полчаса поспоялъ, и они вышли уже разруганные, съ шрубками въ зубахъ. Опянь покапили мы впередъ; конь несея вихремъ, но господамъ все казалось пихо.—“Капни порядочно—на водку будешь!”, Пыль подымалась сполбомъ и засыпала насъ съ головы до ногъ.—Наконецъ приѣхали...Сѣдоки мои пошли въ комнапы...со мною оспались мои брашья, извощики—иные дремали, другіе запрягивали заунывныя пѣсни. Спою часъ, другой...въ домѣ слышу гремишь музыка, шумъ, смѣхъ, возня! Опъ скуки поглядываю въ окна: слуги, какъ угорѣлые, бѣгаюшь взадъ и впередъ съ подносами, успавленными рюмками, спаканами, бушылками, чашками и разными съѣспными.—Господа и барыни разжаживаюшь, иные плящущъ, иные сидяшь смирно въ уголку, пьюшь, ѣдяшь и умильно разговариваюшь, иные шормошапъ бу-

фешчика.—Давно уже на дворѣ смерклося, на небѣ ярко играли звѣзды. Вездѣ было тихо; только обозы тянулись по дорогѣ и скрипѣли колесами, да караульные по спускали въ доски. Мнѣ что-то струсилось. Я вспомнилъ свое старинное деревенское житье — былье; хотѣлъ бы вернуться опять въ свое село; городъ надоѣлъ крѣпко.—

Въ такихъ мысляхъ улегся я на дрожкахъ. “Пусть ихъ шѣшашся, сказалъ я: еще не скоро попревожашь...Я думалъ, думалъ и заснулъ...”

Вдругъ поднялся страшный шумъ...Я вскочилъ: что такое? Изъ кабака выбѣжало много народа. Одинъ господинъ споялъ въ кучѣ и швердилъ всѣмъ, что онъ деньги сполна заплашилъ; а лакей, схвативъ его за воротъ, называлъ плутомъ, обманщикомъ. Поднялась свалка, дѣло дошло до рукопашной, и бѣдный господинъ спукнулся о земь... его подняли и опнесли въ домъ—снова все зашло: — заря уже занималась—на дворѣ свѣплѣлось, а а мои господа все еще пировали. Скоро они вышли...“Эй ты, подавай проворнѣе!,, —Баринъ съ усиками чухъ держался на

ногахъ—мы, съ поварищемъ его, посадили молодца на дрожки и пустились домой.—Сѣдоки мои захрапѣли—я привезъ ихъ на мѣсто прежде, нежели очнулись. За расплашою поднялся у насъ споръ; но молоденькій баринъ развернулъ кошель и я получилъ сполна деньги.—На силу раздѣлался.

Ну вошь, милоспивцы, день мой и прошель не съ убышкомъ. Я доволенъ, весель, счасливь. Завпра, можешь бышь, цѣлый день проспоишь на биржѣ: бѣда не велика—обойдемся какъ нибудь—шамъ снова будешь пожива.

К. л. б. к.

~~~~~

МУЖЪ ИЗВОЦИКЪ.

Во всѣхъ Парижскихъ общеспвахъ говоряшь шеперь о недавно случившемся, довольно спранномъ происшеспвii. Дѣло идешь о ревнивомъ мужѣ...почпи обманушомъ: предметъ не новый; но онъ можешь бышь занимапельнымъ. Почпенный супругъ нашъ подозрѣваль инспригу между юною своею подругою и однимъ дальнимъ родспвенникомъ, молодымъ и пре-

краснымъ. Опъ подозрѣнія до убѣжденія часпо очень недалеко; безразсудный перескочилъ его за разъ и поспупилъ очень неблагоприятно. Онъ узналъ, что назначено свиданіе; оспавалось одно средство' избавишься опъ срама—помѣшашъ любовникамъ видѣшься; но онъ непременно хотѣлъ подсперечь, а не предупредишь. Чпожь вышло? Онъ узналъ весь планъ кампаніи. Намѣревались невиннымъ образомъ прогуляшь въ лѣсу и ѣхашъ шуда въ фіакръ шемномъ и скромномъ. Кажешся, прошивъ эшого сказашь нечего; но мужъ обидѣлся, хотѣлъ видѣшь дочего дойдешь дѣло и поднялся на кипроспи.

Ревнивецъ зналъ, что фьякръ наняшь. Извощикъ былъ человекъ, слѣдспвенно слабъ. Шинокъ споялъ близко; мужъ зашацилъ его шуда. Золото блеснуло въ глазахъ новаго Авпомедона. Онъ рѣшаешся совлечь съ себя и лакированную шляпу и сѣрый плащъ; онъ повѣряешъ коней своихъ рукѣ чуждой. Однимъ словомъ, мужъ сидишь на козлахъ, а невѣрная и родспвенникъ въ карешѣ; но спекла подняшы...ѣдушъ...вдругъ въ умѣ ревнивца блеснула мысль ужасная! Чпо дѣлали мо-

лодые люди между шемъ, какъ онъ правиль? Чшо говорили они? Вся птяжестъ его гнѣва падаетъ на несчастныхъ скоповъ, и они скачуть изо всей мочи. Наконецъ онъ не можетъ болѣе пропи-
 висься своему любопытству, нагибаен-
 ся, смоприть сквозь засаленное спекло
 и видить—чшо любовники одинъ опъ дру-
 гаго близко; онъ держить маленькую, бѣ-
 ленькую ручку, пожираетъ ее глазами,
 она.....опасность близка...кучеръ нашъ со-
 скакиваетъ съ козель, съ шумомъ опво-
 ряетъ дверцы и принуждаетъ сѣдоковъ
 выдти. Напрасно молодой человекъ сер-
 дился, напрасно хочеть заспавить изво-
 щика ѣхать далѣ; шопъ не слушается.
 Но дама узнаетъ мужа и, чшо бы избѣ-
 жать опасности, опворяетъ дверцу—про-
 шивуположную шой, у которой собра-
 лось уже множество любопытныхъ, вы-
 скакиваетъ и даетъ знакъ молодому че-
 ловѣку. Онъ догадывается, бросаетъ мни-
 мому извощику деньги и слѣдуетъ за нею.
 Несчастный мужъ видить, какъ они вмѣ-
 стѣ идутъ въ лѣсъ и совершенно перя-
 етъ присушествіе духа. Бѣжитъ за ними,
 но и лошади не остаются на мѣстѣ; онѣ

также бѣгутъ; жандармы ихъ ловящъ и его поже; ихъ опводящъ въ полицію и его поже — и онъ сидищъ шамъ, прокляная свою хищность. Чшожь въ это время дѣлающъ бѣглецы? — Не знаю. Знаю только, что несчастный мужъ общалъ себѣ впередъ думать не о томъ, что бы поймать жену, а чтобъ распроить ея планы, или скрыть уже совершенное. Объ этомъ надобно бы было подумать прежде.

Съ Франц. О.

~~~~~

СОФІЯ И ГЕНРИХЪ.

Баллада Одвинца.

Часть первая.

Просьба.

“О родитель мой! убей меня, зарой въ землю живую—или шронься моими слезами; не опринь просьбы опчаянной дочери.,,

“Скорѣ рѣки обрапятсѣ къ испоку водѣ своихъ, скорѣ скалы; какъ воскъ, распяющъ, нежели забуду я Генриха и буду женою Оскарда.,,

—Софія! безмолвствуй и будь покорна волѣ отца: твой Генрихъ могъ измѣнить тебѣ; онъ могъ погибнуть въ сраженіи.—

“Ахъ нѣтъ, мой нѣжный родитель! сердце Генриха постоянно; измѣна чужда ему—онъ любитъ меня попрежнему. „

“Не пылъ наславлялъ его жертвою твою? Раны, которыя получилъ онъ, сражаясь за благо отечины, замедляютъ его возвращеніе.„

“Я помню, какъ прощаясь съ Генрихомъ и надѣвая на него панцырь, ты говорилъ: возвратись, юноша храбрый, возвратись и—Софія твоя!„

—Безразсудная! ты дерзаешь....знаю, къ чему относишься рѣчь твоя: ты упрекаешь меня въ измѣнѣ; но пусть возвратись твой Генрихъ — я сдержу свое слово!—

“О, родитель мой! вѣчно буду тебѣ признательна: ты извлекъ меня изъ пропасти ада!„ — При сихъ словахъ румянецъ Авроры показался на блѣдныхъ ланитахъ дѣвицы.

Графъ остановилъ на ней соколиный

взоръ свой; лице его поблѣднѣло отъ гнѣва и мощная длань схватила за рукояпку меча.

“Родитель! зри жестокою мою горестъ! Опсрочъ пригошьяемый бракъ: придетъ воскресенье, и . . . . вѣрное извѣстіе получила я . . . . Генрихъ мой возвратишся.,,

—Извѣстіе? .. — гнѣвно промолвилъ Графъ, окинувъ дочь свою окомъ суровымъ.—Извѣстіе?....откуда?? черезъ кого? ....Но пусть такъ: я далъ тебѣ слово.—

—Знай только, что когда въ воскресенье наспанеть время полудня, бракъ твой ни на минушу не будетъ опсроченъ!—Я не приму болѣе никакихъ опговорокъ!—

Такъ кончилъ онъ и взявъ величественный свой шлемъ, удалился.—Сердце Софіи было похоже на увядающій цвѣтъ, упренней росой орошенный.

Часть вторая.

Ожиданіе.

Едва желанное ушро опразилось на башняхъ замка—и набхали въ замокъ го-

спи званые; загремѣли въ немъ брачныя пѣсни.

Оруженосцы разукрасили сполы, нагнешенныя шяжеспію сосудовъ серебряныхъ. Толпы вассаловъ, какъ волны моря, нахлынули на пространныя площади замка.

Часовая спрѣлка на башнѣ начала приближаться къ полудню. Все приготовлено было въ церквѣ къ совершенію брака. Не было полько випязя въ церквѣ — молодой невѣспы его въ церквѣ не было.

Въ слезахъ, побѣжала она на самый верхъ башни, обнесенный рѣщешкою, посмопрѣшь не ѣдешь ли милый.

Она господспвуетъ взоромъ надъ обширнымъ пространспвомъ дороги; слушаешъ, не переводя духа—но никого не видно, не слышно:

“Анепа! взойди на башню, сядь со мною и смопри на дорогу: бышь можешъ, увидишь его—я божьяго свѣспу не вижу. „

Сказавъ сіе, закрыла она плашкомъ глаза.—“Анепа! кошорый часъ? „

—Еще полчаса до полудня.—И посмоп-

ришь въ поле дѣвица, посмотришь и пу-
ще заплачешь.

“Анепа! Не видишь ли пы кого ни-
будь? Не слышишь ли попопа по лѣсу?,,—
Только вѣперь шумишь; шолько пыль, какъ
шумань, по дорогѣ несешся. —

“О, Генрихъ! гдѣ пы, неоцѣненный
мой Генрихъ? . . . Приди, оспанови адскій
бракъ мой...О ужась!...Бышь можешъ, ра-
ны швои.... бышь можешъ, несчастіе но-
вое . . . ,,

“Анепа! копорый часъ?,, — Только
чешвершь—часа оспаешся.—“О Боже! На
шебя возлагаю надежду! Только швоя свя-
шая десница можешъ спасши меня!,,

“Анепа! не видишь ли пы кого ни-
будь? Не слышишь ли попопа по лѣсу?,,
—Только вѣперь шумишь; шолько пыль,
какъ шумань, по дорогѣ несешся. —

“И болѣе ничего?,,—Ничего совершен-
но!—“О, какъ я несчастна!... Увы! Время
уходишь, долгъ призываетъ меня...О Ген-
рихъ! гдѣ пы?...Ахъ! гдѣ пы?....,,

“Неблагодарный! Бышь можешъ—у ногъ
другой смѣешься пы надъ горькими моими
слезами, презираешь мою любовь непороч-
ную . . . Анепа! Ничего пы не видишь?....,,

—Слышу топотъ конскій раздался; вижу, вижу, какъ спѣшно онъ ѣдетъ. Это онъ, это онъ! — “Онъ!...кпо онъ?,, — Женить! —

“Жестокая!...И такъ, сей ужаснѣйшій смерти бракъ для меня неизбеженъ! О пы, виновникъ моихъ несчастій! гдѣ ты, ахъ! гдѣ ты, единственный другъ мой?...,,

“Минула ужасная приближается! Свершилось!...ожиданіе напрасно!...о Генрихъ! будь счастливъ...если можешь быть счастливымъ безъ меня!,,

Но послѣднія слова ея заглушаются громъ пушекъ, около башни споящихъ; гулъ выстрѣловъ, какъ звукъ погребальной трубы, опдаются въ душѣ одинокой невѣсты. —

— Дочь моя! прошелъ назначенный часъ—сказаль Графъ—все готово! Помни обѣщаніе, побоя мнѣ данное, и повинуйся волѣ опца. —

—Не возмущай его напрасными своими слезами. Пускай презрѣніе будетъ опплатою за невѣрность. Генрихъ забль себя—будь женою Оскарда.—

“Буду, буду, родитель мой! Преодолю

и ненависть и любовь!,,—Но взоръ ея, орошенный слезами, невольно обратился на праздно пространство дороги.

Часть третья.

Вѣтанье.

Тамъ гдѣ величественныя колонны поддерживали преддверіе храма, гордась общаннымъ счастьемъ, стоялъ неперпѣливый женихъ.

Далѣ сосѣдніе юноши, блистая красою и золопомъ, украшенные мирповыми вѣнками, ожидали невѣсту.

Смотрите это она, она и съ нею двѣ молодыя подруги. Съ главы ея виситъ бѣлое покрывало и обвиваетъ спройный ея спань.

Какъ мѣсячный лучъ въ водѣ, такъ она дрожитъ и блѣднѣетъ; взоръ ея, орошенный слезами, поникнулъ къ землѣ.

Загремѣли липавы и трубы; опъ звука ихъ попрысающа окна въ храмѣ! Уже Оскардъ, вмѣстѣ съ прекрасною своею невѣстою, пересступилъ священный прагъ церкви.

Приуготоваясь къ началю службы,

священникъ окончилъ предшествовавшія браку молитвы и присупилъ къ совершенію священнаго обряда.

Онъ освящаетъ молитвою кольца, на золопомъ блюдѣ лежащія, и окропляетъ ихъ свяпою водою; жениху вручаетъ кольцо невѣсты—невѣстѣ кольцо жениха.

И воздѣвъ горѣ правую длань свою, медленно чипаетъ онъ кляцву. — Невѣста! желаешь ли бытъ супругою юноши предспоящаго? — “Желаю., — Добровольно, непринужденно? —

—Но ты молчишь?...опвѣчай смѣло, безъ слезъ и рыданій...—Но кто нарушаетъ безмолвіе храма?—“Оспановись, свяшый отецъ! удалишесь вассалы!.,

Кто эптошь рыцарь? О небо! Спрыйная и мужеспвенная осанка ... лице вмѣстѣ прыйшное и суровое, выражаетъ неперпѣливостъ. Черный, безъ всякаго девиза, панцырь его покрываетъ дорожною пылью; на черномъ шлемѣ колеблющаяся черныя перья.

Вассалы, успращенные явленіемъ Рыцаря, съ видомъ смиренной покорности озирають его. Скорыми шагами приближается онъ къ алшарю.

Глухой шопонъ послышался въ церквѣ. Кто эпонъ рыцарь? — Никшо не знаеть; но сердце бѣдной невѣсты колеблеться между надеждой и страхомъ.

О небо! Эшо онъ, эшо милый ей Генрихъ!... Она привѣщиваетъ его радостнымъ воплемъ.... священникъ окончилъ начашый имъ обрядъ и соединилъ узами брака Софію и Генриха.

Съ Польскаго.

т т т т т т т

НЕДАРОМЪ.

*Нѣтъ дѣйствія безъ притимы: вопль ошъ чего на свѣшъ ничто не дѣлаешся даромъ. Жалко, оскорбительно для челоувѣчества, но справедливо. Недаромъ философы вопнютъ прошивъ своекорыспія, недаромъ проповѣдуютъ мѣру чистую любовь къ ближнему. Даже совѣпы, совѣпы, копорые каждому ничего не спюютъ и на копорые всѣ такъ щедры, даже совѣпы дающся *недаромъ*. Хочетъ блеснуть оспроуміемъ, предусмошрительностію, краснорѣчіемъ и потѣшишь самолюбіе, довольное мѣною пущыхъ словъ на вниманіе къ нимъ.*

Недаромъ ученикъ лѣнился и не училъ урока...неприятная награда ожидается его, *Недаромъ* шестнадцатилѣтняя дѣвушка вздыхаетъ и задумывается. *Недаромъ* молодой человѣкъ любитъ ея папеньку; *недаромъ* папенька ласкается молодого человѣка. *Недаромъ* нѣжная супруга уговариваетъ своего Ваничку оспаться дома: она знаетъ, что это ему не возможно. *Недаромъ* Судья всталъ рано и забывъ чай, жену и дѣшей, скачетъ въ Палану. *Недаромъ* возвращается поздно и привозитъ съ собою просителя, *Недаромъ* шлокуетъ передъ нимъ о своихъ нуждахъ и лакомитъ шампанскимъ — *недаромъ* ! *Недаромъ* журналистъ бранитъ прочіе журналы...*недаромъ* благодаритъ господъ А. и В, С, и D. за письма ихъ изъ Парижа, Вѣны и Берлина: А, В, С, D, онъ самъ — а кшо себя не хвадитъ? *Недаромъ* восхищается сочиненіями E F...E F его приятель. *Недаромъ* превозноситъ Элегіи GH...GH печатаетъ въ его журналѣ свои стихи! *Недаромъ* кричитъ онъ безпрестанно о Грамматикѣ и числительнѣ языка...ему хочется и въ помѣ и въ другомъ прикрывъ свое невѣжество, Все *неда-*

ро.иѣ! И я пишу эпу спашейку *недаромѣ*, *недаромѣ*: хочешя повеселишь моихъ ближнихъ на счешь моихъ ближнихъ, и какое бы ни сдѣлали упопробленіе изъ бумаги, на кошорой пишу я шеперь, я шрудилса *недаромѣ*.

I.

~~~~~

РАЗНОЩИКЪ ОСТРЫХЪ СЛОВЪ.

Не шребуйше опъ Г. Марпинеша оспраго слова, или чего нибудь собспвеннаго его изобрѣшенія: голова его безплодна; напрасно самое шщашельное воспишаніе спаралось развернушь въ ней сѣмя ума, кошорого памъ вовсе не сущесшвовало. Даже Цицеронъ и Квиншиліанъ не сдѣлали бы ничего изъ эшого глупца. Къ счасшію Г. Марпинеша, дядя его во время скончалса, сдѣлалъ его наслѣдникомъ 30 пысячь ливровъ годоваго дохода и доставиль ему чрезъ шо средство обойписъ въ жизни безъ ума. Г. Марпинешъ былъ бы въ большомъ запрудненіи, если бы эшопъ добрый дядя умеръ немного позже; но шеперь племянничекъ пользуется очень порядочнымъ доходомъ и ничего

не дѣлаешь. Нѣтъ, я ошибся: Г. Маршинешъ производишь неповольнительный торгъ и невиннымъ образомъ обманываешь въ платежей прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Правда, что его торгъ неприкосновененъ и укрывается опъ бдительности таможенни. Г. Маршинешъ слушаетъ и помнитъ очень много. Одаренный геніемъ молчанія, прислушивается онъ въ госпиныхъ, на прогулкахъ, въ партерахъ нашихъ театровъ; вы увидишь, что онъ вездѣ старается удерживать въ своей памяти всѣ слова, копорья поражаютъ его слухъ. Возвращаясь домой, посѣщаетъ онъ, какъ сказашъ, свой головной магазинъ, дѣлаешь выборку изо всего того, что собралъ, и послѣ этой работы ложится спать. Тутъ начинается броженіе: оспрыя слова, каламбуры и проч. вертятся въ памяти Г. Маршинеша и кой какъ приходящъ въ порядокъ. Г. Маршинешъ ложится спать дуракомъ, а вспадаетъ умнымъ. Тотчасъ послѣ этого одѣвается онъ, какъ можно скорѣе, и бѣжитъ къ вельможѣ, едва проснувшемуся, копорого онъ забавляетъ; опшуда къ главному сборщику доходовъ, копорому удивляется; попомъ къ бан-

киру, котораго уважаешь; опъ него къ любовницѣ одного Герцога, которая удостоиваешь его своимъ покровительствомъ. Во всѣхъ эсихъ домахъ даетъ онъ свободу своему языку, смотря по достоинству и вкусу посѣщаемыхъ имъ особъ. Когда совершишь онъ сей подвигъ, когда магазинъ его опустѣешь — тогда возвращается домой и приготавливаетъ новые матеріалы для слѣдующаго дня. Между темъ осприя слова, шутки, каламбуры переходяшь изъ устъ въ уста и Маршинешъ слыветъ за челоука опроумнаго. Банкиръ, Герцогъ, главный сборщикъ доходовъ удивляются, что Г. Маршинешъ еще не засѣдаетъ въ Академіи. И почему же ему не бытъ въ ней? Сколько въ Академическихкихъ креслахъ сидишь людей, которые, подобно Маршинешу, ничемъ не могутъ похвалиться, кромѣ памяти!

Съ Франц. боо.

~~~~~

ОТМѢНА БАЛА.

Между темъ, какъ Генриета Дарбель занималась съ модною порговкою, опецъ

ея очень серьезно разговаривалъ съ кемъ-то въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ выходящъ онъ опшуда и говоритъ дочери: милая Генриеша! ты заспушила мѣсто доброй своей покойной мащери въ нашемъ сѣмействѣ. Весь домъ, слуги, издержки, словомъ: все, даже самыя приглашенія, зависящъ опъ тебя. По этой-то обязанности недавно увѣдомила ты нашихъ друзей, что на слѣдующей недѣлѣ будешь у насъ балъ; но теперь надобно дать знать имъ, что его не будешь.,—Боже мой! Что такое случилось?—“Узнаешь послѣ.,”

Печальная Генриеша, оппущивъ модную шорговку, сѣла за письменный столъ; но въ нерѣшимости взглянула на опца. Видя же, что онъ не опмѣняетъ своего приказанія, начала писать. Опказы ея сопровождались вздохами и слезами. Наконецъ опправила она ко всемъ записки. Оставшись одна, Генриеша опящъ спала размашриващъ все пригопвленія для бала: здѣсь гирлянды изъ искусственныхъ цвѣщовъ, великолѣпныя люстры, богатыя вазы; тамъ оркестръ, сокрыщый за сребрыщымъ газомъ, и буфетъ, сдѣланный на подобіе пирамиды. Въ ближней

комнатѣ лежали модные уборы, изъ которыхъ должна была она выбирать по своему вкусу. Смотри на все это, невольно вздохнула опять она и погрузилась въ задумчивость. Въ это самое время приѣзжаютъ къ ней двѣ, или при ея приятельницы, посовѣтоваться съ нею о своемъ шуалешѣ. — “Баль у васъ будетъ, конечно самый блестящій, многолюдный?,” — “Совсемъ не будетъ бала. — “Шутишь?,” — “Ахъ, нѣтъ! я послала уже къ вамъ записочки. — “По крайней мѣрѣ, скажи причину.,” — “Я не знаю ее. — “Можетъ быть, милая, бапюшка пвой нездоровъ?,” — “Напрортивъ. — “Такъ, можетъ быть, кто нибудь изъ знаемыхъ, для которыхъ дѣлаешь онъ это баль, не можетъ быть на немъ?,” — “Не думаю этого. — “Не лишился ли онъ кого нибудь изъ своихъ друзей, или родственниковъ?,” — “Никого. — “Спало бытъ состояніе его поразстроилось; однако же...,” — “Думайте что вамъ угодно, но по вѣрно, что мы лишаемся чести принять васъ у себя послѣ завтра. —

Эти слова, худо перешолкованныя приятельницами Генриетты, прекратили дальнѣйшіе вопросы. — Видимъ, милая, что

пы сегодня что-то не въ духѣ—такъ прощай! Сердечно желаемъ, что бы, при первомъ нашемъ свиданіи, была пы повеселѣе и не такъ скрыпна. Прощай!,—Разставаясь съ Генріею, не разсудили онѣ спросить у ея отца, почему опмѣненъ былъ; но разгласили всѣмъ своимъ знакомымъ, будто онъ проигралъ 100.000 франковъ въ креспъ Милорду С*** и будто Генріеша упустила прекраснаго жениха, съ копорымъ непременно должна была соединиться. Черезъ нѣсколько дней прибавили онѣ къ этому, что два соперника, влюбленные смертельно въ дѣвицу Дарбель, выходили на поединокъ и оба тяжело ранены. Ни одинъ однако изъ этихъ разсказовъ не былъ справедливъ. Почему же опмѣненъ балъ? Г. Дарбель лишился мѣспа, копорое (удивительный чудакъ!) думалъ сохранить во всю свою жизнь—а ему было съ небольшимъ еще сорокъ лѣтъ!!

Съ Франц., 600.

Заданныя слова.

Дружба. Союзъ души, весьма близкій къ разрыву.

Благополучіе. Ощущеніе, тогда только принимаемое душою, когда изъ нея изгнаны всѣ мнимыя скорби.

Утѣшители. Самые краснорѣчивые бывающъ всегда самые нечувствительные.

Кокетки. Женщины, копорыя любящъ почти такимъ же образомъ, какъ Козаки воюющъ—зажгушъ и попомъ удаляшся.

Сердце. Умъ повѣспвуешъ, воображеніе описываешъ, сердце живописуешъ.

Обманутой. Кто никогда не былъ обманушъ, шощъ можешъ похвалишся своимъ умомъ, но долженъ молчащъ о своемъ сердцѣ.

Съ Франц.

~~~~~

Смѣсь.

“Надобно признашся, что у васъ преисправная услуга! Какая ловкость, проворство, опряшность, шочность!,— Такъ, ба-шюшка; за шо чего эшо все мнѣ и споишъ? Въдь передъ каждымъ званымъ обѣдомъ дней пяшъ бьюсь съ оффисіаншми. — “Какъ эшо, сударь?,, — А вошъ какъ! даю

прилибрные столы, по ешь, велю накрышь споль на сполько кувершовъ, сколько у меня будетъ госпей; велю распавишь все порядкомъ, всему назначу мѣспо, и шущь-по, бапюшка, начинаешся команда. И всякой день часа по при, по чепыре дѣлаю ренепиции. Такъ вошь, бапюшка, и не мудрено, что они у меня знаютъ, какъ принашь и подашь и что гдѣ поспавишь.—

“Помилуй, скажи мнѣ, бапюшка, опъ чего госпи мои такъ рано развѣхались? Ровно въ 12 часовъ! Эпо не понашему!— “Да какъ вы звали госпей?,, — *На ветербъ, въ тетвербъ!*— “Ну такъ они и развѣхались въ 12 часовъ пошому что послѣ 12 ши началась пипница.,,

“Женѣ непозволишельно вмѣшивашся въ мужнины дѣла, а умѣй она варить щи да кашу; вошь все ея дѣло!,, Такъ говорилъ одинъ спепенный мужъ, когда зашелъ разговоръ о мужьяхъ, управляемыхъ женами.—Все конечно такъ, сказалъ другой: знали бы онѣ однѣ *щи*; что же касается до *каши*, по иногда шакую кашу онѣ заваривающъ, опъ копорой не шолько горшки, но и мужья лопающся.

Одинъ добрый старичокъ, который догадался, что пора ему умирать, заказалъ себѣ сдѣлать гробъ. Но мастеръ какъ-то ошибся и сдѣлалъ гробъ и узокъ и корешокъ.—“Ничего, ничего, сказалъ старикъ: оставь, братецъ, эшопъ гробъ — я подарю его дочери; она все что-то хвораешь, а для меня сдѣлай другой!”, — Вотъ попечительный и нѣжный отецъ! И какой подарокъ!—Самый необходимый въ жизни!

“Вообрази, братецъ: мнѣ при всемъ разводѣ полковый командиръ сказалъ, что я не знаю службы! Слыхано ли эшо? Скажешь, что я не знаю службы., — За дѣло! за дѣло молодца!—“Какъ за дѣло?,,—Конечно за дѣло! — “Какъ? я не знаю службы? — Нѣтъ, я говорю, что себя за дѣло замѣчаніе командира. —

Одинъ полковый командиръ, имѣя слабую паяншь, командовалъ обыкновенно по книжкѣ.—“У насъ лихой командиръ, сказалъ одинъ изъ его Офицеровъ: всегда командуешь à livre ouvert.,,

—Кпо всѣхъ любопытнѣе?—Бушочники
 ...ночью! Непремѣнно хопяшь знашь: кто
 идетъ?

На одной ярмонкѣ поймали вора и посадили въ полицію. Туда же привели и пьянаго мѣщанина. Какъ ни пьянъ былъ мѣщанинъ, однако почувствовалъ, что воръ лѣзетъ къ нему за пазуху и ухватилъ уже кошелекъ (N. B. Дѣйствіе происходило ночью; воръ лежалъ подлѣ мѣщанина). Мѣщанинъ схватываетъ ворующую руку и кричитъ: караулъ! Вздуги огня, подходящъ къ мѣщанину и видящъ, что онъ держитъ руку лежащаго подлѣ него вора. Будящъ вора—онъ спитъ, храпитъ, ничего не слышитъ, наконецъ открываетъ глаза, удивляется угрозамъ полицейскаго и брани пьянаго мѣщанина.—“Да развѣ ты не пойманъ, бездѣльникъ! Не швою ли руку схватилъ онъ, когда шацилъ ты кошелекъ?,, — И знашь не знаю, Ваше Благородіе!—“Да какъ же попалась швоя рука подлѣ чужихъ денегъ?..—Вѣдашь не вѣдаю! Вѣрно по привычкѣ! А я спалъ! Право, спалъ—*Chassez le naturel, il revient au galop.*

I.

О подпискѣ на новую книгу.

Въ Москвѣ издаеяся сочиненіе: о *Монархическомъ Правленіи* *), съ прибавленіемъ опривка изъ разговора о *Политикѣ*. П. *Товскаго*. Желающіе подписаться на сіе сочиненіе могутъ адресоваться къ самому Сочинителю: *Его Благ. Петру Алекс. Товскому, на Никитской, въ домѣ Шнуровыхъ, въ Москвѣ*. Имена особъ, кошорыя благоволяшъ подписаться, будутъ припечатаны въ концѣ сочиненія. Иногородные благоволяшъ означашъ: чинъ, имя, отчество, фамилію и мѣсто своего пребыванія. Цѣна сему сочиненію *десять руб. ассигн.*

*) Превосходный опривокъ изъ этого сочиненія напечатанъ въ 10 N^o *Вѣстника Европы*. Книга сія удостоилась *Высокомонаршаго одобренія*.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° XI.

ЖУРНАЛЬ МОДНОЙ БОГОМОЛКИ.

Четвергъ. Упрю. Погода ужасно дурна! и холодъ и вѣтеръ и дождь! Какъ ѣхать?. Опяшь какъ и не ѣхать? Я обѣщалась; всѣ въ городѣ знаюшь, что я ѣду... Все уже приготоовлено къ пушешесствію. Впрочемъ у меня Пешербургское лондо... Со мной поѣдетъ для компаніи Mlle Зозо... Она мнѣ будетъ рассказывать разныя глупости... Къ тому же я приказала взять и романы д'Арленкура... рѣшено! ѣду...

Ветеръ, въ 30 верстахъ отъ города...
Я нахожу, что и въ дурную погоду можно пушешесствовать, если сидишь въ покойной каретѣ, имѣешь подлѣ себя хорошій романъ—и веселую спутницу! Я почти и не примѣшила, какъ мы доѣхали до станціи. Съ нами ѣдетъ множесство городскихъ...и дамъ и мужчинъ. Мой экипажъ впереди... по праву тому, что я ѣду въ 8 лошадей—у меня лондо; а всѣ прочія въ коля-

скахъ и двумѣспныхъ карешахъ. На станціи мы собрались всѣ въ одну комнапу. Какъ это весело! Мужчины хлопчущь, говорящъ намъ нѣжності, услуживающъ, бѣгающъ какъ угорѣлые; дамы хохочущъ, поющъ... У меня славный ужинъ; я всѣхъ къ себѣ пригласила. Покуда прочія дамы гуляющъ, я займусь своимъ журналомъ и шуалешомъ.

Ночь. Мой Гансъ угоспиль богомольцевъ, какъ нельзя лучше. Мужчины нашли, что всѣ вины безподобныя. Надобно за это похвалищъ мужа... Я шакъ успала, сидѣвши заужиномъ, что едва пишу.

Пятница. Какая досада! меня разбудили въ 7 часовъ... всѣ взбуншовались, что пора ѣхать! Но дѣлащъ нечего—богомолье! Съ нимъ не разлучны шерпѣніе и шрудности! Мы опправились съ мѣспа въ 9 часовъ... день прелеспный!.. Меня насмѣшили наши дамы сегодня ушромъ: весь ихъ гардеробъ соспоищъ въ одномъ дорожномъ капощѣ и плащѣ, копорое онѣ надѣнущъ, приѣхавши на мѣспо. Какая разница со мною! Я везу съ собою весь свой гардеробъ — всѣхъ горничныхъ — все, что нужно для шуалеша... Бѣдняжки безпре-

спанно прибѣгали ко мнѣ, по за помадой, по за духами.

Вечеръ. Чпо можешъ бышь ужаснѣе досаднѣе, мучишельнѣе? Горничная забыла мой молишвенникъ, и я принуждена посылать за нимъ нарочнаго въ городъ. Всѣ наши уѣхали впередъ, а я дожидаюсь здѣсь, и очень рада, чпо по крайней мѣрѣ со мною романы д'Арленкура.

Суббота. Ночью привезли мой молишвенникъ и сегодня упромъ въ 11 часовъ я отправилась въ пушь. Я прочла почти всю первую часть *Ренегата*: какой слогъ! и какой мужчина эпошь Ренегатъ! Мамзель Зозо смѣшила меня цѣлое упро, представляя нашихъ городскихъ барынь: она была бы чудесною акприсою... Всѣхъ, всѣхъ она шакъ напурально передразниваетъ, чпо я не могу надивишься, и хохошала, какъ сумасшедшая... Увы! я умѣю предспавляшь шолько моего мужа да мапушку—и какъ говорять очень похоже!..

Вечеръ. Слава Богу! мы приѣхали! Какое спеченіе народа, сколько богомольцевъ! Только чпо я успѣла одѣшься, пришли госпи, и мы сѣли играшь въ висшь. Моя кваршира на лучшемъ мѣстѣ—пре-

красныя комнашки, но ужась какъ дорого: 25 р. въ день!

Воскресенье. Я опоздала къ обѣднѣ— и едва прошла въ церковь. Смѣшно было смолѣть, какъ наши кавалеры суешились и хлопопали, чшобъ провеспи меня между народомъ и очиспишь мѣсто. Послѣ обѣдни я возвратилась домой...опяшь госпи. Я ихъ всѣхъ пригласила къ себѣ обѣдашь.

Вечеръ. Обѣдъ былъ у насъ такой же, какъ въ городѣ. Послѣ обѣда играли въ каршы. Передъ вечеромъ все наше общество пошло гуляшь по рядамъ. Ничего нѣшь хорошаго! Народу куча. Опъ нищихъ нѣшь прохода. Вечеромъ спешенныя дамы и мужчины сѣли опяшь за каршы, а молодежь панцовала ... я для нихъ играла на моихъ дорожныхъ фортепіанахъ. Завтра чемъ свѣшь мы уѣзжаемъ опяшь въ городъ! Я и рада и не рада; но довольна шемъ, что исполнила свое обѣщаніе, и чувствую, какъ весело на сердцѣ, когда сдѣлаешь доброе дѣло.

Этотъ журналъ писанъ на Французскомъ языкѣ и найденъ нами на кварши-

рѣ, гдѣ остановилась неизвѣстная бого-
молка. Вѣроятно впропыхъ она забыла
его. Мы не осмѣлились бы печашапъ за-
писки ея, если бы не были увѣрены, что
наши дамы (подобныя неизвѣстной бого-
молкѣ) никогда ничего не чашаюпъ по-
русски.

I.

~~~~~

НОВОЕ ЛѢКАРСТВО ОТЪ ЛИХОРАДКИ.

Быль.

Мой сосѣдъ Пахомъ занемогъ—я пош-
часъ о помъ узналъ, пошому что Пахомъ
каждый день разъ десяпъ пробѣжипъ ми-
мо моихъ оконъ, по съ книгами, по съ
бумагами, съ кулечкомъ, съ узелкомъ. И
вдругъ Пахома не видно! И день и другой
...Посылаю узнатьъ, что съ нимъ сдѣла-
лось? и мнѣ опвѣчаюпъ, что у Пахома
лихорадка. Пахомъ, не имѣя большаго
дѣла по службѣ, бѣгаетъ по городу съ
ушра до вечера, исправляя разныя пору-
ченія своихъ шоварищей. Я пожалѣлъ о
Пахомѣ и о шоварищахъ его—они лишились
въ немъ самаго дѣяшельнаго и усерднаго

помощника. Но къ удивленію моему Пахомъ являепся ко мнѣ на четвертый день своей болѣзни—и здоровехонекъ!.. “Ну, сударь, помучился я съ лихорадкой! говоришь онъ мнѣ...помучился—и еслибъ не нашъ Повышчикъ, лежалъ бы мнѣ и теперь въ постелѣ!”, — Душевно радъ, видя васъ здоровымъ; но скажите, какимъ чудеснымъ средствомъ вылечилъ васъ Г. Повышчикъ?—“Извольте...средство это самое дѣйствительное; доказательство видите на мнѣ...повѣрите ли, что какъ бывало начнешь меня шрепать лихорадка, шакъ я на поларшина и болѣе опскакивалъ опъ шюфяка . . . Ужасно! Вошь приходишь ко мнѣ Повышчикъ, поглядѣлъ на меня, и сказалъ, что вылечилъ въ одинъ день. “Бапюшка! сдѣлай милость!”, —Слушай же, говоришь онъ мнѣ: спускай къ сосѣду съ правой стороны—“Да я съ нимъ не знакомъ?”,—Темъ лучше; спускай къ сосѣду съ правой стороны и иди все задомъ...какъ придешь къ нему, сядь въ комнашъ въ переднемъ углу...и сиди часъ! ровно часъ! Что бы съ тобой ни говорили—не отвѣчай; о чемъ бы тебя ни спрашивали—ни гугу! Будешь бранишь себя

—молчи, спанушь выгоняшь... ругашь—ни слова! Сиди на одномъ мѣспѣ; а какъ высидишь часъ, спуйай домой—и до своей кварпиры ни съ кемъ ни полслова!... Если все эпо исполнишь—шы завпра же здоровъ!— Я хопѣль было опказашься. — Какъ идиши къ незнакомому и сидѣшь у него часъ, не говоря ни слова? Да въ шу минушу подхвапила меня лихорадка...и я рѣшился... На другой день пошель., — И Пахомъ началъ мнѣ рассказывашь свое похождение; но я не выштерпѣль и не могъ удержашься опъ смѣха, слушая его. Смѣхъ не оспановиль краснорѣчиваго Пахома; и онъ досказаль мнѣ свою повѣсть... Вошь какъ было дѣло.

Пахомъ, на другой день послѣ посѣщенія Пovyшчика, одѣлся, и пошель къ сосѣду на задкахъ. Переходъ былъ не великъ, а *раковое* пушешествіе его не было замѣчено. Вошь онъ являешся къ сосѣду и садишся въ передній уголь, подъ образа. Сосѣдъ, мѣщанинь, удивилса его приходу... но ласково подошель къ нему и вѣжливо спросиль: что ему угодно? Пахомъ, по предписанію Докшора - пovyшчика, молчишь. Хозяинь повшориль свой вопросъ—

Пахомъ молчитъ, вынимаетъ часы, замѣчаетъ минушу и ни слова; какъ будто онъ одинъ въ комнапѣ и не видитъ хозяина. И хозяйнъ замолчалъ: смолришь съ удивленіемъ на незнакомаго госпя, османриваетъ его съ головы до ногъ... поглаживаетъ бороду...закладываетъ назадъ руки, и оспанавливается передъ Пахомомъ. Пахомъ молчитъ и съ важноспію смолришь на хозяина.—“Что вамъ угодно? Зачемъ вы пришли? Я здѣшній хозяйнъ?,”—Такъ говоритъ ему мѣщанинъ-сосѣдъ; Пахомъ разумѣется ни слова...Между пемъ вошли въ комнапу хозяйка и двое маленькихъ дѣшей, и въ молчаніи спановяпса противъ госпя. “Что у васъ такое?,” говоритъ хозяйка!—Да вошь, видишь, его милоспъ изволилъ пожаловать —я его чеспъ знапъ не знаю; спрашиваю зачемъ пришелъ? Молчитъ, и вошь спюю передъ нимъ, и жду, не объявитъ ли чего. — “Экой пы! опвѣчаетъ хозяйка: да онъ, знапъ, глухой...покричи-ка ему на ухо.,”—Пахомъ сморщился; а хозяйнъ, обрадованный женщиной догадкой, кричитъ на ухо Пахому изо всей мочи: что шебѣ, баринъ здѣсь надобно? А? Я хозяйнъ! Что

надобно тебѣ? Слышишь ли? — Пахомъ молчишь . . . Хозяинъ въ недоумѣннѣи обращается къ женѣ своей — Видишь . . . молчишь! — И всѣ съ разинуемыми ртами сползаешь передъ Пахомомъ — Чѣмъ будешь дѣлать? говоришь хозяйнѣ. — “Чѣмъ дѣлать? Выгнать его, оповѣчала хозяйка. Богъ въспѣ, опколѣ онъ пришелъ! Мы его не знаемъ! Вижь! усѣлся какъ пупной!”, — Постою-ка! слушай же господинъ! кричишь выведенный изъ перпѣннѣи хозяйнѣ: спускайся отсюда, какъ пришелъ; — не то я не честно провожу тебя! Спускайся, говорю тебѣ! — Пахомъ: ни слова! — “Да чѣмъ же ты въ самомъ дѣлѣ, закричала хозяйка, подступивъ къ Пахому: убирайся вонъ. Эдакихъ госпѣй намъ не надобно! Да ну, Савельичъ! шурни-ка его съ лавки-шо!”, — Слышишь ли, кричишь Савельичъ: спускайся вонъ! — Молчаніе — Экая собака! Послѣ этихъ словъ Савельичъ садился подлѣ Пахома и начинаешь ему панегерикъ: “вошь навязался госпѣ!”, и пошелъ! Всѣ выраженія, изобрѣшенныя Русскими въ злобѣ и досадѣ, полились рѣкою на бѣднаго Пахома. Пахомъ молчишь . . . Пахомъ ни слова! Какъ будто не до него дѣло! Одна-

ко какво перпѣшь ругательства оне мѣщанина? Но дѣлашь нечего: лихорадка мучительнѣе брани; Пахомъ молчишь, хопя глаза и лице его говоряшь, что оне понимаетъ ласки хозяйевъ. — “Э! да что ты, Савельичъ! кричишь жена: бранью его не выгонишь! Выпури проспо, и чорпъ съ нимъ съ окояннымъ!”, — Полно! полно! не мѣшайся не въ свое дѣло, опвѣчаешъ разсерженный мужъ: что у тебя все побои, аль онѣ тебѣ не надѣли! Вошь я лучше схожу въ Полицу—да приведу фаршального—пустишь его возьмушь—на съѣзжей скажешся... Дай-ка шляпу! — И съ этими словами Савельичъ вспаешъ съ лавки, берешъ изъ рукъ жены шляпу и идешь въ Полицію. Жена оспаешся въ комнашѣ, садитса прошиву вольнаго спрадальца и начинаешъ попчивать Пахома всякими увѣщаніями, не забывая для красоты фразъ примѣшивашь угрозы, брань и насмѣшки. Однимъ словомъ, Пахомъ былъ на иголкахъ, оставшись съ хозяйкой, пошому что самый краснорѣчивый мужчина не выдумаетъ въ часъ такихъ выраженій, котория безъ приготоовленія оппускаешъ раздраженная женщина. Меж-

ду шемъ Пахомъ взглянулъ на часы—о радость! оспаеися только десятии минушь шерпѣнія. Часы подали новую маперію хозяйкѣ къ заключеніямъ, насмѣшкамъ и угрозамъ... но Пахомъ молчишь, однако шрусиишь прихода полицейскихъ... какъ бышь, если пошашушь его на съѣзжую прежде испеченія десятии минушь? Но вопъ проходяшь эши мучишельныя минушы, и Пахомъ съ радосинымъ лицемъ вспаеешь со своего мѣспа. И хозяйка вспаеешь. Пахомъ къ дверямъ—хозяйка заслоняеешь ему дорогу...и клянеешь, что никакъ не выпуспишь его прежде прихода мужа. Пахомъ, и безъ того озлобленный, одною рукою опшпалкиваеешь женщишу, другою опворяеешь дверь и уже на крыльцѣ. Но увы! кварпальный съ буточниками и хозяиномъ вспрѣчаюшь его въ воропахъ и схвашываюшь. Хозяинъ съ шоржеспвомъ предаеешь его въ руки Полиціи.

Полицейскій. Офицеръ начинаеешь допрашивашъ Пахома ... Толпа кругомъ!... Но Пахомъ молчишь, и его ведушь въ Полицію. Наконецъ они въ комнапахъ—и Пахомъ, вѣрный исполнишель предписанія

Повыпчика, заговорилъ—объясняешь Офицеру причины своихъ поступковъ, объявляешь кто онъ и возвращаешься домой... И съ тѣхъ поръ лихорадки какъ не бывало! Пахомъ не можешь нахвалишься Повыпчикомъ, и прославляешь его какъ наилучшаго доктора въ свѣтѣ. Не подумайте однако, чѣмъ испорія шемъ и кончилась; нѣтъ! Пахомъ подалъ просьбу и пребуешь съ Савельича удовольстворенія за бѣзчестье!...Вошь процессъ!...

I.

ДѢВА ПФЛИТСБУРГСКАЯ.

Повѣств Г. Праделя.

Древній городъ Колмаръ (*Колумбарія*), нѣкогда вольный и столица Верхняго Альзаса, расположенный на обширной равнинѣ, простирающейся отъ подошвы Вожскихъ горъ до береговъ Рейна, представляешь изумленному и восхищенному путешественнику самые живописные и разнообразныя виды. Въ семь-то прекрасномъ климатѣ, гдѣ плодоносная земля производитъ славныя вины Рибовиле,

Тюркгеймъ и Рикевиръ, въ сей-шо очарованной спранѣ Вольперъ намѣрень былъ окончить дни свои; и если бы не завели шупъ съ нимъ ссоры, по онъ предпочель бы непременно веселымъ берегамъ Женевского озера, не менѣе плѣнительныя окрестности Колмара, на копорья природа, кажешся, испошила всѣ свои сокровища.

Съ западной спороны города, превосходные виноградники, начинающіеся опъ полей и луговъ, орошаемыхъ быспрыми спруями рѣки Илль, просширающся, при безпрерывномъ разширеніи, до деревень Винзенгеймъ, д'Егистгеймъ и д'Аммерсвиръ. По лѣвую спорону большой дороги, ведущей чрезъ Руффакъ и Серней до славной крѣпости Бельфортъ (Бефортъ) сполицы древняго Сукшгафъ, взоръ обнимаешъ обширныя равнины и пробираешся сквозъ колокольни множества деревень, чпо бы успокоишся наконецъ на густолиспенной роцѣ, копорая соединяешся съ неизмѣримымъ лѣсомъ Гарпскимъ. Горизонтъ ограничиваешся вдали горами Швейцарии. Узкая долина пролегаешъ съ правой спороны эшой дороги; надъ нею го-

сподспвуюють боковые ушесы Вожскихъ горъ, копорыя вѣнчаюшся гордою вершиною *Баллоны*, всегда покрыпою снѣгомъ. На верхней плоскоспи сихъ горъ, въ одной милѣ отъ Колмаря, находяшся развалины спараго замка, называемаго *Trois - Echet*. — Отъ сей феодальной крѣпоспи, въ копорой жили владѣтели древней фамилии *Гансбургъ*, остались полько при чешвероугольныя башни. Гораздо ближе и въ полумили отъ *Trois-Echet*, на высокой горѣ, осѣняемой пихповыми деревьями, замѣшны еще неразрушившіеся оспатки славнаго замка *Гогенландсбергъ*. Спѣна, высопою въ 20, а шириною въ 4 фуша, заключаешъ обломки крѣпоспи, посреди копорой, на дворѣ, можешъ маневрировать цѣлый пѣхотный полкъ. Эша гора образуешъ величеспвенный уголь надъ равниною *Логельбакскою*, гдѣ посреди многихъ красивыхъ домиковъ видна прекрасная и богашая сипцовая фабрика спрудолюбиваго *Госмана*. Во внушренихъ изворопахъ небольшихъ Вожскихъ горъ зрѣніе сначала оспанавливаешся на покрыпой шуманомъ вершинѣ *Trois eris* (при колоса), знаменишой въ шой спра-

нѣ по часовнѣ, куда ходили на поклоненіе. Далѣе къ сѣверу, на двухъ утесистыхъ горахъ, возвышающіяся два развалившіеся замка, принадлежавшіе владѣтелямъ Рапольсгеймскимъ.

Между сими многочисленными развалинами съ правой стороны ручья Фехны, открывающаго спѣны древняго Имперскаго города Тюркгеймъ, увѣковѣченнаго побѣдою Тюрена, на вершинѣ конической горы, покрытой пихшами, видна высокая круглая башня, называемая башнею Пфлишбургскою. Не далеко отъ сей горы начинается прелестная Мюнстерская долина, копорую разсѣкають и орошають шумныя воды ручья. Зеленые луга, небольшіе домики, заводы, ивовыя рощи и холмы съ пополевыми деревьями—шакоть очаровательный видъ этой прелестной долины, окруженной съ сѣвера двумя косогорами, на копорыхъ распахъ виноградъ, а съ востока и полудня черноватыми вершинами Вальбаха Гогенландсбергскаго и Пфлишбургскаго.

Если древняя башня, изъ копорой видна вся долина, возбуждаеть любопытство путешественника, изумленнаго зрѣ-

лицемъ сего памятника феодальныхъ вре-
 мень, еще неразрушившагося и пережив-
 шаго многіе вѣки; если онъ спанешъ раз-
 спрашивать жителя долины о ея назва-
 ній и происхожденіи: по услышитъ на-
 родное преданіе, дошедшее до нашихъ вре-
 мень. Ему скажешь, что эта башня бы-
 ла одною изъ шѣхъ спрашныхъ *телинцѣ*,
 въ которыя владѣтели сосѣдственныхъ
 замковъ заключали побѣжденнаго непри-
 ятеля, или дерзновеннаго соперника...
 Жертва, осужденная на ужасную смерть,
 лишенная дневнаго свѣта и всякой пищи,
 умирала тамъ на сырой землѣ, посреди
 нечислыхъ гадовъ, отъ холода и голода,
 въ жестокомъ и продолжительномъ пом-
 леніи. Къ симъ истиннымъ изображеніямъ,
 которыя напоминають ужасную повѣсть
 несчастнаго Уголина *), рассказы при-
 совокупаютъ явленіе дѣвы Пфлипсбург-
 ской: “иногда около полуночи, привидѣніе
 молодой опшельницы показывается на
 верху башни; слабый свѣтъ окружаетъ
 ее; быспро и съ громкимъ смѣхомъ схо-
 дитъ она съ горы; но лишь только до-

---

*) Въ описаніи Ада у Данша.

спигаешь долины, какъ вдругъ дѣйствіемъ какой-то невидимой силы, возвращаешься назадъ и выходя на гору выпускаешь горестныя вопли. На одно мгновение примѣчаютъ ее на башнѣ, какъ дрожащій свѣтъ, откуда стремительно низвергается она въ свою могилу.,,

На верху одной сосѣдственной горы, въ 1103 году, существовалъ древній замокъ Пфлишбургъ, отъ котораго не осталось пеперь ни малѣйшаго слѣда. Графъ Вальбергъ, верховный обладатель одной части долины и владѣлецъ этого замка, съ горестію видѣлъ, что съ нимъ пресѣчется благородное его поколѣніе. Онъ былъ уже пожилыхъ лѣтъ и отъ брака своего съ богатою наследницею дома Линбургскаго имѣлъ одну только дочь, которой исполнилось тогда семнадцать лѣтъ. Она называлась Эльфридою. Никогда красота, въ соединеніи съ привлекательнѣйшими добродѣтелями, не прославлялась столько менестрелями Альзаса.

Графъ, видя наступленіе времени, въ которое надлежало ему устроить свою прелестную Эльфриду, вздумалъ поспѣшнѣе одно условіе, сдѣлавшее союзъ ея

весьма запруднительнымъ: супругъ его дочери долженъ былъ согласиться на принятіе фамиліи Вальбергъ. Это условіе удалило богатѣйшія партіи. Гордясь своимъ происхожденіемъ, молодые владѣтели Альзаскіе опказались за такую цѣну опъ чести получить руку Эльфриды, и удалились, поперявъ всякую надежду. Но одинъ изъ нихъ, наиболѣе плѣненный прелестями Эльфриды, молодой Одоардъ, сынъ спараго Барона Споффенъ, не подвергая себя положительно предписанному условію, держаль Графа въ недоумѣніи, кошорое, казалось, удовлетворяло его гордости.

Между темъ Эльфрида узнала любовь. Нѣжныя спаранія Одоарда, мужество его въ битвахъ, приятность разговоровъ съ нею, покорили невинное и неопытное ея сердце. Они поклялись другъ другу въ вѣчной любви...и пвердо сохранили эту гибельную кляпву.

Отець Эльфриды съ радостію замѣпиль взаимную между ними любовь. Онъ почель долгомъ назначить время бракосочетанія, и въ присутствіи Одоарда приказавъ дѣлать пригѣшвленіе къ этому

шоржесшвенному союзу, напомнилъ ему о необходимомъ условіи. Молодой рыцарь смѣшался, пробормоталъ нѣсколько словъ, копорыя Графъ перешолковалъ въ свою пользу. Ослѣпленный спраспію Одоардъ поѣхалъ къ овицу, въ полной увѣренности, что Баронъ сжалился на просьбы и слезы нѣжно любимаго имъ сына.

Но онъ ошибся. Баронъ Сшоффень, будучи онъ природы добръ, великодушень и даже снисходипелень къ заблужденіямъ молодоспи, былъ непреклонень въ шомъ, что казалось до его чести. “Я люблю себя, сказалъ онъ Одоарду: и гошовъ пожертшовать мою жизнью для швоего спасенія; но никогда, никогда не соглашусь на то, что бы ты перемѣнилъ мою фамилію, копорую прославили наши предки многими славнѣйшими подвигами! Нѣшть, не пошерплю, не дошущу, что бы съ единспвеннымъ моимъ сыномъ шресѣкса знаменишый домъ, копорого сосшавляешь ты послѣднюю опрасль! Если союзъ съ Вальбергомъ должно купишь за такую цѣну, то шибѣ надобно пожертшовать своею любовію; если же ты не имѣешь къ штому мужества, вопъ грудь моя: пора-

зи ее. Тогда ничто не удержишь тебя обезславить свое имя женишьбою на Эльфридъ.,—Несчастный Одоардъ бросился при сихъ словахъ къ ногамъ своего опца, обнималъ ихъ, обливалъ слезами и даль кляшву, скорѣе опказаться опъ обожаемой имъ женщины, нежели нарушишь священную обязанность. Не смѣя лично объявишь Вальбергу о своей рѣшимости, написалъ онъ къ нему объ эпомъ въ самыхъ прогашельныхъ выраженіяхъ, изобразилъ жестокое свое положеніе, умолялъ его смягчиться, и съ пвердоспійю ожидалъ его приговора.

Эта новость привела Вальберга въ бѣшенство. Раздраженная его гордость не знала границъ. Написавъ надмѣнный опвѣтъ опчаянному Одоарду, что дружба между ними прервана и что онъ не увидишь его болѣе, велѣлъ позвашь къ себѣ Эльфриду. — “Дочь моя! вопшь дерзкое письмо Одоарда и вопшь мой опвѣтъ. Между нашими фамиліями не можешь болѣе сущеспвовашъ никакихъ опношеній... я поклялся въ непремиримой ненависти къ дому Сноффенъ. Теперь ты должна потасишь въ своемъ сердцѣ любовь, кошо-

рая опнынѣ будетъ пресупною. Надобно сдѣлать еще болѣе: забыть Одоарда, и выдти замужъ за моего друга Герольда. Происхождение его хопя и не споль знаменипо, какъ наше; однако же, я не краснѣя могу наименовать его моимъ зятемъ. Завтра же онъ будетъ швоимъ мужемъ.,—Эльфрида безъ чувствъ упала къ ногамъ жестокаго опца. Пришедъ въ себя, она умоляла его сжалишься надъ ней. Смершная блѣдноспъ покрывала ея лице; она спонала, испускала раздиравшіе сердце вопли. Распроганная мать присоедишила просьбы свои къ просьбамъ дочери—напрасныя усилія! Графъ былъ неумолимъ. Оскорбленная гордоспъ заглушила въ немъ гласъ природы. Онъ пребоваль опъ дочери совершеннаго повиновенія; въ пропивномъ же случаѣ угрожалъ заключить ее на всю жизнь въ монастырь, находившійся въ долинь.—“Выборъ мой сдѣланъ, опвѣчала она: монастырь будетъ моимъ убѣжищемъ и могилою.,,

Опчаянный Одоардъ вскорѣ узналъ, что возлюбленная его заключена въ монастырь. Не успѣвъ подкупить придверника, что бы онъ впустилъ его въ мо

настырскіе сады, молодой Сигоффець за-
пасся веревочною лѣсницейю и рѣшился
перелѣзць въ полночь чрезъ ограду. Осто-
рожно перешель онъ садъ; одно окно бы-
ло слабо освѣщено. Онъ приближается,
смотримъ, слушаемъ: вокругъ него глу-
бокое молчаніе. Вдругъ послышался го-
лосъ; это была голосъ Эльфриды. Злопо-
лучная пѣла любимый романсъ Одоарда. Не
размышляя о послѣдствіяхъ своей безраз-
судности, Одоардъ выждалъ, пока она кончи-
ла первый куплетъ, и потомъ пропѣлъ слѣ-
дующій самымъ прогательнымъ голосомъ.
Какъ изобразишь удивленіе Эльфриды?
Сначала думала она, что обманывается;
накопецъ отважилась открытъ окно.
Нѣтъ болѣе сомнѣнія; сердце ея препе-
пало сильнѣе, и она узнала своего возлюб-
ленного.

За эпимъ свиданіемъ послѣдовали мно-
гія другія, на копорыя робкая дѣва
съ шрудомъ соглашалась и копорыхъ од-
нако ожидала всегда съ нешерпѣніемъ и
удовольствіемъ. При помощи услужлива-
го снурка воспановилась между ими пе-
реписка. Одоардъ, въ пламенныхъ пись-
махъ, изображалъ ей свои спраданія, же-

спокоистъ вѣчной разлуки. Онъ заклиналъ ее бѣжашъ съ нимъ и положишъся на его честностъ. Священникъ долженъ былъ соединитъ ихъ; послѣ чего отправились бы они въ Ипалію, гдѣ могли житъ безопасно и благополучно. Долго боролась Эльфрида со своею любовію и боязнію; наконецъ рѣшилась бѣжашъ; оба льспились надеждою, что время смягчитъ опеческое сердце.

Если любовь бодрспвуетъ для наслажденій сердца, то и коварство не дремлетъ никогда для мщенія. Презрѣнный Эльфридою Герольдъ, недовольный шемъ, что раздражилъ сердце Вальберга прошиву непослушной дочери, велѣлъ еще присмапривашъ за малѣйшими движеніями Одоарда. Будучи извѣщенъ о ночныхъ свиданіяхъ любовниковъ, опкрылъ онъ Графу шакое вѣроломство ненавистнаго своего соперника; узнавъ же о пригошвленіяхъ, дѣлаемыхъ Одоардомъ для похищенія Эльфриды, посылашъ всякую ночь въ долину и къ монастырю подлыхъ своихъ служилелей и даже самъ ходилъ шу-да въ намѣреніи жестоко опмсшитъ молодому Спюффену за оказанное ему пред-

почпение. Развращенная и свирѣпая душа его способна была ко всякому злодѣянію.

Извѣстясь, чрезъ одного предапеля о времени похищенія Эльфриды и опасаясь, что Вальбергъ не совершитъ пресупленія, копорымъ неперпѣливо желалъ онъ осквернить свои руки, Герольдъ склонилъ ожеспоченнаго спарца бытъ свидѣтелемъ его къ нему преданности и нѣхъ спараній, копорья упошреблялъ онъ для спасенія его чеспи. Ударилъ гибельный часъ ...чрезъ нѣсколько минушь увидѣли они, при слабомъ лунномъ свѣпѣ, на оградѣ монастырской мужчину и женщину: эпо были Одоардъ и Эльфрида, копорые вскорѣ попомъ спали спускашья по веревочной лѣспницѣ. Въ недаленомъ опшуда распояніи одинъ слуга, съ парюю лошадей, ожидалъ бѣглецовъ - любовниковъ.

Лишь полько спушили они на землю, Герольдъ бросился на нихъ со своимъ опрядомъ. Эльфриду схвапили и невзирая на ея вопли, положили на носилки и унесли. Одоардъ и его слуга пали къ ногамъ Герольда, пронзенные ударами кинжала. Ихъ оставили на мѣспѣ замершво. Пронесся слухъ, что они убишы шайкою

разбойниковъ, копорые имѣли свое убѣжище въ Вожскихъ горахъ.

Герольдь до такой степени овладѣлъ умомъ Графа, что управлялъ имъ, какъ хошѣлъ. Слабый и гордый старикъ приказалъ своей дочери выдти замужъ за своего друга, или приготоовишься къ смерти. Эльфрида осмѣлилась показатъ твердое сопротивленіе. Напрасно старалась нѣжная ея родительница пронуть сердце своего жестокаго супруга: она поверяла надъ нимъ власъ свою. Насильно увлекли Графиню въ ея комнату, и несчастная Эльфрида приготоовлялась къ смерти. Вальбергъ, чувствуя, что онъ отецъ, иногда колебался совершить такое пресупленіе; Герольдь упрекалъ его въ слабости, возбуждалъ его бѣшенство...наконецъ оба опреклись ошъ всякихъ чувствованій челоѡколюбія и започили несчастную жертву въ глубокую и мрачную пемницу, извѣстную нынѣ подъ именемъ *башни Пфлитсбургской*. Тамъ приковали ее желѣзными цѣпями къ стѣнѣ. Въ опчаяніи не могла она плакать и не произносила ни малѣйшаго ропота. Но когда отецъ ея сказалъ суровымъ голосомъ: “въ послѣд-

ній разъ спрашиваю себя: хочешь ли бытъ женою Герольда, или умереть? „ — несчастная вскричала: „бапюшка! проспите навсегда!„—и рыданія прервали ея голосъ.

Грубый хлѣбъ и кружка воды посланы были подлѣ Эльфриды. Она узнала ихъ по осязанію, когда послѣ двенадцати-часоваго тягостнаго размышленія и сна, волнуемаго и часпо прерываемаго ужасными сновидѣніями, почувствовала голодь. Сначала не хотѣла она приниматьъ никакой пищи, желая скорѣе прекратить горестное свое существованіе; но надежда не оставляетъ несчастныхъ, изнуряемыхъ величайшими скорбями, и природа никогда не перестаетъ правъ своихъ. Увы! пропекло три дни и три ночи съ тѣхъ поръ, какъ невинная дѣвушка спонала въ эпоть плачевномъ мѣстѣ, и никто не приходилъ къ ней, что бы по крайней мѣрѣ, возобновить ея пищу. Злосчастная Эльфрида! . . . но опустимъ покрывало на эту страшную сцену. Кто можетъ изобразить сердечную шоску, опчаяніе жершвы, оставленной всею міромъ и окруженной въ сей пемницѣ ночнымъ мракомъ,

который долженъ былъ сдѣлаться мракомъ смерти! Напрасно испускала она вопли, призывая къ себѣ помощь! Никто не отвѣчалъ злополучной, кромѣ вѣтровъ, ревущихъ надъ ея головою... Вѣрная любовница, дѣва чувствительная! прелести свои и невинность не смягчили жестокаго гнѣва отца... Эльфрида умерла отъ голода!!!

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, послѣ убійства Одоарда и его слуги, одинъ рыбакъ, въ намѣреніи закинуть сѣти свои въ Фехтѣ *), переходилъ долину. Вдругъ услышалъ онъ жалобные вопли въ отдаленіи, и поспѣшнѣе направилъ шаги свои къ монастырю; откуда, казалось, неслись эти стоны. Онъ нашелъ тамъ двухъ мужчинъ, обогранныхъ своею кровію, изъ которыхъ одинъ, повидимому, находился при послѣднемъ издыханіи. Недалеко отъ нихъ послась на лугу лошадь. Этотъ рыбакъ былъ человѣколюбивъ и чувствителенъ. Узнавъ, что одинъ путешественникъ уже скончался, поймалъ онъ лошадь, осторож-

---

*) Въ этой рѣчкѣ ловятся вкусныя форели.

но посадилъ на нее другаго, самъ сѣлъ сзади, и поддерживая раненаго, чрезъ нѣсколько часовъ доѣхалъ до своей хижины, находившейся въ горахъ посреди лѣса. Эпо былъ Одоардъ. Будучи ограбленъ служителями Герольда, казался онъ человѣкомъ низкаго состоянія. Рыбакъ продалъ его лошадей, что бы купить для него плащъ и доснавивъ ему необходимое пособіе; но несмотря на всѣ попеченія гостепріимнаго сѣмейства рыбака, молодой Баронъ, ослабленный поперею крови, не скоро выздоровѣлъ. Одоардъ открылъ рыбаку свое несчастіе и отправилъ его къ Барону Споффенъ съ увѣдомленіемъ о своемъ положеніи. Съ какою радостію добрый старикъ получилъ это неожиданное извѣстіе! Онъ оплакивалъ своего сына и нащель его! Минута ихъ свиданія была счастливѣйшею въ его жизни.

Баронъ Споффенъ разсказалъ своему сыну прагическую кончину Эльфриды, о копорой разгласилъ самъ Герольдъ, и какимъ образомъ эпошь извергъ наказанъ былъ за свое злодѣяніе. Виновный отецъ вскорѣ сдѣлался добычею жестокихъ угрызений: чрезъ восемь дней, по заключеніи

несчастной жерпвы, пришель онъ къ ней въ роковую пемницу. Увидя шамъ одинъ полько обезображенный шрупъ, ошврашилъ онъ взоры свои опъ сего ужаснаго зрѣлища. Непомѣрная горесшь его вдругъ преврапилась въ бѣшенство. Онъ предалъ Герольда палачамъ, опъ копорыхъ и умеръ эшошъ злодѣй, испытавъ прежде жесточайшя мученя.

Графъ Вальбергъ, узнавъ о неожиданномъ возвращеніи Одоарда, немедленно опправился въ замокъ Барона Споффенъ, бросился къ ногамъ молодаго человекъ и просиль у него прощеня... Раскаяніе его было искреннее. Одоардъ прижалъ его къ своей груди и смѣшалъ слезы свои съ опеческими слезами. Онъ согласился даже, по просьбѣ Графа, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ его замокъ и провеспи шамъ нѣсколько дней для ушѣшеня машери Эльфриды. Часпо говорили они о добродѣтеляхъ его возлюбленной, о ея красотѣ и жестокой ея кончинѣ. Невѣдомая прелесшь господспивовала въ эшихъ печальныхъ бесѣдахъ и услаждала ихъ горесшь.

Одоардъ госпилъ въ замкѣ уже около недѣли; но не думаль о своемъ

опъздѣ. Пребываніе его шамъ, повидимому, нравилось ему болѣе и болѣе. Увы! никогда не долженъ онъ былъ выходить изъ него. Но не будемъ предупреждать чрезвычайнаго происшествія, которое было поному причиною.

Спарая Берпа, ключница Графа, дѣвственная и прудолубивая, проходя однажды въ полночь коридоръ, подлѣ котораго находилась комната Одоарда, услышала шамъ разговоръ. Увлекаемая любопытствомъ, оспорожно входитъ она въ смѣжную горницу, слушаешь... глубокая тишина въ замкѣ... разговоръ спановишся вняшнѣ; она узнаешь голосъ Одоарда. Но каково было ея изумленіе, когда послышался ей голосъ Эльфриды! Въ ту же минуту бѣжитъ она къ своимъ господамъ, будитъ ихъ и рассказываетъ имъ это удивительное приключеніе. Они приписываютъ эту странную мечту спароспи ея и слабоспи органовъ, и Графъ приказываетъ ей удалиться. Въ эти времена невѣжества вѣрили опчаспи ночнымъ явленіямъ. Вальбергу видѣлись послѣ того дурные сны. Хотя и не вѣрилъ онъ словамъ Берпы; но при всемъ пому

не могъ никакъ успокоиться и чувствовалъ въ себѣ какое-то необыкновенное волненіе.

Не безъ ужаса съ наступленіемъ дня замѣпилъ Графъ и его супруга чрезвычайную перемену въ лицѣ Одоарда. Съ замѣшательствомъ опивчалъ онъ на сдѣланные ему вопросы о здоровьи, и сказалъ, что не могъ уснуть во всю ночь. До сихъ поръ никакое подозрѣніе не подкрѣпляло еще разказа Берты. Съли за столъ. По окончаніи обѣда, Графиня случайно взглянула на руку Одоарда, поблѣднѣла, произнесла нѣскольکو невнятныхъ словъ и упала въ обморокъ. Когда пришла она въ себя, Одоарда уже не было въ комнашѣ, и она сказала своему мужу: “Берта говорила намъ правду.,—Какъ! — “Чудеса происходятъ у насъ въ замкѣ!., — Что такое? Говори. — “Вопшъ причина моего обморока: я видѣла на рукѣ Одоарда перстень нашей дочери, кошорый унесла она съ собою въ могилу., — Вѣрю; но можешъ бышъ онъ ходилъ въ башню, гдѣ лежишъ еще шѣло Эльфриды, и что перстень...,, — “Развѣ Берта не слыхала ея голоса?., — Правда. “Надобно олкрышъ эту шайну.,—Позва-

ли Берпу; она подтвердила прежнее свое показаніе. Положили на слѣдующую ночь придти въ смѣжный покой съ комнашою Одоарда, въ которую вела изъ первой горницы пощаенная дверь.

Сказано и сдѣлано. Тонкая дверь, раздѣлявшая обѣ комнапы, позволяла имъ слышать все, что будень происходить у Одоарда; задвижка же съ ихъ спороны могла доставить имъ внезапный шума входъ.

Графъ, Графиня и Берпа начали внимательно слушать. Въ полночь заскрыпѣли двери. Черезъ нѣсколько минушь послышался знакомый голосъ. Сомнѣніе исчезло: это былъ голосъ Эльфриды. Одоардъ, котораго называла она своимъ супругомъ, просилъ ее объяснить ему, какимъ образомъ она ожила? Эльфрида отвѣчала, что теперь еще не время увѣдомлять его объ этомъ и прибавила, что отдавъ ему золотый свой персень въ залогъ любви, надѣется, что любезный ея Одоардъ подаритъ ей спальный браслель, который видитъ она на его рукѣ. Спрашныя увѣренія послѣдовали за подаркомъ браслепа. Одоардъ и Эльфрида

говорили о своихъ чувствованіяхъ въ такихъ прогательныхъ выраженіяхъ, что Графиня едва могла удержашь свои слезы. Эпа минуша показалась Вальбергу благопріятною для того, что бы имъ показаться; онъ принудилъ Графиню идиши впередъ. Попаенная дверь отворилась и они предспали предъ Эльфридою...Одоардъ, на колѣняхъ, съ нѣжносною цѣловаль ея руки.

Никогда удивительнѣйшая сцена не поражала глазъ смершнаго! Одоардъ окаменѣлъ; Эльфрида дико и со спрашною улыбкою смопрѣла на Графа. Машь ея хопѣла бросишь къ ней въ объятія; но Эльфрида опшолкнула ее опъ себя и сказала ей могильнымъ голосомъ: “я умерла для васъ; любовь сдѣлала чудо; но любовьшпство ваше разрушило его.,—И въ шу же минушу упала, испуспивъ послѣднее дыханіе.

Всѣ усилія были бесполезны. Одоардъ въ опчаяніи схвашилъ свою шпагу и умершвилъ себя на бездушномъ шѣлѣ своей возлюбленной. Графиня нѣсколькими днями пережила эпо прагическое приключеніе. Вальбергъ ходилъ въ гибельную баш-

ню и не нашелъ шамъ ничего, кромѣ желѣзной цѣпи и спального браслета Одоарда. Это непоспимое зрѣлище поразило умъ виновнаго и несчастнаго опца. Представляя собою страшный примѣръ мщенія небснаго, Графъ Вальбергъ скрылся въ ближайшей монастырь, гдѣ преслѣдуемый призракомъ Эльфриды и угрызеніями совѣспи, вскорѣ окончилъ плачевное свое существованіе.

Б.

~~~~~

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Ноплу soit, qui mal у pense.

І.

“Когда вы играете на фортепьянахъ, я невольно влекусь къ вамъ душою, слѣдую за каждою нопкою, копорой вы шакъ искусно умѣете дать силу и значеніе, восхищаюсь вашими чувствами, и всегда досаую, когда вы переспаете., Такъ говорилъ Лелевъ Софьѣ Д . . . “Ахъ, сдѣлайте одолженіе, сыграйте намъ что нибудь., — Вы сполько разхвалили меня ,

прервала Софья: что мнѣ совѣстно будешь не оправдать вашихъ ожиданій; но право я такъ худо играю. — “Нужно ли мнѣ повсоряшъ, что удѣлъ вашъ приводитъ каждаго въ восторгъ?,” — Кто успоитъ прошивъ такой просьбы? Софья доспала рондо Гуммеля, сѣла за форшопьяны, прижала педаль и пальчики ея побѣжали по клавишамъ. — “Бѣдный Гуммель, шепнулъ мнѣ Лелевъ: бѣдныя наши уши!... Боже! — еще цѣлая спраница!.... и еще! Кажешся, скоро конецъ!... Насилу!..” Прекрасно, неподобно, несравненно! Вы очаровываете, сказалъ Лелевъ, подойдя къ ней: и вы были сполько жестоки, что такъ долго лишали насъ удовольствія слушать васъ; мы надѣмся, что вы насъ подарите еще чемъ нибудь сполько же прекраснымъ., — Софья, ободренная похвалами, доспала еще ноты и пустилась ихъ разыгрывать съ бѣльшимъ усердїемъ, такъ, что Лелевъ сдѣлался гораздо снисходительнѣе и вмѣсто прежнихъ восклицаній, рассказалъ мнѣ подъ шумокъ вчерашнее свое времяпрепровожденіе.

В. Лѣшь восемь шому назадъ случилось со мною очень неприятное происшествіе: сижу я на лавочкѣ въ Лѣшнемъ Саду; вдругъ сядишя возлѣ меня одинъ человекъ.....

С. Не ужь ли?

В. Не слишкомъ хорошо одѣшый; я не обрашилъ на него вниманія.

С. Такъ почно.

В. Я вынулъ мою золошую шабакерку и понюхавъ шабаку, положилъ ее въ карманъ. Какъ бы вы думали?.....

С. Конечно.

В. Вспаю; погода не много, хочу опять понюхашъ шабаку, хвашъ—шабакерки нѣшъ въ карманѣ. Эпощъ молодець успѣлъ ее спроворишъ. Я шопчасъ назадъ. Его уже нѣшъ на мѣспѣ; бѣгаю взадъ и впередъ по Лѣшнему Саду.... Не попадешя ли онъ мнѣ... Нѣшъ нигдѣ! Чшо мнѣ оспавалось дѣлашъ?

С. Я съ вами согласень....

В. Иду на набережную; уже шемно было; на встрѣчу идешъ....ну почно онъ... Я схвашываю его за ворошъ. Тащу въ будку. Тощъ кричиптъ: *караулъ!*... борешся

со мною. Насъ окружающъ. Я рассказываю всѣмъ мое приключеніе; говорю, что онъ укралъ мою шабакерку. Тотъ увѣряетъ меня и всѣхъ, что это не правда; подходимъ къ фонарю и предспавъше мое удивленіе....

С. Такъ-съ.

В. Человѣкъ, котораго я схватилъ, былъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, не шакъ коропкихъ, и мнѣ случалось игривать съ нимъ въ боспонъ.

С. И довольно счастливо?

В. Да не о шомъ.... Посудише, какъ мнѣ было спыдно.

С. Опъ чего?

В. Опъ шого, что я схватилъ невиннаго моего знакомаго и надѣлалъ ему сполько неудовольспвія.

С. Да за что же?

В. Боже мой! я думалъ, что онъ укралъ мою шабакерку.

С. А развѣ у васъ пропала шабакерка?

В. Ну, да, въ саду.

С. Въ копоромъ?

В. Помилуйше, въ Лѣшнемъ.... когда я сидѣлъ на лавочкѣ.

С. Какъ же это случилось?

В. Я вижу, вы ничего не слыхали, что я говорилъ.

С. Извините...какъ досадно, что одно важное дѣло лишаетъ меня удовольствія долѣе побыть съ вами. Когда мы увидимся? Кланяйтесь братцу...

В. (*про себя*) Проваль себя возьми!

3.

“Какъ чрезвычайно играешь С!”,...сказалъ я Тонову, вспрыснувъ съ нимъ при выходѣ изъ концертной залы.—Да, изрядно, прервалъ меня сухо Тоновъ.

Я. Нѣтъ, не изрядно, а прекрасно, несравненно!

Тоновъ. Пожалуй — спа, мой любезный, говори пошише: насъ могутъ подслушать.

Я. Я не вижу въ этомъ бѣды и готовъ при всѣхъ поже самое сказать.

Тон. Соглашаюсь съ тобою, что С. хорошо играешь; но объ этомъ не должно всѣмъ рассказывать съ воспоргомъ: подумають, что ты ничего лучшаго не слыхалъ.

Я. И если это будетъ правда...

Тон. Нужды нѣтъ. Ты все долженъ быть равнодушнѣе къ его игрѣ и даже на-

ходить въ ней большіе недоспашки. Хвалишь не мудрено: всѣ хваляшь—но охуждаешь, показываешь челоуѣка съ изящнымъ вкусомъ.

4.

Х. Что вы такъ спѣшите? Еще рано; посидите не много.

З. Непремѣнно надобно мнѣ ѣхать. Нужно написать два, или три письма и завтра встать пораньше.

Х. Не смѣю удерживать. Вы такъ рѣдки, что я считаю ваше посѣщеніе большимъ для себя подаркомъ.

З. Много чеспи! Прощайте, будьте здоровы.

Х. *(Проводивъ его до сѣней и возвращаясь)* Насилу убрался! Какой несносный! Не знаешь, какъ сбывъ его поскорѣе!

5.

М. Какая охопница Емилія до панцовъ! И надобно опдашь справедливосшь, она панцуешь прелесшно.

Н. Емилія охопница? Помилуй, совсемъ напрошивъ! Сегодня же мнѣ говори-

да, что она всегда вооружается пропивъ панцовъ и охотно желала бы опъ нихъ опказываться, еслбъ только находила къ тому благовидный предлогъ, не оскорбляя приличій.

М. Не можете бытъ—мнѣ сегодня же говорила, что панцы составляютъ любимое ея удовольствіе, что всегда предпочитаете ихъ упоминательнымъ бесѣдамъ и вообще пользуете всѣми случаями, гдѣ можете попанцовать.

Н. А! понимаю! вы любите панцы; я до нихъ небольшою охотникъ.

6.

А. Каждый долженъ сколько можно болѣе знакомиться съ Исторіею, копорая, представляя уму нашему рядъ происшествій съ ихъ причинами и послѣдствіями, учитъ познавать людей, наблюдать болѣе за собою и жертвовать своими выгодами для общаго блага.

С. Вы совершенно справедливы...но...

В. Къ несчастію какъ мало хорошихъ Историковъ, копорые умѣли бы представить намъ эти происшества въ надлежащемъ видѣ. Часно они оспанавливаютъ

и совсемъ не на шѣхъ причинахъ, выводящъ не шѣ послѣдствія и пускающъ въ разсужденія, копорыя вмѣсто того, чшобъ научишь чшпашеля, болѣе сбивающъ его. Я признаю Полипику болѣе полезною для чшловѣка. Тупъ онѣ самъ смопришь на вещи, видишь, чшо иногда бездѣлица имѣешь большое влїяніе на ходъ дѣлъ, болѣе понимаешь духъ времени, характеръ народа и самъ нѣкопорымъ образомъ играешь роль въ современныхъ происшесшвіяхъ.

С. Такъ шочно; я съ вами во всемъ согласень; однакожь...

А. Но совокупность всѣхъ сихъ происшесшвій не служишь ли матеріаломъ для Испоріи? Она опкидываетъ мѣлочи и осшавляетъ только сущесшвенное. — Полипикъ до шѣхъ поръ не можешь судишь основашельно, пока происшесшвія не опойдушъ, какъ говоришь на разспояніе историческое.

С. Эшо правда, было бы излишне вамъ прошиворѣчишь...

В. Не думаю. Жаль только, чшо собиратели матеріаловъ смопрящъ по большой часши на вещи своими глазами. Можемъ

ли полагаешься на вѣрность ихъ извѣстій можемъ ли согласить нашъ образъ мыслей съ ихъ понятіями о вещахъ? Современный наблюдатель если и ошибется въ заключеніяхъ, то поспѣшь можетъ быть выведенъ изъ заблужденія современниками же; опытъ пренія мыслей проявляется истина.

С. Въ этомъ вы весьма правы. (*уходя встрѣчается съ Д.*)

Д. Объ чемъ вы такъ горячо спорили?

С. Да, брашець, предметъ преважный: объ Исторіи и Полипикѣ. Каждый швердитъ свое...конца нѣтъ...

Д. Ты былъ на чьей споронѣ?

С. Я...о, я во всякомъ спорѣ держусь Полипики и убѣгаю Исторіи...съ кемъ-бы то нибыло...

Вал.

МАЛО СНАРУЖИ, МНОГО ВНУТРИ *).

Nec pro protecto quisquam sine grandi malo
Graquam res patitur, studuit elegantiae.

Тотъ стремился къ разоренію, кшо
выказываешь роскошь несоразмѣрную
съ его состояніемъ.

Цлавтѣ. Купецѣ. Дѣйств. III.

Мало снаружи, много внутри, ша-
ковъ былъ девизъ старинныхъ торговцевъ.
Въ молодости моей зналъ я одного купца,
жившаго въ улицѣ Сен-Дени, который вся-
кой день повсюрьялъ эту поговорку: онъ
слышалъ ее отъ отца своего и хотѣлъ
передать дѣтямъ. “Бережливосшь, при-
бавлялъ онъ, душа торговли: безъ нея ни
въ чемъ не успѣваешь.,, Имя эшаго чесп-
наго человѣка было: Г. Лепоффе; на вы-
вѣскѣ у него было написано: *Праводушіе*,
и эша вывѣска не обманывала. Не воз-
можно было найти человѣка честнѣе его.

*) Изъ второй части L’Hermite du faux-
bourg St Germain, par Colnet. 1825. Смолр.
объявленіе о подпискѣ на сію книгу въ IX
№^о *Благоу.*

и добросовѣспнѣ въ исполненіи своихъ обязанностей. Его слово было вѣрнѣ заемнаго письма многихъ изъ его товарищей. Гжа Лепоффе, женщина споль же просныхъ нравовъ и умѣренныхъ желаній, занималась единственно хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣшей, и была совершенно доспойна своего мужа. Примѣрный порядокъ царствовалъ въ ея домѣ; въ немъ видно было то, что такъ приятно мудрому: бережливостъ, споль же далекая опъ скупости, какъ и опъ распочисельности; все нужное, удобно доставляемое посредственнымъ состояніемъ, но ничего такого, что сполько пишаетъ нѣгу и льстивыя щеславію. Входя въ сіе убѣжище древнихъ нравовъ, видя яспность и довольство, изображавшееся на лицахъ всѣхъ жившихъ въ немъ, можно было сказать, не ошибаясь: *здѣсь всѣ счастливы*. И дѣшиспвительно всѣ были счастливы поспому, что всякой полагалъ удовольствіе въ исполненіи своихъ обязанностей. Повѣренныя, вшорое семейство Г. Лепоффе, соединяли дѣяпельностъ съ познаниемъ своего дѣла и любовь къ работѣ съ вѣрностію. Если по воскресеньямъ ходили

они въ театръ, по восхищались памь изящными произведеніями великихъ нашихъ писателей, а не учились у Флѣри рѣзкому тону молодыхъ Маркизовъ. Никогда не рѣшали они судьбы новой пьесы, ибо знали, что надобно учисья прежде, нежели судись, и что ученикамъ непристойно поправлять произведенія своихъ учителей. Такимъ образомъ употребляли они въ пользу уроки мудрости и благоразумія, получаемыя въ нѣдрѣ почтеннаго сѣмейства.

Всеобщая довѣренность къ Г. Летоффе день о по дня увеличивалась; торговля его процвѣтала; онъ былъ счастливъ во всемъ, его окружающемъ и не смарался выдти изъ своей сферы: однакожь, шакъ какъ отецъ его, былъ смаростою Сенш-Мери, по и ему хотѣлось сдѣлаться имъ въ свою очередь; и когда шакое похвальное честолюбіе было удовлетворено, онъ уже болѣе ничего не желалъ; почести не измѣнили его нравовъ. Но Гжа Летоффе, видя мужа своего въ должности, не могла защищиться отъ маленькаго движенія гордости; она не пропускала ни одной обѣдни, ходила даже всегда къ вечерни,

что бы сморгнуть на Г. Лешоффе, съ важностію сидящаго на своемъ мѣстѣ. Она припомъ была весьма чувствительна къ уваженію, которое швейцарь, спорожь и наемщица спульевъ оказываютъ всегда женѣ спароспы; ей даже казалось что безногій, сидяцій обыкновенно у дверей нашихъ храмовъ и предлагающій входящимъ свящую воду, показывалъ видъ, будто хочеть вснапъ, подавая ей кропильницу. Проспимъ эту небольшую слабость добрѣйшей изъ женщинъ; припомъ, въ то время мѣсто спароспы было для честнаго мѣщанина то же, что званіе Герцога-Пера для дворянина.

Въ нынѣшнее время картина, которую начерпалъ я, должна показаться идеальною. Я избралъ нравы, уже опъ насъ опдаленные, но которые не рѣдко встрѣчались прежде между торговцами потому, что въ эпомъ особенно классѣ, споль почтенномъ во многихъ отношеніяхъ, водворялось домашнее счастье. Все измѣнилось; происшествія, которые не нужно напоминать чипапелямъ, повредили головы и разпрогали честлюбіе многихъ. Старыя правила впади въ пре-

зрѣніе; роскошь заспушила мѣсто бережливости; желаніе блистать смѣнило неопѣненную простоту опцевъ нашихъ. *Все наружу*, таковъ девизъ нашего времени; но полно проповѣдывать; примѣръ будетъ полезнѣе наставленій.

У Г. Лепоффе было два сына: Евгенийъ и Теодоръ, которые еще въ дѣтствѣ показывали склонности совершенно противоположныя. Евгенийъ былъ неприхотливъ, любилъ занятіе и всегда употреблялъ въ пользу небольшіе подарки, получаемые отъ родителей; однимъ словомъ, онъ былъ вѣрный соррррр опца своего. Теодоръ, напросивъ того, не боялся ничего такъ, какъ работы, и издерживалъ на пустое всѣ даваемые ему деньги; пренебрегая невинными удовольствіями, которыми бы могъ безъ большихъ издержекъ наслаждаться среди сѣмейства, онъ искалъ забавъ шумныхъ и дорого спующихъ. Приятныя прогулки въ Сен - Жерве, составлявшія любимую забаву всего квартала; даже поѣздки въ Сен-Клу въ гальопѣ — поѣздки, объявленіе о коихъ, сдѣланное за недѣлю, радовало Евгенія, не имѣли ничего привлекательнаго для Теодора. — “Не

шамъ собираешся лучшее обществво, говорилъ онъ: почему бы не поѣхашь намъ во Фраскаши? “Одно имя Фраскаши приводило въ шрепешь Г. Лешоффе, которъй видѣль, что благоразумнѣйшія наспавленія и полезнѣйшіе примѣры были пошеряны для Теодора. Однакожь, пора уже мнѣ сказаць, что Гжа Лешоффе умерла, а черезъ нѣсколько лѣтъ, мужъ ея, не могли ушѣшишься въ споль горешпной разлукѣ, послѣдоваль за нею. Опходя опъ сего свѣша, самымъ шрогашельнѣйшимъ образомъ проспился онъ съ дѣшми своими, повшориль любимую свою поговорку и посовѣшовавъ имъ скорѣе женишься, прибавиль: “вы будете совершенно счасшпльвы, если найдете женъ, похожихъ на добрую вашу машь.,” Таковы были послѣднія слова его.

На другой годъ, оба брапа уже были женашы. Евгеній взяль за себя дочь своего сосѣда спариннаго друга опца его. Адель была шиха, спнизходипельна, бережлива, любила мужа, которъй плашилъ ей шемъ же, и оба съ несперпѣніемъ ждали споль желаемой всѣми молодыми спругами минушы, когда плодь взаимной люб-

ви связываешь ихъ еще пѣснѣйшими узами. Теодоръ избралъ супругу совсемъ иную. Эмилиа (шакъ звали жену его) воспитывалась въ одномъ изъ пѣхъ пенсіоновъ, въ копорыхъ участь всему, исключая того, что нужно знашь доброй жень и нѣжной мапери, и гдѣ получала она три года сряду награды за то, что хорошо держалась и панцовала съ шалью. Легко угадашь, что обѣ пары не долго жили согласно. Теодоръ хошѣлъ передѣлать все въ опцовскомъ домѣ: по его словамъ, мебели устарѣли и ихъ нужно было замѣнить другими новѣйшаго вкуса.— “Нѣшь, говорилъ Евгенийъ: я на это никогда не соглашусь; все, что принадлежало опцу моему, должно бышь для меня драгоценно: можно, конечно, найши мебели болѣе блестящія; но гдѣ взять другія, копорыя бы ему принадлежали?,, “Я думаю точно шакже, говорила Адель: эта шифоньерка нравилась мнѣ чрезвычайно пошому, что она принадлежала вашей машушкѣ.,, — Эмилиа пожимала плечами и презришельно улыбалась. Скоро уговорила она мужа разойтись съ людьми, имѣющими споль грубый вкусъ, что могли при-

вязаться къ вешоши. Рѣшились разлучиться и брашья раздѣлились.

Теодоръ нанялъ въ самой блестящей части Парижа лавку, коюрой огромный фасадъ можно было великолѣпнымъ образомъ украсить, и на другой день всѣ искусства собраны были для опдѣлки этого дворца: архитекторы, скульпторы, живописцы, всѣ шупь нашли работу; геній истощился, что бы украсить лавку. Двойной рядъ колоннъ представлялъ въ маломъ видѣ Пропилеи, или Нарпенонъ: внутри вездѣ золото, бронза и черное дерево отражались въ богатыхъ зеркалахъ; легкія шкани, искусно собранныя, или падающія волнистыми складками, приносили двойную пользу: привлекали вниманіе проходящихъ и заслоняли яркій свѣтъ, невыгодный для продажи поваровъ недоброшныхъ. Когда всѣ эти чудеса были усстроены, Теодоръ не безъ удивленія увидѣлъ, что приданое жены его было едва достаточное для ихъ уплаты: онъ хотѣлъ сократить поданные ему счета; но Эмилія замѣшила ему, что неприлично торговаться съ геніями и что нельзя слишкомъ дорого заплачивать за изящное произведеніе, привлекающее

всеобщее вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ проходящіе оспанавливались передъ эшимъ маленькимъ монументомъ, воздвигнутымъ щеславію купца: одни смопрѣли на него съ глупымъ удивленіемъ; другіе насмѣшливо улыбались. Между шемъ молодые супруги начали убирать свои покои и покупали все, что приходило и мода избрѣли красивѣйшаго; и послѣ того ввѣрили магазинъ свой повѣреннымъ, за которыми никогда не надзиралъ глазъ хозяина.

Зима наступила: Эмилія начала ѣздить по баламъ, и вездѣ удивлялись ея прищности и легкости, которыми бы лучшія наши панцовщицы могли позавидовать. Всякой выхвалялъ ея красоту, ея таланты, и бѣдный Теодоръ, съ которыми она никогда не танцовала, благодарилъ небо за то, что оно даровало ему супругу, споль совершенную. Весной, Эмилія, читавшая въ романахъ прелестныя описанія чистыхъ удовольствій, которыми наслаждаются въ деревнѣ, заставила мужа нанять прекрасную дачу на берегу Сены. Теодоръ нашель, что эта маленькая сельская приходъ была весьма благоразумна. Домъ наняли; молодые су-

пруги проводили шамъ по шри дня въ недѣлю и всегда приглашали шуда всѣхъ друзей своихъ, копорые плашили за обѣдъ комплименшами, леспными болѣе для Эмилии, нежели для Теодора. Однакожь они сознавались, что послѣдній угощаль, какъ нельзя лучше, и что нельзя было благороднѣе разоряшся. Парижь полонъ шакими друзьями, копорые пошчасъ послѣ обѣда смѣюшся надъ своими Амфипріонами.

Мы приближаемся ко времени несчастья Теодорова. Жена его умерла на слѣдующую зиму; шесшь пошребоваль возвраша приданаго; безпокойные заимодавцы пришли шолною. Теодоръ, доведенный до опчаянія, въ первый разъ шогда увидѣль бездну, копорую изкопаль онъ подъ своими ногами. Ему казалось, что грозный голосъ опца вопіеть ему: “зачемъ не подражалъ ты брашу?„ Въ эту минушу добрый брашъ Евгеній бросился въ его объашія. — “Пока предавался ты разсѣянію, я боялся скучашъ шобѣ моими посѣщеніями; шеперь слышу, что ты несчастливъ. Не безпокойшесь, Мм. Гг! прибавиль онъ, обращаясь къ заимодавцамъ:

я принимаю на себя долги брата; имя отца моего обезпечено не будетъ?», — Одиѣ эти слова, сказанныя человекомъ, котораго честность всѣмъ была извѣстна, успокоили заимодавцевъ, и они поспѣху удалились. «Не теряй духа, прибавилъ Евгенийъ: пойдемъ, осмотришь свой магазинъ.» — Онъ началъ развязывать шюки и къ удивленію своему находилъ въ нихъ только сѣно! — Оспановись, братъ, кричалъ Теодоръ: я умираю отъ стыда! — «Довольно: пойдемъ, со мною; счастье живешь еще въ родишельскомъ нашемъ домѣ.» — Пришедъ къ себѣ, Евгенийъ сказалъ: «Адель, блудный сынъ возвратился; убьемъ тельца упишаннаго.» — Адель приняла брата съ величайшимъ радушіемъ, и съ тѣхъ поръ всегда была съ нимъ чрезвычайно ласкова и привѣплива. Теперь, Теодоръ любитъ порядокъ, работу и бережливость: онъ самый смѣпливый изъ Евгениевыхъ повѣренныхъ. Братъ спрашиваетъ его иногда: «не хочешь ли онъ опять жениться?», — Женюсь, когда найду другую Адель. — «О! братъ, такъ видно тебѣ не женишься.» — Адель, слыша эшошь разговоръ бросаешь мужу на шею, съ нѣж-

ностію обнимаешь и просишь поцѣлуд,
ребенку, копорого она кормишь.

А. О.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. Х. Бенк—фу.

Слышишь Богъ мольбы людей...
Слышишь ЦАРЬ—Царя Царей:
Новой честію въичаешь
Царь того, кто дни считаешь
Благотворностью одной.—
Прозорливость, просвѣщенье,
И величье, и смиренье...
Вопь нелестный образъ швой! —
Но доспанешь ли искусствва
Описашь всю силу чувствва,
Всю красу души швоей?—
Неизмѣнный другъ людей!
Жизнь твоя—тебѣ хваленье.
Я же—каждое мгновенье
Посвящу—ЦАРЮ служишь,
И себя—душею чшишь. —

1 Іюля 1826.

С. Висковатовѣ

Элегія.

Какъ милая дѣва, какъ Ангель небесный,
 Манила Надежда меня за собой,
 И мчался за юношей въ край неизвѣст-
 ный
 Мечпаній волшебныхъ таинственный рой.
 Въ возпоргъ я радость вкушала не зем-
 ную,
 И сладосный нектаръ меня насыщала;
 Но райскую ппичку—Надежду злашую
 Я скоро навѣки, увы! поперяла.
 Опчасу мрачнѣй и мрачнѣй спановилась
 Денница прелесная жизни молодой,
 И черною пучею сердце покрылось,
 И вдругъ раскашлся гулъ грома глухой.
 Вспорхнула Надежда—и яодинокій
 Оспался въ семь міръ; свѣтъ жизни у-
 гасъ
 Съ шѣхъ поръ для спрадальца одинъ неда-
 лёкій
 Оспраденъ былъ смерпи желаемый часъ.

П. Клейменовъ.

Θ. Н. Слѣпушкину.

О добрый Русскій Гезіодъ!
 Ты сельской Музою внушенной,
 Войдя въ проспый свой огородъ,
 Подъ пѣнью пѣль уединенной
 Красу луговъ, долинь, полей,
 Жизнь мірную своихъ собрашій;
 Пѣннались пѣснію швоей:
 Вельможа, воинъ и орапай —
 И Музы, милый нашъ пѣвецъ,
 Сплели пѣбъ изъ мирпъ вѣнецъ.

Но ты, идя своей спезею,
 Никшо кошорой не ходилъ,
 Ко счастью достигнулъ ею
 И поле новое опкрылъ.

Какой прелеспный видъ явился
 Мнѣ по швоимъ, пѣвецъ, слѣдамъ:
 Тамъ чистый, какъ хруспаль, кашился
 Ручей по розовымъ цвѣшамъ.
 Тушъ лугъ обширный и зеленый;
 На немъ паслись шпада, рѣзвась.—
 Тушъ бѣепъ спруею ключъ спуденый;
 Къ нему, рука съ рукой сплешась,
 Идушъ паспушки молодыя
 И моюшъ кудри золопыя
 Водю свѣсплой, ключевой.
 Тушъ роща: въ ней паспухъ молодой

Ходилъ измученный опъ зною,
 Искаль въ тѣни себѣ покою.
 А шупъ, подѣ ивовымъ лѣскомъ,
 Пасшукъ юная, младая,
 Творца Небесъ благословляя,
 Сидишь съ любезнымъ женихомъ.
 Здѣсь поле: жашва золошая,
 Какъ перлы свѣшлыя, блещишь.
 А здѣсь вошь хижинка проспая;
 На лавкѣ съ ней пасшухъ сидишь,
 Съ женой съ дѣшми, со всей сѣмьею.
 Предъ ними споль споишь, покрывъ
 Здоровой яспвой и простою.
 И вошь, предъ Спасомъ помолясь,
 За споль съ домашними сядишь,
 И ѣшь и пѣшь благословясь;
 Пошомъ, опяшь перекрещясь
 Вспаешь и мирно спашъ ложишь.
 Все эшо, все казалось мнѣ,
 Не шакъ, какъ въ миломъ, сладкомъ снѣ,
 Но какъ предъ самыми глазами.

О шы, кошорый небесами
 Съ шакой щедрой награждень,
 Чшо могъ Поэзиѣ цвѣшми
 Всему дашь жизнь, какъ Оберонъ!
 Ты силой шайнаго искусствва,
 Плѣняя милой простшой,
 Влилъ въ насъ невѣдомыя чувствва. —
 Собрашъ признашельнѣйшій швой

Тебя чшишь искренней хвалой;
 Прими дань юпоши проспаго;
 Ты слабосць извини мою :
 Опшь сердца я хвалу пою —
 Дашь въ дарь не нахожу инаго.

Крестьянинъ Михаилъ Сухановъ.

Трубчистъ и Угольникъ.

Сказка.

Зимою

Ранехонько часу въ шесшомъ,
 Шель Трубочистъ въ какой-шо домъ—
 Въ рукъ фонарь съ мешлой,
 Веревка съ шаромъ за плечомъ.—
 А Угольникъ, спуча съ мороза каблуками,
 Шель за возами.

Случилося сполкнушься имъ;
 И Угольникъ плечомъ своимъ
 Задълъ порядкомъ Трубочиста;
 А пошь, обидѣвшись, хвашилъ
 Мешлой невѣжду и шакъ чистю,
 Чшо въ снѣгъ его свалилъ.

И зашумѣли:

“Ты замараль, осель, меня!,,
 —Нѣшь, опшь шебя весь въ сажъ я!—
 И дѣло шло опяшь къ дуели.
 Но къ счасью кто-шо ихъ разнявъ,

Такъ помирилъ: “друзья, уймишесь!
 Ну, что дѣлишь вамъ?...Помиришесь:
 Вѣдь ни одинъ изъ васъ не правъ.
 Скажише сами вы, когда бывало
 Чшобъ сажа уголь замарала?,,

С. Ольхинъ.

~~~~~

Лвстецъ.

Когда я бѣденъ былъ,
 Паренъ меня бранилъ;
 Когдажъ я спалъ богашъ —
 Паренъ со мной какъ брашъ!
 Но домъ мой вдругъ сгорѣлъ!
 Паренъ меня презрѣлъ!
 Погибъ мой капишалъ —
 Паренъ изъ глазъ пропалъ!
 Поправился я вдругъ,
 И самъ не знаю какъ, —
 Паренъ опяшъ мнѣ другъ!
 Живушъ ли люди шакъ?

Не шрудно въ свѣшъ жишъ,
 Какъ жилъ Паренъ со мной;
 Но не грѣшноль кривишъ
 Парену шакъ душой?

Н. Скородумовъ.

~~~~~

Восточные Анекдоты *).

Нуширванъ, Царь Персидскій, любилъ разсказывать, какимъ образомъ чувствованіе справедливости въ первый разъ поразило его умъ. “Однажды, въ молодости моей, говаривалъ онъ: увидѣлъ я человѣка, который бросивъ камень въ собаку, переломилъ ей ногу. Спуская минушу, мимо этого человѣка пробѣжала лошадь и ударила его задомъ, переломила ему ногу. Но едва только отскакала она нѣсколько сажень, какъ нога ея попала въ прецину и переломилась. Съ удивленіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ я на все это, и съ тѣхъ поръ спрашивалъ совершилъ пресупленіе;”

Керимъ-Ханъ, Шахъ Персидскій, умершій въ 1779 году, часто разсказывалъ анекдотъ, случившійся съ нимъ въ молодости. “Я былъ бѣднымъ солдакомъ, говаривалъ онъ: въ арміи Надиръ-Шаха и нужда заставила меня украситъ у сѣдельника вышитое золомомъ сѣдло, которое принесено было для починки. Вскорѣ узналъ я, что несчастный сѣдельникъ заключенъ въ темницу и осужденъ на висѣлицу. Совѣсть

*) Изъ *Journal des dames et des modes*.
Francfort 1826

оказала мнѣ, что долженъ я сдѣлать, и я отнесъ свою покражу на то самое мѣсто, откуда похищилъ ее. Я дожидался до шѣхъ поръ, пока пришла жена сѣдельника. Увидя сѣдло, она вскричала отъ радости, упала на колѣна и стала просить Бога, что бы онъ даровалъ возвратившему сѣдло гораздо лучше и богаче эшаго. Я очень увѣренъ, обыкновенно съ улыбкою присовокуплялъ Керимъ, что желаніе доброй женщины много способствовало въ моему возвышенію.,,

Въ царствованіе Гарунъ - ал - Рашида, жилъ въ Багдадѣ знаменитый Астрологъ, по имени Абу-Маширь. Взоры его проникали въ сокровеннѣйшія тайны небесныя; онъ замѣчалъ даже малѣйшія уклоненія едва видимыхъ звѣздъ, и если случались между планетами какія нибудь необыкновенныя феномены, то въ ту же минушу узнавалъ ихъ. Ему извѣстны были тайныя вещи; одинъ взглядъ на швердь небесную открывалъ ему будущее. Тайнства Кабалистики были для него игрушкою, и онъ почитался совершеннымъ знашникомъ въ искусствѣ землегаданія.

Нуманъ, любимецъ Калифа, пользовался чрезвычайными милостями своего Государя; но имѣлъ однажды несчастіе лишиться

ся ихъ: онъ спрашился даже за свою жизнь. Въ такомъ опчаянномъ положеніи Нуманъ рѣшился искашь убѣжища у Машира.

“Сынъ мой, сказалъ ему мудрецъ: я могъ бы укрышь шебя опть преслѣдованій Калифа, если бы не было при немъ одного Аспролога, кошораго обширная ученость спрашишь меня. Постараюсь однако омрачить его глаза, и всѣ его усилія, опкрышь швое убѣжище, будутъ бесполезны.

Напрасно Гарунъ-ал-Рашидъ разсылалъ своихъ воиновъ: нигдѣ не могли опыскашь Нумана. Раздраженный Калифъ, призвавъ къ себѣ придворнаго Аспролога, приказалъ ему упопробить всѣ средства для опкрышія убѣжища бѣглеца.

“Повелишель правовѣрныхъ! сказалъ Аспрологъ, послѣ внимательнаго совѣщанія съ небесными свѣшилами: человекъ, кошораго ты ищешь, скрывается на золотомъ островѣ, находящемся въ кровавомъ морѣ, кошорое окружено мѣдными спѣнами.

Гарунъ покачалъ головою, услышавъ опшопъ загадочный опвѣшь. Познанія его въ Географіи не позволяли ему сомнѣваться въ сущестшвованіи золотого острова и кроваваго моря. “На опшопъ разъ, думалъ онъ: созерцашель небесъ сказалъ неудачно. Впрочемъ увидимъ. „

Вскорѣ однако великодушный Калифъ забылъ просупки Нумана. Прежняя привязанность къ своему любимцу пробудилась въ немъ; онъ горѣлъ неперпѣнїемъ узнать убѣжище несчастнаго изгнанника, кошораго ни лазупчики его съ аргусовыми глазами, ни прозорливоспъ его Аспролога, не могли опкрыпъ.

Повелипель правовѣрныхъ приказаль провозгласилъ по всѣмъ улицамъ Багдада, что онъ прощаепъ Нумана и призываетъ его къ себѣ. Нуманъ, имѣя полную довѣренность къ словамъ своего Государя, вскорѣ являепся къ нему, падаетъ къ подножію его преспола и изъясняетъ свою благодарность въ самыхъ пламенныхъ выраженїяхъ. — “Не будемъ болѣе говорить объ эпомъ, прервалъ его Калифъ: скажи мнѣ только: гдѣ ты скрывался?,, — Государь! опвѣчалъ Нуманъ! мудрый Абу-Маширь далъ мнѣ убѣжище въ своемъ домѣ, посадилъ въ мѣдный кошель, опрокинулъ на меня золошую спупку и попомъ наполнилъ кошель кровїю.—Гарунъ-ал-Рашидъ изумился и поклялся своего бороною загладишь несправедливоспъ, сдѣланную имъ впайнѣ своему Аспрологу.

Книжныя Извѣстія.

Четвертое изданіе *Басень и Сказокъ Александра Измайлова*, напечатанное предъ симъ за пять лѣтъ (въ 1821 году) давно разкуплено. Между темъ Сочинитель, написавъ вновь довольное число *Басень и Сказокъ* и исправивъ по возможности прежнія, приступилъ нынѣ къ *пятому* изданію, которое состоятъ будешь изъ трехъ отдѣленій, или часпей. Въ первой помѣщены собственно такъ называемыя *Басни*, или *Апологи* и *Притчи*; во второй *Сказки*, въ третьей *Опытъ о разказѣ Басни и разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ*. Изданіе сіе печашается въ 8 ку большаго формата на хорошей бумагѣ чешкими и красивыми буквами, а, если будешь довольное число подписчиковъ, то украсишь, сверхъ фроншисписа, или заглавнаго листка, искусно гравированными картинками, а можешь бышь и порешетомъ Сочинителя. Первая книжка, содержащая въ себѣ 54 Басни, оппечатана и раздаешя подписчикамъ. Вторая: *Сказки*, выдаешя въ Сентябрѣ, а третья *Опытъ о разказѣ Басни*, въ Октябрѣ, или по послѣдней мѣрѣ въ Ноябрь мѣсяцъ. Подписка на сіе *пятое* изданіе принимаешя въ С. п. бургѣ, у самаго

Сочинителя, А. Е. Измайлова 5 класса, живущаго и Пескахъ, прошивъ бассейновъ, или прудовъ, въ каменномъ шрехъэтажномъ домѣ наследниковъ Моденовыхъ № 306; въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина, а въ Москвѣ у А. С. Ширяева. Подписная цѣна назначается самая умѣренная, за всѣ при часпи 15 р. За пересылку иногороднымъ прилагашь не нужно. Имена подписавшихся припечапаюшся при 3 часпи.

Первая книжка, ш. е. *Басни*, продается особо по 6 р. Иногородные прилагаюшъ за пересылку 25 к. серебромъ.

Принимаешся тамъ же подписка на *Сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ Александра Измайлова, въ двухъ частяхъ*. Въ первой часпи, которая оканчивается уже шисненіемъ и выдепъ чрезъ недѣлю, помѣщена *Проза*, какъ то: Повѣсти, Разговоры, Письма, Разсужденія, Рускіе Анекдоты, и ш. п.; а во второй *разныя мѣлкія* спихопворенія, кромѣ *Басень и Сказокъ*, кои, какъ выше значишъ, издаюшся особо. Если число подписчиковъ будешъ доспапочно: то и сіе издание украсишся шакже виньешами и гравированными карпинками. Подписная цѣна за обѣ часпи какъ для здѣшнихъ, шакъ и для иногородныхъ 10 р. Имена подписавшихся будупъ припечапаны при послѣдней часпи.

По окончаніи подписки и по выходѣ книгъ цѣна на оныя возвысится.

У Издашеля *Благонамѣреннаго* можно еще получать Журналь сей за 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1825, 1824, и 1825 годы за самую дешевую цѣну, каждый годъ по рознь по *пятнадцати*, а за всѣ *восемь* лѣтъ вмѣстѣ по *стц* рублей безъ пересылки. На пересылку же за каждый годъ особо прилагается по 5 р., а за всѣ *восемь* годовъ 25 р.

Календарь Музб на 1826 годѣ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ, продается въ книжной лавкѣ А. Ф. Смирдина, что у Сицяго моста и у Издашеля Благонамѣреннаго. Цѣна 10 р. въ бумажномъ фушлярѣ. Иногородные прилагаюшъ за пересылку 25 к. серебромъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — № XII.

ОБЯЗАННОСТИ ОТЦЕВЪ.

Самое лучшее занятіе человѣка въ продолженіи его жизни, составляетъ попеченіе о его дѣтяхъ. Онъ долженъ употреблять все свое знаніе, что бы сдѣлать ихъ счастливыми. Отеческая любовь шемъ болѣе достойна удивленія, что личная выгода, смѣшиваясь со всѣми прочими чувствованіями, ничтожна въ этомъ случаѣ. Конечно, добрый отецъ имѣетъ право ожидать отъ своихъ дѣтей почтенія и уваженія; но было бы несправедливо требовать отъ нихъ благодарности и взаимнаго вознагражденія за его труды и попеченія. Дѣти не его должники. Онъ дѣлаетъ то, что добрый отецъ сдѣлалъ для него; а они, въ свою очередь, сдѣлаютъ для своихъ дѣтей, что будетъ сдѣлано для нихъ самихъ. Таковы узы любви и благодарній, образуемая природою!

Но увы! какъ мало людей, въ почтении исполняющихъ отцовскія обязанности

спи; и не потому ли, можетъ быть, сколько дурныхъ сыновей, что еще болѣе дурныхъ опцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, счастье собственныхъ дѣшей менѣе всего занимаетъ ихъ: нѣкоторыя родители оставляютъ ихъ совершенно; но тогда они уже не опцы, а все, что только можно объ нихъ сказать, люди. Большая же часть почищаетъ дѣшей своихъ какъ бремя, которое имъ должно носить, какъ несчастіе, ихъ постигшее. Чемъ болѣе у нихъ дѣшей, темъ болѣе жалуясь они на свои бѣдствія. Они живутъ съ ними по необходимости, почти такъ, какъ больныя съ подагрой, горбомъ, или неизлечимою ранюю. Для нихъ опеческая любовь есть истинная болѣзнь.

Есть опцы, которые чрезвычайно щеславятся темъ, что можно назвать великимъ порокомъ. Въ существѣ своемъ они не лучше прочихъ. Правда, они прилагаютъ величайшее попеченіе о своихъ дѣшяхъ, жертвуютъ для нихъ деньгами, стараются дать имъ, какъ говорится, отличное воспитаніе; но всѣ сіи попеченія, основаны, большею частью, на корысти, то есть, нѣкоторыя изъ опцовъ упо-

преляють дѣшей своихъ, какъ бы орудіемъ честлюбовивыхъ своихъ замысловъ, или глупоспей, между шемъ какъ другіе, для кошорыхъ обязанности опцовскія сѡсоставляють подвигъ, превыше ихъ разумѣнія и горячності, охотно плащящъ за воспитаніе ихъ большія деньги постороннему чловѣку. Въ эпомъ случаѣ прекрасное воспитаніе, кошорымъ шщеславящяся они предъ своими дѣшми, не что иное, какъ предлогъ освободиться опъ нихъ.

Доримонъ, жшшель города * * * въ нижнемъ Лангедокѣ, самый пущый чловѣкъ въ своей провинціи. Занимаясь непрерывно смѣшными проэками и идеями, чуждыми самому себѣ и своимъ роднымъ, онъ не радѣеть о своей шорговлѣ, сѣмействѣ и управленіи своего имѣнія. Когда спаршему его сыну исполнилось 12 лѣтъ, шо онъ, наскучивъ излишнею его живосшію и рѣзвосшію, кошорыя часшо беспокоили его, сказалъ: “время уже опправишь Алфреда учишься въ столицу.,, Напрасно машъ приводила причины, унращивала своего мужа, что бы онъ не удалялъ опъ нея сына—Доримонъ былъ непреклоненъ. Онъ думаль, что Алфредъ ниждѣ не мо-

жестъ получить лучшаго воспитанія, какъ въ училищахъ Парижскихъ; и такъ записали его въ училище Великаго Лудовика. Алфредъ не имѣлъ дурнаго нрава; но будучи избалованъ своею матерью и пренебрежень опцемъ, по необходимости привыкъ онъ исполнять свои прихоти. Сынъ Доримона вступилъ въ такой возрастъ, въ которомъ характеръ ребенка принимаетъ формы и оппѣнки, оспакшіяся на всю жизнь; и потому-то удаленіе Алфреда изъ опеческаго дома, было для него величайшимъ несчастіемъ. Въ училищѣ, правда, не пошворспвовали его капризамъ; но тамъ не было также ни шого сннзхожденія, ни шѣхъ внимательныхъ попеченій и нѣжной заботливости, копорыя прогають дѣшей и съ пользою прошивоборсшвуютъ ихъ дурнымъ наклонностямъ. Алфредъ увидѣлъ, что онъ, среди своихъ товарищей, оставленъ былъ самому себѣ. Безъ опоры и совѣшовъ, не имѣя душеводншеля и получая спроеіе выговоры онъ своихъ учителей, сдѣлался онъ упрямымъ, своевольнымъ, непокорнымъ, и наконецъ—негодяемъ. Доримонъ почти не безпокоился о своемъ сынѣ: онъ не со-

мнѣвался, что бы Алфредъ, находясь въ первомъ Парижскомъ училищѣ, не получили прекраснаго воспитанія.

Впрочемъ онъ просилъ одного своего приятеля, жившаго въ Парижѣ, имѣть надзоръ за его сыномъ и брать его изъ училища въ свободные отъ ученія дни. Но эшотъ другъ любилъ удовольствія; образъ его жизни и правила скорѣе могли привести въ разсѣяніе молодаго человѣка, нежели поселили въ немъ любовь къ порядочной жизни. Одна только мать, въ письмахъ своихъ, исполненныхъ нѣжностію, совѣщовала Алфреду быть трудолюбивымъ и благоразумнымъ; но болѣзнь похищала эту бѣдную мать столь внезапно, что сынъ ея не имѣлъ времени приѣхать къ ней за благословеніемъ.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Алфредъ былъ въ училищѣ. Отецъ не хотѣлъ брать его къ себѣ въ вакантные дни, говоря, что эшимъ отвлечетъ его отъ ученія. Между темъ Доримонъ отправился въ Лондонъ. Проезжая Парижъ, увидѣлся онъ съ сыномъ въ самый день раздачи наградъ. Алфредъ хотя былъ самымъ негоднымъ воспитанникомъ, но очень

поняшень къ наукамъ; онъ получилъ одну изъ наградъ, и съ гордоспью предспаль съ нею предъ опца. Послѣ этого бѣдный Доримонъ уже не сомнѣвался, чпобы Алфредъ не былъ добрымъ сыномъ. Разцѣловавъ его и въ восхищеніи своемъ оспавя ему полный кошелекъ золота, въ поспъ же вечеръ отправился онъ въ Кале.

Доримонъ провелъ нѣсколько лѣспъ въ Англіи; а Алфредъ жилъ въ училищѣ не слыша никогда о своихъ родспвенникахъ, какъ будто никогда и не имѣлъ ихъ. Но, по несчастію, не это огорчало его. Надобно сказапъ, чпю въ осмнадцапъ лѣспъ былъ онъ совершеннымъ негоднемъ.

Наконецъ Доримонъ возвратился въ свою провинцію и думая, чпю лѣспа Алфреда уже не позволяющъ ему долѣе оспаваться въ училищѣ, велѣлъ ему приѣхашъ къ себѣ. Каково же было изумленіе и гореспъ этого неблагоразумнаго и несчастнаго опца, когда замѣпилъ онъ чрезъ нѣсколько дней, чпю Алфредъ слишкомъ далекъ опъ того, чпю бы быпъ совершеннымъ молодымъ челоукомъ! Онъ имѣлъ большіе недоспапки и самыя гнуснѣйшіе пороки. Доримонъ всякой день

сокрушается объ эптомъ, а все еще не знаетъ наспящей причины.

Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ проѣзжая чрезъ городъ **, я остановился у бѣднаго Доримона. Онъ открылъ мнѣ свои горести. Какъ несчастливъ я! сказала онъ. Я ничего не упустилъ для воспитанія моего сына, помѣстивъ его въ лучшее Парижское училище. Тамъ выучился онъ Математикѣ, Исторіи, Географіи, Англинскому, Латинскому и Греческому языкамъ. Погречески, другъ мой! При всемъ томъ онъ гордъ, золь, любитъ каршежную игру, предается распущенству и не имѣетъ ко мнѣ ни малѣйшаго почтенія., Доримонъ! сказала я несчастному моему другу; не Греческій и не Латинскій языки соспавляютъ хорошее воспитаніе. Какъ ни просвѣщай и ни старайся усовершенствовашъ разумъ, но если не обратишь вниманія на улучшение сердца, то такое воспитаніе произведетъ только великихъ и знаменитыхъ злодѣевъ. Для образованія сердца ребенка, первымъ его наставникомъ долженъ быть отецъ.

Съ Франц. Х.

ВЫСОКОМЪРНЫЙ.

Твердоспъ, сила душевная и даже гордоспъ не имѣеть ничего общаго съ высокомѣремъ. Разноспъ между ними споль замѣтна, что нельзя не удивляпсья пому, какъ многіе ихъ смѣшивають. Примѣры такого спраннаго смѣшенія наиболѣе находятп въ вельможахъ и въ людяхъ, вышедшихъ изъ ничпожества. Разсмотримше большую часть эписъ господъ: почти всѣ они смѣрпють съ презрѣніемъ на пѣхъ, копорые говорпють съ ними, и едва удостоивають поклономъ людей, копорые думаютп, что вѣжливоспъ должна бытъ взаимна! Никогда не имѣли они поняпья, что такое наспоющее величье и доспоинство. Правда, въ этомъ опчаспи виновато счастье, копорое почти всегда возноситп на высшую спепень общества минушныхъ своихъ любимцевъ. Перенесенные вдругъ къ почестямъ и могуществу, они забывають, опкуда вышли и вовсе не заботпясь о томъ, что бы ласковоспю и снизхожденіемъ заспавишь проспишь неожиданное свое возвышеніе, увлекаються почти за предѣлы человеѣче-

спва. Прочіе люди, въ глазахъ ихъ, не что иное, какъ бѣдныя созданія, копорыми можно управляшь съ розгами въ рукахъ. Правило ихъ поступковъ соспавляюшь слова: *я такъ хоту*, сопровождаемыя спѣсью, и высокомѣриемъ глупаго счасливца.

Клиніасъ пришель пѣшкомъ въ Парижъ изъ своей провинціи, гдѣ всѣ Клиніасы, отъ отца до сына, занимаюшь должностъ придверниковъ. Нѣсколько лѣтъ пому назадъ видѣли Клиніаса въ рубищѣ, искавшаго обѣдовъ въ городѣ и предмѣспіяхъ. Съ эпою минушы спаль онъ утверждашь, что взойдешъ на высочайшую степенъ, и вопъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, занялъ одну важную должностъ. Всякой другой на мѣспѣ Клиніаса испугался бы; но Клиніасъ имѣешъ росшу 5 фушь, 8 дюймовъ и опличаешся праводушіемъ, которое не что иное, какъ беспыдство. Голосъ у него сильный и звучный; превосходно и съ увѣренноспію декламируешъ онъ нѣкопорыя площадныя фразы о законѣденіи и законодательствѣ: вопъ все полипическое краснорѣчіе Клиніаса! Онъ товоришь: “я рождень для самыхъ высо-

кихъ должностей.,, Ему повѣрили на слово, и онъ живеть теперь въ прекрасномъ домѣ, окруженный лакеями и поварами: Клиніасъ знаетъ, что кухня есть одна изъ величайшихъ шайнь Полишики.

Клиніасъ былъ бы лучшимъ Пашею великаго Султана: ему недостаесть только двухъ бунчуковъ, и когда выгоняесть его изъ службы, то, безъ сомнѣнія, найдетъ онъ себѣ славное мѣсто въ Константинополѣ. Это пренесносный человекъ! Онъ уничтожаесть затрудненія, рѣшаесть вопросы съ необыкновенною легкостью. *Я такъ хочу!* вопъ великій аргументъ Клиніаса; но надобно сказасть, что онъ опираесться и на другіе аргументы, предъ которыми Краснорѣчіе и Логика безсильны.

Но не оставляесть ли когда нибудь Клиніасъ этой спѣси и высокомерія? Да; если вы увидите его въ присутствіи людей, которые имѣють болѣе его власти и могущества, тогда не узнаете Клиніаса. Вы удивитесь смиренію, изображающемуся въ то время на его лицѣ и особенно гибкости его шѣла.

Недавно одинъ человекъ, имѣвшій при-

чину жаловаться на худые его, съ нимъ поспулки, опсправиль къ нему письмо, на кошоромъ сдѣлала слѣдующій адресъ: *Его Высокомѣрю М. Г.* *** Первый изъ сихъ шишуловъ останешся при Клиніасѣ даже и тогда, когда лишится онъ всѣхъ прочихъ.

Съ Франц.

~~~~~

ВЪ ЖЛИВОСТЬ.

Вѣжливоспъ во Франціи еспъ ходячая монеша: шолько почши на нее и нѣшпъ скупыхъ. Вообще распочаюшъ ее съ удивительною легкостію; но она всегда возвращаешся и нелзя сказапъ, что бы эшо были поперянные деньги: всякой увѣренъ, что въ эшомъ случаѣ получишъ вѣрные проценшы. Сѣкшъ вѣжливоспъ для того, что бы пожинапъ. Вѣжливоспъ еспъ шакая вещь, кошорая опличаешъ Француза гораздо больше, нежели всѣ ремесла и искусснва. Въ Лондонѣ, Римѣ, Пешербургѣ и въ Новомъ Свѣшѣ Французъ носишъ печашъ вѣжливоспи первобышной. Впечатлѣніе оной изглаживаешся лишь шолько временемъ; но онъ всегда сохра-

няешъ нѣкоторыя слѣды ея въ своемъ обращеніи. Она измѣняетъ ему подъ всякою личиною, подъ всякимъ нарядомъ.

Французы самый вѣжливый народъ въ мірѣ. Этого достоинства не оспариваютъ у нихъ даже и зависпильные чужеземцы.

Въ вѣжливости придворнаго человѣка замѣтно какое-то подобоспроспие. Если онъ привѣтствуетъ полезнаго для себя чиновника, служащаго при финансахъ, или при какомъ нибудь Министерствѣ, то голова его прираспаешъ, шакъ сказашъ, къ плечамъ, а шѣло мгновенно сгибаетъ, и опъ шакого потрясенія происходитъ въ сей куклѣ родъ смѣшной каррикашуръ, опчаспи забавной и опчаспи доспшой жалоспи.

Купецъ улыбаешся покупщику, вошедшему въ его лавку. Онъ встаешъ, суешпшся около сего случайнаго счастливца, спараетъ опгадашъ, прочешъ въ его глазахъ особенный его вкусъ; услужливая его гибкоспъ предупреждаетъ его прихоспи и причуды. Вѣжливоспъ купца ознаменовываешся любовію къ барышамъ. Впрочемъ это чеспная польза и произво-

димая ею вѣжливостъ есть достоинство коммерческое.

Холодная и сухая вѣжливостъ, оплываетъ человека, занимающагося законами. Въ ней почти всегда замѣтна спѣсь переданства въ борьбѣ съ повелительнымъ закономъ необходимости и уздой обычая. Тяжелая поступь Темеиды сообщается, во всѣхъ дѣйствіяхъ, ея клеверпамъ.

Офицеры Французскіе во всѣ времена обязаны были предспавлять своихъ соопечественниковъ въ вноспранныхъ земляхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они очень хорошо выполнили эту обязанность, ибо вездѣ пользуемся мы доброю славою на счетъ нашей вѣжливости. Припомъ же, такое порученіе довольно трудно и щекошливо, потому что вѣжливостъ почти несовмѣсна съ войною, и сопровождающими ее проказами. Офицеръ Французскій есть, можетъ быть, лучший образецъ наспоющей Французской вѣжливости. Кажется, что мундиръ и шпага придають эту приятную наружность, эшошь рыцарскій видъ, копорые облакаются припомъ еще блескомъ общеспвенныхъ добродѣтелей.

Съ Франц. X.

КАКОВЪ ОТЕЦЪ, ТАКОВЪ И СЫНЪ.

Каковъ отецъ, таковъ и сынъ!...Эпо странное мнѣніе обратилось въ пословицу; приняшую во всѣхъ Грамматикахъ. Сколько примѣровъ опровергающъ оную! Какой сынъ можешь быть увѣренъ, что онъ похожъ на своего отца?

Слово: *разнообразіе*, кажешся, приняла природа своимъ девизомъ; а попому эпо неосновательное предположеніе, что сынъ созданъ по образу своего отца и долженъ покаряться сему сходству, оскорбляетъ ее.

Воспитаніе и таланты природные разрушающъ нравственное родство, соединяющее дѣтей съ отцомъ, хотя бы сей послѣдній жилъ въ грубомъ невѣжествѣ.

Орлы не раждаютъ голубей, сказалъ Гораций. Эпо прекраснѣйшая и поэтическая фигура. Но люди не орлы, или лучше сказать, нельзя сдѣлать сравненія между безмозглыми существами и шакими, копорыя имѣющъ способность рассуждать.

Собака доброе и отважное животное; но если вы не обучите ее, то она сдѣ-

лаешься злою, лукавою и воровкою — и сколько припомь еще она прошивишься неушомимымъ спараніямъ хозяина!

Каковъ отецъ, таковъ и сынъ! Эта мысль, утѣшительная для глупаго чело-вѣка, рожденнаго опъ опца умнаго, или опличившагося какимъ нибудь даровані-емъ, и несносная для того, котораго о-пець осужденъ на жалкую посредствен-ность, не будетъ имѣть успѣха въ об-щесствѣ.

Съ Франц. Х.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВЕРСАЛЬ *).

Госпожа Рондонъ какъ нельзя лучше соопвѣпспвовала своему имени и рев-ностно спаралась поддержаць его, по есть: она была чрезвычайно жирна, оди-накова какъ въ вышину, такъ и въ шири-ну. Это необыкновенное дородство при-обрѣла она еще въ своей юности, при помощи несмѣпшнаго богатства, которое

---

*) Изъ книги: *Surite des souvenirs de mon grand père, par madame la comtesse du Nardouet. A Paris. 1824.*

мужъ ея - игрокъ расшочилъ менѣе, нежели въ полшора года. Впрочемъ Гжѣ Рондонъ остался прекрасный гардеробъ, полученный ею въ приданое, а приданое, которое вспарину давали дѣвицамъ, доспащючно было на всю ихъ жизнь.

Мужъ Гжи Рондонъ умеръ очень кспаши. Вѣрная его подруга не лишилась бодроспи, продала доспавшееся ей небольшое движимое имѣнiе, выговоривъ шолько для себя одну довольно красивую компаншу; но доходъ, приносимый наличнымъ ея капиталомъ, былъ шакъ скудень, что она едва имѣла дневное пропитанiе. Впрочемъ болѣе и не нужно было для расщепливой женщины, кошорая кухню свою замѣняла чужими.

Горестъ Гжи Рондонъ о потерѣ дорогаго ея супруга, не перемѣнила веселаго ея нрава. Довольно было и шого, что она налагала на себя принужденiе во все шю время, въ кошорое приличiе шребуешъ ошъ вдовы имѣшъ слезы на глазахъ, если она не имѣетъ большаго сердечнаго сокрушенiя.

Однимъ словомъ, Гжа Рондонъ была, говоря проспонароднымъ языкомъ, ише

mère la joie, un vrai bout en train. Для шѣхъ, копорые держашь ошкрышый столъ, иногда бываешь очень приятно видѣшь у себя людей подобнаго разбора, освобождающихъ хозяина дома ошъ старанія, временемъ до крайности скучнаго, занимаешь госпешъ своихъ. Хорошій шонъ и ограниченный умъ, вопъ всѣ средства Гжи Рондонъ, съ копорыми однакожь она, какъ нельзя лучше, исполняла эшу обязанность за столомъ, или во время игры послѣ хорошаго обѣда.

Туалешъ Госпожи Рондонъ и веселый ея нравъ доставляли ей входъ въ лучшше Парижскше дома. Она почти не замѣчала своей бѣдности; самолюбю ея лесшно даже было, что она умѣла сохранишь много друзей, лишась того, что привлекаешь ихъ и обыкновенно удерживаешь.

Между шемъ, если баромешрь показывалъ дождь, Госпожа Рондонъ дѣлалась гораздо круглѣе, нежели когда нибудь, испускала тяжелые вздохи, шѣ сердечные вздохи, на копорые она была бережлива со времени кончины дорогаго своего супруга, и вопъ причина ея скорби. Дождь дѣлалъ мостовую очень скользкою, слѣдш-

венно ей сполло большаго шруда дойши, переваливаясь съ боку на бокъ, къ доброхотной приапелницѣ, кошора въ эшошъ самый день ожидала къ себѣ обжорливую вдовушку. Нейши же шуда, было невозможно. Какъ пропуститъ случай, бытъ при вскрыши Амiенскаго пашепа, или индѣйки съ шрюфелями? Скорѣ бы презрѣла она ярящееся море...Фиакръ надобно нанятъ; припомъ какъ выдши изъ него у подѣзда, куда съжающа госпи въ щегольскихъ экипажахъ; а если пройши въ заднiя вороша черезъ большой дворъ, шо паше можно было вымочиться и замараться въ грязи, какъ и пришедши изъ дома пѣшкомъ. Надобно замѣшитъ, что въ ея время фиакръ вовсе не походилъ на нынѣшнiй. Его носили несчастные успалые люди и онъ почитался неблагороднымъ экипажемъ!....

Г-жа Рондонъ, послѣ зрѣлыхъ размышлений о всѣхъ сихъ неудобствахъ, насюащихъ и предсюащихъ, будучи однажды приглашена къ обѣду на другой конецъ Парижа, въ самое ненаспное время, рѣшила нанятъ поршшезъ, кошорый бы принеъ ея къ самой лѣспницѣ дома. Она ушѣшала шемъ

что неимѣющіе экипажа, будутъ смотрѣть на нее также, какъ на многихъ придворныхъ дамъ, и восхищенная эпою счастливою мыслію, поспѣхомъ послала за поршпезомъ.

Но ахъ! не хорошо иногда быть полспою, жирною женщиною *). Носильщики, увидя ее, испугались и объявили, что не могутъ обременить себя такою тяжелою ношею. Взглянувъ на часы, Гжа Рондонъ пришла въ опчаяніе. Наступило время обѣда у Президента Ф.; а онъ, ни для кого на свѣтѣ не пропускалъ эшого времени, ибо зналъ, что *разогрѣтый обѣдъ никуда негодится.*

Къ шому же Г. Ф. уже вышелъ изъ возраста волокишспва, особенно за вдовушками **).

Одинъ воцикъ съ пележкой, но безъ лошади, свидѣтель бесполезныхъ просьбъ Гжи Рондонъ, вызвался отвезти ее въ домъ къ Г. Ф. за двойную плату. Требованіе его было справедливо, пошому что

*) И мужчиною! *Прилѣт. Изд. Благон.*

***) Перезрѣлыя дѣвицы хуже молодой вдовицы. *Изд.*

онъ принималъ на себя бремя двойхъ носильщиковъ. Гжа Рондонъ въ радости общала ему просимую имъ сумму, и вошь она, къ величайшему своему удовольствию, съла наконецъ переважно въ шельжку.

Бѣдный вощикъ общалъ ускорить свои шаги, что бы вознаградишь поспѣвающее время; но вскорѣ замѣнилъ, что онъ слишкомъ понадѣялся на свою силу. Несмотря однако же на то, двигался онъ кой-какъ впередъ съ Гжею Рондонъ, и конечно изнемогъ бы онъ успалоспи, если бы Небо, пронушое жалкимъ его положениемъ, не помогло ему.

Какой-то вельможа ушромъ въ эпошъ самый день отправаясь въ Версаль въ каретѣ одного изъ своихъ приятелей, а можетъ бышь и неприятелей, приказалъ своему кучеру приѣхать за собою вечеромъ.

Кучеръ, подобно всѣмъ слугамъ большихъ господъ, съ нерадѣниемъ повиновался приказанію. Карета, запряженная чешырью сильными лошадьми, едва двигалась по той же дорогѣ, ведущей къ полямъ Елисейскимъ вдоль берега рѣки, по кошорой изнуренный вощикъ шашилъ свою

шелѣжку. Бѣдняку пришло на умъ, привязавъ ее къ каретѣ. Мысль эта показалась ему споль счастливою, что онъ поспѣвъ привелъ ее въ исполненіе, а самъ пошелъ подлѣ шелѣжки. Но къ чему служивъ въ семь мѣрѣ умъ человѣческій? . . . Кучеру вздумалось проснувшись. Взглянувъ на часы, смѣкнулъ онъ, что слишкомъ долго пировалъ въ пракширѣ съ Лафлѣромъ, Жасминомъ, и проч. и проч., и желая вознаградивъ потерянное время, ударилъ по лошадамъ. Онѣ понеслись во весь опоръ.

Вошикъ бросаеися за своею шелѣжкою, бѣживъ, что естъ силъ и не можетъ догнасть ее. Успавъ до смерти, едва переводя духъ, оспановился онъ наконецъ и со вздохомъ проводилъ ее глазами.

Гжа Рондонъ кричитъ, приходитъ въ отчаяніе; никто не слышитъ ее и она лишаеися чувствъ.

Проклятый кучеръ въ полпьяна не видитъ, не слышитъ ничего. Спрахъ лишивъ своего мѣста, заставляеъ его безпрестанно погонявъ лошадей, копорыхъ оспановилъ онъ не прежде, какъ приискавъ въ Версаль, на Швейцарское по-

дворье, гдѣ бывалъ онъ нѣсколько разъ и куда долженъ былъ теперь приѣхать.

Прочіе кучера окружающъ его и спрашивающъ, зачемъ привязалъ онъ къ каретѣ шелѣжку? Онъ думаетъ, что надъ нимъ смѣются; но какъ же удивился безпечный возница, когда увидѣлъ въ ней толстую, пожилую женщину въ обморокѣ. Немедленно оказали Гжѣ Рондонъ нужное пособіе. Жалкая вдовушка сначала не могла понять, какимъ образом очутилась она на Швейцарскомъ подворьѣ въ Версали, вмѣсто того, что бы быть на веселомъ обѣдѣ въ Парижѣ. Наконецъ, опомнясь совершенно, возблагодарила Небо, что не опрокинулась на дорогѣ и такъ дешево опдѣлалась въ эпошъ день, опобѣдавъ только на собственнѣй свой счетъ.

Но слуги, очевидные свидѣтели столь страннаго и неприятнаго съ нею приключенія, не замедлили рассказать о томъ своимъ господамъ. Вскорѣ и въ городѣ и при Дворѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ только о забавномъ путешествіи Госпожи Рондонъ въ Версаль. Наша героиня, узнавъ, что это путешествіе надѣла-

ло сполько шума, первая спала надъ нимъ смѣяшья, и хорошо сдѣлала, пошому что это было лучшее средство обезоружить насмѣшниковъ.

Съ Франц. X.

т т т т т

ЧТО СКАЖУТЪ.

Что скажутъ? Ужасныя слова! Сколько несчастныхъ дѣлаете вы въ семь мѣрѣ! Какое вліяніе имѣете на дѣла человѣческія! Повидимому здѣсь живушь лишь шолько для другихъ, а не для себя. Это ужь слишкомъ пофилософски. Ни одинъ человѣкъ не сдѣлаешь шага въ жизни безъ того, что бы не вооружить прошивъ себя общеспвеннаго мнѣнія. Всѣ дѣла его и поступки носящъ на себѣ печать этой боязни. Хошя бы спояль онъ на верху почестей, или жилъ въ неизвѣспности; хошя бы боролся съ нищешюю, или обладалъ несмѣшнымъ богатспвомъ: но шайный голосъ повпоряешъ въ его ухахъ эти ужасныя слова: *что скажутъ?*

Счастливь пошь смершый, копорый можетъ презирашь ихъ и копорый не забошится о неосновательныхъ полкахъ мѣрскихъ! Хорошо еще, если эшомъ судъ

публики справедливы; но предположимъ, что вы оказываете величайшую покорность его приговорамъ, рабское повиновение его прихотямъ, все таки не въ силахъ будете воспрепятствоватьъ, что бы злоба, зависть, клевета и всѣ мѣлкія страсти, господствующія въ обществѣ, не имѣли вліянія на его сужденія. Зачемъ же добровольно дѣлаешь себя данникомъ этой власти, часто несправедливой и почти всегда пристрастной? Если хочешь быть независимымъ и счастливымъ, то закнипи себѣ уши и иди прямо, не оглядываясь по сторонамъ, когда указываютъ на васъ пальцами. Тогда слова: *то скажутъ?* лишатся своего могущества и силы. Но если желаете покориться этому суду публики, то посмотриши, какому пирану воздаешь почтение. Онъ преслѣдуетъ васъ на всякомъ шагу, налагаетъ на васъ оковы и мучитъ безпрестанно. Не воображайте послѣ этого, что можете носить короткія панталоны, когда мода пребудетъ, что бы они были длинныя; что имѣете право одѣваться по своему. Вы рабъ мнѣнія: *то скажутъ о томъ?*

Передъ революціею жилъ въ Парижѣ одинъ кавалеръ Св. Лудовика. Онъ имѣлъ прекрасный домъ въ улицѣ Rosiers, надъ дверьми кошораго сдѣлана была слѣдующая надпись: “я насмѣхаюсь надъ мнѣніемъ: *то скажутъ?*”, и доказалъ, что дѣйствительно насмѣхался. Обладая большимъ имѣніемъ, повидимому, спарался онъ бытъ спраннымъ, и вель войну со всѣми модами и обычаями своего времени. Иногда видѣли его въ огромномъ парикѣ á la Louis XIV, иногда въ одеждѣ рыцаря XII вѣка. Жизнь была для него непрерывнымъ карнаваломъ. Нынчѣ одѣвался онъ Кипайцемъ, завтра Туркомъ и почти всякой день перемѣняя свой нарядъ, не болѣе одного, или двухъ разъ въ году, являлся въ національномъ костюмѣ. Вся жизнь эпого челоуѣка казалась вызовомъ общеспвеннаго мнѣнія прошивъ его желаній и прихотей, и пошому-шо онъ прослылъ дуракомъ въ своемъ околodкѣ. Но онъ повшорялъ шѣмъ, копорые хотѣли остановишъ его: “я насмѣхаюсь надъ мнѣніемъ: *то скажутъ обо мнѣ?*”, Эшопъ чу-дакъ умеръ въ 1788 году, оспавя все свое

имѣніе бѣднымъ, копорые также почитали его за дурака.

До-бо...

~~~~~

ЖАЛОБЫ СУПРУЖЕСКІЯ.

Мужья и жены безпрестанно жалуясь другъ на друга, и если бы не было извѣстно, какія бездѣлицы дають иногда поводъ къ жалобамъ и упрекамъ, по можно было бы подумашъ, что почти во всѣхъ домахъ шерпяшъ несносныя мученія. Мы всегда готовы почиашъ себя злополучными, и когда, несмотря на безпрерывныя усилія, не можемъ открышь причины нашего несчастія, то убѣждаемся, что оно происходитъ отъ несогласнаго супружества, ибо въ противномъ случаѣ, мы сами были бы виноваты, что не обратили препятствія къ своему благополучію. Анапомнимъ часто замѣчали, что хотя наши болѣзни довольно многочисленны и опасны, но если обратишь вниманіе на строеніе нашего шѣла, на чувствительность нѣкоторыхъ частей, на нѣжность другихъ, и наконецъ, на безчисленное множество плоскихъ потреб-

ностей, копорыхъ совокупность необходима для нашего здоровья, по должно удивляться гораздо болѣе продолжительности нашего существованія, нежели краткости онаго.

Не могу воздержаться отъ подобнаго разсужденія при помышленіи о томъ, какимъ образомъ обыкновенно заключающіяся браки. Скупой и проныра выбираютъ себя подругу единственно для того, что бы раздѣлить ея постель и споль; не осведомляясь ни о чемъ болѣе, какъ только о помышьяхъ и наличныхъ деньгахъ, копорыми она владѣеть; волокита и вертопрахъ на всю жизнь свою соединяющіяся съ женщиною, копорую видѣли они только при свѣтѣ люстры на балѣ; опцы и мащери составляютъ спашьи брачнаго договора для своихъ дѣшей, не спрашивая у нихъ только о согласіи. Одни женятся для того, что бы имѣть потомство и шемъ самымъ брашьевъ своихъ лишить всѣхъ надеждъ, а другіе бросающіяся въ объятія женщинъ, копорыхъ не любящъ, или пошому что сами были опвергнушы пѣми, копорымъ желали понравиться, или что бы жить шакъ, какъ всѣ

живушъ, или чшобъ избавишья опъ самихъ себя, и ш. п. Послѣ этого, какъ не уди-вляшья, не шому, чшо супружесшва ино-гда бываюшъ несчастны, но чшо оныхъ еще шакъ мало.

Сѣ Франц. Х.

~~~~~

ВОСТОЧНЫЯ СКАЗАНЫЯ.

1. Пирѣ Хозроя.

Послѣ знаменитыхъ побѣдъ надъ народами чуждыми, обшашелями странъ опдаленныхъ и непроходимыхъ, премникъ Нуширвана — славный Хозрой наслаждался спокойствіемъ и забавами среди роскоши и великолѣпія, на живописныхъ брегахъ Делоса, шихо капящаго свои волны чрезъ густыя роши, иногда шолько оглашаемыя рогами ловчихъ, сопровождающихъ сильнаго своего владыку, или кликами спражей, распавленныхъ у дворца его.

Однажды, послѣ счастливой охоты, Хозрой учредилъ великолѣпный пиръ въ огромномъ дворцѣ своемъ, гдѣ собраны были всѣ богатшва Азии, все рѣдкое и необыкновенное. Мраморныя палаты освѣщены были множествомъ огней, въ зла-

шѣ и сребрѣ отражающихъ яркій блескъ свой. Благовонные ѳиміамы курились изъ золотыхъ кадильницъ. Драгоценныя ковры Левантскіе разоспаны предъ мягкими ложами. Самоцѣнные камни Голконды украшали шелковыя наряды безчисленныхъ госпѣй. Крупныя алмазы блиспали на Дамасскихъ кинжалахъ и на чалмахъ военачальниковъ. — Рабы разносили вкусныя ясхва и дорогія вина Кипрскія. Придворныя льстецы превозносили доблести, славу и несмѣнныя сокровища Хозроя; клялись, что солнце, съ того времени, какъ оно совершаетъ печеніе свое, еще не видало завоевателя столь славнаго, Государя столь великаго и мощнаго, какъ повелитель храбрыхъ Персовъ.

Царь душевно веселился и радость блискала на лицѣ его.

“Сильный владыка неизмѣримыхъ спранъ Востока! позволь рабу своему обратишь къ тебѣ рѣчь,—сказалъ спарець, кошораго не шкани, не дорогіе камни украшали, но бѣлыя власы главы его и сѣдая, до чреслъ низпадающая брада.

—Всегда внималъ я швоимъ совѣшамъ и теперь хочу послушать ихъ—опшѣншвовалъ Хозрой.

“Вопшь подобіе жизни нашей! продолжалъ мудрецъ, указывая на курящуюся кадилъницу. Жизнь горишь какъ огонь, и преходишь шакже скоро какъ дымъ сей, разсѣивающійся въ пространствѣ.—Огонь угасаешъ, дымъ подымается вверху и изчезаетъ, но его благоуханіе еще остаешся въ черпogaхъ: такъ благодѣянїями исполненная жизнь оставляешъ по себѣ неувядаемую славу; душа добродѣтельнаго радостно оставляешъ мїръ сей и возноситъся къ непопухающему солнцу, гдѣ истинная слава и вѣчное великолѣпіе окружають ее въ свяшыхъ черпogaхъ. Такъ и швоя жизнь и швоя слава, Государь, пройдушь какъ шѣнь, какъ вихрь улешящъ. Попщисъ содѣлашъ счастливыми народы, шибѣ покорные; люби ихъ какъ дѣтей швоихъ; сіе приятно всесильному Творцу мїровъ.”

Чело Царя омрачилось; кажешся какое-шо раскаяніе шревожило его душу.—

2. Абдулѣ-Вагеба.

Еще покоилось, солнце, погруженное въ волнахъ Океана Индѣйскаго. Роспокъ лишь шолько начиналъ багрянѣшь, и мер-

цали попухающія звѣзды, памъ и сямъ разсѣянныя по синевѣ Запада. Мерпвенная пишина царствовала въ многолюдномъ Дрегіегѣ, и прерывалась шолько просяжными окликама спражей на башняхъ его. Безпредѣльныя спепи покоились еще въ объятіяхъ сна. Съ Сѣвера, Востока и Запада мрачная даль сливается съ небомъ; съ полдня возвышающіяся горы Надеда, которыхъ вершины уже горѣли, освѣщенныя лучами солнца.—Все еще покоилось: лишь шолько вѣпръ взвѣвалъ мѣспами песокъ пуспынный, лишь шолько Абдуль Вагеба бодро развѣзжалъ на черномъ конѣ предъ спущниками славы своей и ревностными послѣдователями его ученія.— Одноцвѣтные плащи и бѣлая чалма соспавляющъ ихъ одежду; длинное копье, оспрая сабля и мешкій арканъ ихъ оружіе.

“Взгляните на сіи звѣзды, сказалъ Вагеба, обрапясь къ ученикамъ: сколь ярко горѣли онѣ, когда еще мрачный покровъ ночи лежалъ на небѣ! Какъ радостень ихъ свѣпъ для спранника запоздалаго на дорогѣ, или для богашыхъ каравановъ, зашпигнурыхъ ночью средъ безбрежнаго песчанаго моря: шакъ среди мрака невѣде-

нія блискаєшь мудрость людей! шакъ ослѣпляюшя ею слабые смершные!.,

“Обратите шеперь взоры ваши на Воспокъ. Пурпуръ изчезаєшь и солнце являєшь величешвенное чело свое; лучи его разсыпаюшя по обширному своду и звѣздъ болѣе не видно: подобно сему низпосылаєшя свыше премудрость божешвенная, драгоцѣннѣйшая всѣхъ сокровищъ міра, блескомъ своимъ ослѣпляющая мудрость человѣковъ.,

“Смошрите! благодарнѣльное свѣпило уже высоко взлешѣло надъ горизонтомъ. Вся природа снова воспріяла жизнь; все дышєшь веселіємъ: шакъ небешная мудрость, озаряя умы людей, даєшь имъ новое, радощное сущєствованіє!.,

— Скажи, учишєль! гдѣ найдемъ сіє не-проходящее блаженство, сію опраду сердцеъ осирошѣлыхъ?—

“Тамъ — въ горнемъ жилищѣ благаго Творца міровъ обишаєшь она. Молишєшь и проливайтє слезы раскаянія; всєсильный Алла озаритъ ею сердца ваши.,

Всѣ пали ниць и единогласно возсла-ди мольбы къ небесамъ.

С. Куторга.

ПОТЕРЯННЫЙ РИДИКЮЛЬ *).

Нѣсколько дней тому назадъ, вечеромъ въ одиннадцатъ часовъ, проходя подлѣ шеапральной залы, почувствовалъ я подъ ногою что-то мягкое—подымаю и вижу дамскій ридикюль. Успалось моя была причиною, что я оплохилъ до слѣдующаго утра свое любопытство — осмошрѣшь эпошь ридикюль, безъ чего впрочемъ мнѣ и нельзя было узнать, кому принадлежишь онъ, что бы опослать его по принадлежности.

На другой день приступилъ я къ описи. Тяжкій баписповый носовый плашокъ съ лип. М...и кошелекъ съ нѣсколькими золотыми и мѣлкими монетами, не принесли никакой пользы въ моемъ опкрыши. Эшо заставило меня бышь нескромнымъ и развернуть записную книжку, въ кошорой находисъ множество замѣчаній и нѣсколько писемъ, или записокъ безъ адресовъ. Быспро прѣбъжавъ эшу книжку, я не нашель въ ней ничего особенна-

---

*) Изъ Journal des dames et des modes: Francfort. 1826.

го; но прочитавъ ее въ другой разъ съ бѣльшимъ вниманіемъ, участіемъ и удовольствіемъ; легко убѣдился, что она принадлежишь молодой, прекрасной, умной и чувствительной дамѣ. Читатели сами могутъ о томъ судить. Обнародованіе нѣкоторыхъ изъ сихъ замѣчаній, дѣлающихъ честь особѣ, писавшей оныя, пославишь ее въ возможность получить изъ конторы сего журнала поперянный ею мѣшокъ: для этого доспашочно будете описать только форму и цвѣтъ онаго.

“Съ нѣкотораго времени Алфредъ говоришь со мною менѣе, а между темъ глаза его почти всегда устремлены на меня. Не искренно ли онъ меня любить?,”

“Я рѣшилась не нанимать ложа во время предспавленія для госпожи Моншессю, и деньги, которыя бы заплашила за нее, отошлю къ бѣдному сѣмейству.,”

“Лучше оспашься дома въ субботу, нежели скучать на балѣ. Впрочемъ и онъ не будетъ тамъ.,”

“Алфредъ носишь жилеты одного цвѣта съ любимыми моими шляпками и плащами. Этошь молодой человекъ очень опасень.,”

“Всѣ говорятъ мнѣ, будто я хороша собою. Одинъ только онъ еще не говорилъ мнѣ этого. Кажется, что я опасалась бы его гораздо меньше, если бы онъ льстилъ мнѣ также какъ и другіе.,”

“Маленькая Графиня уѣхала отъ меня и много наговорила мнѣ о своихъ благошвореніяхъ. Я ни слова не сказала о моихъ бѣдныхъ пенсіонеркахъ. Довольно имѣть одну горничную своею повѣренною.,”

М...сказала при мнѣ, что боль, происходящая отъ уязвленія булавкою, для насъ гораздо чувствительнѣе, нежели смертельный ударъ, нанесенный лучшему нашему другу. Поразмысливъ о семъ, я нахожу эту мысль справедливою; но она очень прискорбна.,”

“Алфредъ пришелъ вчера въ ложу передъ окончаніемъ балета: *Сандрильонъ*. Съ самаго начала спектакля, онъ не оставялъ балкона. Зашла рѣчь о нашихъ шанцовщицахъ, особенно же о дѣвицѣ Лезюёръ. Прочіе мужчины говорили, что она прелестная женщина; онъ же говорилъ только о ея шанспѣ. Конечно, я не ревнива; но внутренно благодарила его, что онъ занимался однимъ только шанспомъ дѣвицы Лезюёръ.,”

“Съ шѣхъ поръ, какъ я сказала при
нелѣ нѣсколько словъ на счешъ спраспи
 къ игрѣ, узнала, что онъ уже не ѣздишь
 болѣе въ клубъ.,”

“Назадъ тому три дни Алфредъ дол-
 жень былъ принять участие въ охотѣ.
 Наканунѣ этого дня у Евгениі говорили
 объ одномъ человекѣ, копорый раздробилъ
 себѣ руку ружейнымъ выстрѣломъ. Алф-
 редъ замѣшилъ, что я съ безпокойствомъ
 слушала подробности этого приключенія
 и спустя нѣсколько минутъ сказалъ рав-
 нодушно, что непредвидѣнныя дѣла не
 позволяють ему быть на охотѣ. Слова
 сіи не укрылись отъ меня; сердце мое
 забилось отъ радости и онъ замѣшилъ
 это. Какъ я въипрена!.,”

“Я бы хотѣла, что бы кто нибудь
 объяснилъ мнѣ, почему желали бы мы
 скрыть нѣкопорыя шайны, и при всемъ
 томъ, очень бы сожалѣли, если бы ихъ
 не опгадали.,”

X.


~~~~~  
 СТИХОТВОРЕНІЯ.
 ~~~~~

Сынъ надъ гробомъ отца.

Элегія.

Просни, безцѣнный прахъ чувствитель-
 ность мою,
 Что сынъ швой гробъ кропишь печальною
 слезою.
 Бышь можешь, тишину нарушу я швою,
 Просни...я шель къ тебѣ сыновнею спе-
 зёю.
 Возстанъ изъ гроба ты хощь шрудною спо-
 пой;
 И узришь какъ луна, кашая надъ тобою,
 Сребришь могильный крестъ; прорвавши
 крепь нѣчной,
 Ошрадный лучъ ея играешь надъ водою;
 Какъ крѣпкій дубъ, челомъ взнесся къ
 облакамъ,
 Накрыль онъ василекъ сѣнисшими вѣпъ-
 вями;
 Предспавилсябъ швоимъ плѣнишельнымъ
 очамъ
 Лазурній горній сводъ, усыпанный звѣзда-
 ми.
 Но льщусь напрасно я будишь безмолвный
 прахъ;
 Однажды мы живемъ въ сей суешной юдо-
 ли!

Невняшенъ голосъ нашъ почиющимъ въ гро-
 бахъ,
 И хладный пруть живишь мы не имѣемъ
 воли.
 Гдѣжь солнце милое злапыхъ моихъ на-
 деждъ,
 Душа спокойствія, краса моихъ желаній?
 Могуль себя найши средь прочихъ ясныхъ
 звѣздъ?
 Я жизнь влачу среди цѣмыхъ воспомина-
 ній:
 Я помню, какъ швой лучъ пушь жизни о-
 свѣщаль,
 Когда я брель къ мешъ запушанной про-
 пою;
 Несчастій шучу онъ какъ быспро разго-
 няль,
 Когда она крыломъ нависла надо мною.
 Родисьель! помню я весенній упра часъ,
 Когда съ шобою мы брегъ Невскій посѣща-
 ли.
 Все мило было шамъ! все радовало насъ:
 Какъ воды свѣшлыя высокій брегъ ласка-
 ли;
 Какъ солнце красное, прервавъ природы
 сонъ,
 Усыпало Неву злапистой чешуею;
 Какъ робкая луна, за шемный небосклонъ
 Скашлась съ звѣздами спыдливою спруею.
 О время люшое! уносишь въ данъ вѣкамъ

И сердца пишину и жизни скороспеч-
носшь.

Жестокое! внемли души моей слезамъ:
Скорѣй мнѣ возвраши бывалую безпечносшь.

Н. Буцилакинъ.

~~~~~

Пловецъ.

Элегія.

Напрасно ищешь взоръ родимыхъ береговъ:
Страны безпечности, страны очарованій,
Спокойствія души мнѣ не найши слѣдовъ!
За завѣсь скрылося нѣмыхъ воспоминаній.
Гдѣ ясная звѣзда обманчивыхъ надеждъ?
Измѣнница . . . не пы ль приманчивой кра-
сою
Горѣла для меня яснѣе прочихъ звѣздъ?
И чтожь? . . . обманушый, неопышной ру-
кою
Я опвязалъ челнокъ и предался волнамъ.
Вдругъ ясный неба сводъ одѣлся грозной
пучей
И легкій мой челнокъ къ невѣдомымъ спра-
намъ,
Колелясь, на хребтѣ лешишь волны ки-
пучей
Молю себя, звѣзда! сердечною слезой

Хоть шускло засвѣшисъ надъ чуждою спра-
ною!
Ахъ! скрыласъ въ шучи ты искривленной
спезей
И смерти жду шеперь я съ каждою волною:

Н. В.

~~~~~

Болѣзнь ожиданія.

Аглая! обожашель швой,
Судьбѣ послушешвуя гнѣвной,
Съ шѣхъ поръ, какъ видѣлся съ шобой,
Хвораетъ язвою душевной.
Дивяшся немощи моей —
Ее и время не врачуешь,
И свойствъ ея не разшолкуешь
Усиліе самихъ врачей.
Она мечшамъ моимъ мѣшаетъ
Къ тебѣ направилъ свой полѣтъ,
И умъ разсѣянный пугаетъ,
Переграждая мыслямъ ходъ.
Какъ будшо камень необьяшннй,
Положенъ на груди моей;
Мнѣ люди спали непоняшны,
Я непоняшенъ для людей.
Какой-шо мракъ мѣшаетъ взору
Глядѣшь на красопы небесъ,
И даже даръ во мнѣ изчезъ
Бышь сопричасшнымъ разговору:

Души не радуешь ничто:
 Ея послѣднее имѣнье—
 Твоихъ красоть изображенье—
 Опъ ей насильственно взято.
 Но счастье пусть ко мнѣ сурово:
 Мнѣ замѣнишь его пошъ мигъ,
 Въ который я изъ успъ твоихъ
 Услышу радостное слово.
 Узнай же бѣдствія мои:
 Меня терзаетъ *ожиданье*,
 Какъ примешь ты мое признанье,
 Признанье истинной любви.

А. Б.

~~~~~

Къ С. Г.

Прекрасный другъ! я докучать не смѣю:
 Кому твоя рука назначена судьбой;
 Кто раздѣлишь блаженство дней съ то-
 бой;
 Кто назовешь тебя *своею*!
 Но счастливь пошъ! ошо всего вдали,
 Тебя одну на мигъ не покидая,
 Онъ лишь по времени минувный гость зем-
 ли,
 По чистымъ радостямъ—онъ вѣчный жи-
 шель рая!...
 Твоя любовь, какъ тайный произволь.
 Всегда правдиваго, свяшаго провидѣнья:
 Предохранишь его опъ неизбежныхъ золь,

И опведешъ опъ искушенья.
 Твоя любовь, какъ одинокій фаръ,
 Сіяя спрашникамъ спасеньемъ неизмѣннымъ,
 Замѣнишь въ жизни сей ему волшебный даръ:
 Зрѣшь цѣлый міръ—въ одной соединеннымъ.
 Спокойствіе души и сладости опъ прудовъ—
 Твоя любовь упрочитъ въ немъ несмѣнно.
 И все, что на земли Творцемъ благословенно —
 Все принесешь ему своя любовь.

А. Б.

~~~~~

Къ ней же.

Спрадалица желаній неизбѣжныхъ !
 Минувшаго не воропишь;
 Пора, пора въ восторгахъ нѣжныхъ
 Другому чувства перелишь.
 Пора поминельнаго плѣна
 Распоргнушь цѣпь въ родной сѣмѣ,
 И подъ свѣпильникомъ Гимена
 Начашъ другое бытіе.
 Твои лѣша съ шобой въ разладѣ —
 Ты медлишь, а онъ бѣгушь!
 Мой другъ! онъ свое возмушь,
 А ты останешься въ накладѣ...
 Прими мой искренній совѣшь
 Оставъ надежды и мечшанья,
 Оставъ причуды ожиданья—
 Въ нихъ счастья прямаго нѣшь.

Въ любви медлишельность постыдна;
 Не для себя ты рождена;
 Твоя судьба тогда завидна,
 Когда съ другимъ сопряжена.

А. Б.

~~~~~

Ө. Н. Слѣпушкину.

Когда, Поэшь мой милой,
 Когда ко мнѣ придешь,
 Любви и дружбы силой
 Ты радость въ грудь прольешь?
 Приди, уже гоща
 Хлѣбъ-соль, плоды, вино;
 Для гоща дорогова
 Оно запасено.
 Даръ, посланный отъ Бога,
 Мы вмѣстѣ раздѣлимъ;
 Въ садужь себя не много
 Прохладой освѣжимъ.
 Прияшно въ немъ съ побою
 Мнѣ будешь погуляшь;
 И есть чемъ той порою
 Нашъ взоръ увеселяшь:
 Тамъ липы и берёзы,
 Различные цвѣшы:
 Левкой, гвоздика, розы,
 Смородины кусты.
 Вокругъ все зеленѣешь,
 И мило все цвѣшешь!

Зефиръ прохладный вѣшъ,
 И въ грудь опраду льешъ.
 Средь сада небольшая
 Бесѣдочка спойшъ,
 И видомъ хощь проспая,
 Но насъ повеселишъ.
 Могу тебѣ признашся:
 И въ шумныхъ городахъ
 Мы моле ль наслаждашся
 Природою въ садахъ.
 Меня швоимъ ты чшенемъ,
 Какъ другъ, повеселишъ,
 Минуту съ восхищенемъ
 Въ то время подаршъ!
 Уже мнѣ веселѣ
 Отъ мысли спало сей:
 Душѣ моей милѣ
 Свирѣли нѣшъ швоей!

И. Базилевскій.

~~~~~

Франтѣ и Парикмахерѣ.

Быль.

Франшъ Парикмахеру сказалъ:
 “Сегодня ѣду я на балъ;
 Поправь мнѣ голову,, — А шощь опшвѣ-
 шиль смѣло:
 (Смышленный малой быль, нешрусъ)

Поправишь волосы, вопшь эшо наше дѣло;
А голову, сударь, поправишь не берусь.—

С. Олыхинъ.

~~~~~

МЫСЛИ *)

Трудно выдерживашь нѣкопоре время безъ скуки разговоръ челоуѣка, если онъ не имѣеть желанія, о какомъ бы предметѣ ни заговориль, нравишься и блисшашь.

Взаимная любовь была бы непроницаема, если бы предшествующія обстоятельства не обнаруживали ее. Онъ соспояшь въ начальныхъ угожденіяхъ, небольшихъ услугахъ, щцапельномъ вниманіи, въ смяшеніи, принужденномъ молчаніи, въ меланхолическомъ и скромномъ видѣ, копорые не укрывающся опшь замѣчаній любопытныхъ и ревнивыхъ.

*) Изъ Journal des dames et des modes. Francfort. 1826.

Благошворительность въ высшей степени не есть удѣлъ богатыхъ людей. Не зная пягоспи золь, копорыхъ никогда не испытывали, часпо опказываюшь они несчастному въ пособіи, которое для нихъ легко было бы сдѣлать.

Дружба можетъ происходить опъ благодарности; любовь же никогда.

Счастіе, или случайное могущество, производяшь болѣ враговъ, нежели доспоинство.

Лучше любяшь пользоваться уваженіемъ, нежели добрымъ о себѣ мнѣніемъ: одно къ намъ ближе, другое же удаляется опъ насъ.

Скромность есть привычка спыдли-
воспи.

Обуздывай свой языкъ: одно слово, неоспорожно произнесенное, подобно спрѣ-
лѣ, копорая уже не возвращается въ пу-
спившую ее руку.

Правила, сообщаемыя юношескому возрасту, можно, уподобивъ буквамъ, вырѣзаннымъ на корѣ молодого дерева: онѣ увеличиваются по мѣрѣ того, какъ дерево вырастаетъ.

Хорошія дѣла супъ капишалы, копорыхъ нельзя поперяшь чрезъ банкротство.

Бережливость безъ доброхотства перераждается въ скупость, а доброхотство безъ бережливости производитъ расточительность; но будучи въ соединеніи, онѣ образуютъ превосходный характеръ.

Кто хочетъ успѣшь въ свѣтѣ, снискаеть довѣріе и приобретаетъ уваженіе: шопъ не долженъ забывать, что люди рѣдко даютъ, но предоспаляютъ брашь.

Обыкновенно говорятъ: *республика наукъ, царство любви*. Не правильнѣ ли было бы говорить нынѣ: *царство наукъ, республика любви?*

Почти всѣ люди, даже и пѣ, копорыхъ называютъ честными, охотнѣе плапятъ за общаемья, нежели за оказываемья услуги.

Тщеславіе болѣе, нежели благоразуміе, дѣлаетъ людей скромными.

Искусство губитъ время служитъ не рѣдко вѣрнѣйшимъ средствомъ для приобращенія счастья, нежели искусство хорошо употреблять оное.

Зло есть не иное что, какъ безпорядокъ природы; добро не только есть слѣдствіе порядка, но даже цѣль, къ которой природа добровольно спремилась въ ходѣ своемъ и законахъ.

“Вопь, сказала однажды покойная Маркиза Креки: описаніе жизни довольно справедливое и слѣдственно довольно прискорбное: въ дѣтствѣ и почти всегда въ юношесствѣ *зависимость и недостатокъ.*

Далѣ слѣдують *страсти и виды*; попомъ въ лѣпахъ зрѣлыхъ и преклонныхъ болѣзни и пожертвованія; наконецъ *драхлостъ и смерть*. — Стоишь ли же того, что бы родиться! — скажешь иные. Но кто можешь говорить такимъ образомъ? Развѣ ты только, которые не умѣли ни любить, ни мыслить.

Кто не знаетъ, что совершенное счастье есть химера, обманчивая мечта неопытности? Плапоть опредѣляетъ его такъ: *существо всегда рождающееся и никогда не существующее*. Самыя вѣрныя наслажденія суть ты, которые замѣняютъ или блага, коихъ мы болѣе не имѣемъ, или коихъ не можемъ имѣть. Наконецъ, утѣшенія составляютъ единственное счастье, какое только можно ожидать здѣсь на земли. Первое мѣсто изъ оныхъ, по справедливости, должна занять та скромная и молчаливая Философія, которая будучи непришельницею свѣта, открываетъ намъ, что большая часть наслажденій, коими обольщаемся наше воображеніе, суть ложныя. Впро-

чемъ одни только прямыя умы и чувствительныя души способны къ этому роду Философіи. Когда же есть припомъ склонность къ наукамъ, или искусствамъ, то жизнь можешь назваться самою счастливою.

Сама природа поставила между людьми неравенство въ силахъ физическихъ и моральныхъ, которыя установили и неравенство въ состояніяхъ.

Твердость ума и то, что называющъ силою характера, суть качества совершенно различныя между собою. Нерѣдко одно бываетъ безъ другаго. Тотъ кто имѣетъ твердость ума, не всегда имѣетъ твердость характера и весьма несправедливо смѣшивающъ ихъ между собою. Но прозорливый наблюдатель никогда въ нихъ не ошибется, и можно, кажется, сказать, что первая не иное что есть, какъ наружный видъ другой.

Моралисты, утверждающіе по ненависти ли къ людямъ, или изъ робости,

что человекъ не можетъ ничего сдѣлать для собственнаго своего благополучія, впадая въ величайшее заблужденіе, ибо разумъ служишь, по крайней мѣрѣ, къ искорененію мнимыхъ золь.

Сб Франц.

~~~~~

С М Ъ С Ъ.

Бордосскіе листки упоминають о многихъ поскупкахъ, доказывающихъ мудрую вѣротерпимосшь и просвѣщенную благошворительносшь почтеннаго памошняго Архіепископа, оплакиваемаго всею епархіею. Изъ оныхъ замѣтили мы особенно слѣдующій.

“Ваше Высокопреосвященство! сказали ему однажды: какая-то бѣдная женщина пришла просишь васъ о вспоможеніи. Что прикажете дашь ей?,, — Какихъ она лѣшь?—“Слишкомъ семидесяти., — И очень бѣдна?—“По крайней мѣрѣ она шакъ говоришь.—“Надобно ей повѣришь. Дайше ей 25 франковъ.—“Это уже будешъ очень много, Ваше Высокопреосвященство: вѣдь она жидовка.—“Жидовка! Боже мой!—,, Точно шакъ, Ваше Высокопреосвященство., — О

это совсемъ другое дѣло. Дайте ей 50 франковъ и поблагодарите ее за посѣщеніе.—

Самъ Фенелонъ лучше ли бы этого сдѣлалъ и сказалъ?

Съ Франц. В.

Письмо Франклина къ одному бѣдному иностранцу, который просилъ у него займа денегъ.

Посылаю при семъ требуемыя вами займы 10 луидоровъ. Когда возвратишься въ свое отечество и приведешь въ порядокъ всѣ свои дѣла, то ондайше какому нибудь честному человѣку, имѣющему крайнюю нужду въ деньгахъ, эти 10 луидоровъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что бы и онъ, когда только будешь въ состояніи, возвратилъ ихъ точно такимъ же образомъ. Надѣюсь, что эта небольшая сумма перейдетъ черезъ многія руки, прежде, нежели какой нибудь плутъ прерветъ ея обращеніе. Состояніе мое не позволяешь мнѣ умножать моихъ благошвореній; по крайней мѣрѣ я радъ, что нацель хоть это средство дѣлаешь до-

вольно добра посредствомъ маловажной суммы.

Съ Фран. Ан.

Бѣда бѣду родитъ! — Мужу подвели верховую лошадь; онъ садится на нее, но лошадь поднимается на дыбы...и сбрасываетъ сѣдока. Жена, смонрѣвшая въ окно, падаетъ въ обморокъ. Кучеръ ловитъ коня, но раздраженное живописное спремипельно бросается на кучера и сшибаетъ его съ ногъ. Служанка, бывшая внизу, бѣжитъ къ барынѣ; но взбѣжавъ на верхнюю снупеньку, спотыкается и лепитъ съ лѣстницы. Другая служанка, въ поропяхъ, опирая шкафъ съ лѣкарствами, такъ сильно повернула ключъ въ замкѣ, что шкафъ падаетъ на нее со всѣми банками и спклянками. Лакей вмѣстѣ съ полошентомъ, которое онъ снималъ съ полки, чтобы вынести его барину, выдергиваетъ бумагу съ нюхальнымъ табакомъ и засыпаетъ себѣ глаза. Сколько паденій въ продолженіи прехъ минутъ! И все это опъ шмѣля! опъ шмѣля, который укусилъ лошадь въ ту минушу, когда на нее сѣлъ баринъ. (historique).

Еслибъ нужно было издашь собраніе провинціального эпископа, провинціальныхъ обрядовъ, обыкновений и приличій, то первое мѣсто въ этомъ достопочтенномъ Комишенѣ заняла бы, по всѣмъ правамъ, Г-жа N . . . Она родилась, выросла и соснарьблась въ провинціи, не опсупая ни на шагъ опъ заведеннаго порядка, а эшопъ порядокъ зашвердила она съ 1763 года! Бѣда съ нею и съ ея порядкомъ! За то она мученица на бѣломъ свѣтѣ! Все ее огорчаешъ, все ее превожисъ и оскорбляешъ! Съ досадной и гордой миной разсказывала она о дерзоспи молодыхъ людей нынѣшняго времени.—“Вообразите, *Матибъ* *)! приѣхала я къ Совѣшницѣ. Чшожъ бы вы изволили думанъ сдѣлалъ ея сынокъ, чшо изъ Нивирсиннепа приѣхалъ! Подхвашилъ меня подъ ручку, какъ я пошла съ лѣстницы! Какъ бы вы думали? да, да! Слыхали ли вы про эшакія чудеса? Не ушерпѣла я, вырвала опъ него руку и воропила въ комнашы . . . къ опцу и

---

*) *Матибъ*, ш. е. машушка, или машъ моя.

пожаловалась на ученаго неуча! Да, *матишъ!* Право такъ!,,—Попомъ зашелъ разговоръ о визитныхъ билетахъ. Г-жа N, съ улыбкою, или съ насмѣшливою гримасою начинаеть: “Что это, *матишъ* за чудака приѣхаль къ намъ изъ Пипирбурха! Совѣшникъ-шо! Приѣжаеть къ намъ, не заспаль насъ и оспавляеть, добро бы одинъ билетецъ, нѣшъ, *матишъ* . . . два билетца! Извольше подумашъ! Говоряшъ, въ иныхъ домахъ по при, по чепыре оспавляль! И вѣдь это не по ошибкѣ, *матишъ!* Нѣшъ! Видише нынчѣ мода такая!,,—И когда ни увидише вы ее, во всякое время и во всякой часъ, она вѣчно жалуешся, что все не такъ, все не поспарому.

Нужда науцитѣ калати ѣсть. Вошъ, пословица, копорой долго я не понималь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ жаловашся на нужду, если можно ѣспъ калачи? Наконецъ, одинъ спаричекъ доказаль мнѣ, что почно нужда, одна шолько нужда заспавляеть ѣспъ калачи. Предки наши жили не такъ, какъ мы живемъ. У нихъ всякой жилъ домомъ; они не знали ресцорацій, ресшоратионовъ и распирацій. Они спыдились.

что либо гоповое съѣспное *покупать*, а попому калачи продажныя, съѣдались нищими и бѣдняками, копорые не въ состояніи были купитишь муки. Тогда, въ ихъ время полько одна нужда заспавляла ѣспть покупныя калачи!...Но какъ все перемѣнилось! Теперь роскошничаютъ Московскими калачами: калачня на Тверской снабжаетъ калачами прихощниковъ всей Россіи. Теперь не *нужда*, а уже *прихоть* учить ѣспть калачи.

Х. Н.

*****

О новыхъ книгахъ.

1. *Басни и Сказки Александра Измайлова, съ присовокупленіемъ* Опыта о разсказѣ Басни и разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ фабулистовъ, въ трехъ частяхъ. Изданіе пятое, вновь исправленное и умноженное. Съ эпиграфомъ изъ Лафонтена: *A beaucoup de plaisir je mêle un peu de gloire.* Часть I. С. п. б. Въ Морскій Типографіи, 1826 въ большую осмушку, 94 стран. При сей книжкѣ заглавная виньетта, или фронтисписъ.

Четвертое издание *Басень и Сказокъ А. Измайлова*, напечатанное предъ симъ за пять лѣтъ (въ 1821 году) давно уже раскуплено. Между темъ Сочинитель, написавъ вновь нѣсколько Басень и Сказокъ и исправивъ по возможности прежнія, приступилъ нынѣ къ пятому изданію, которое состоятъ будешь изъ трехъ отдѣленій, или частей. Въ первой помѣщены собственно такъ называемыя *Басни*, или *Апологи* и *Притчи*; во второй *Сказки*; въ третьей *Опытъ о разказѣ Басни и разборѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ фавулистовъ*. Изданіе сіе печатается въ 8 ку большаго формата на хорошей бумагѣ чепкими и красивыми буквами и, если будешь довольно число подписчиковъ, то украсится, сверхъ фронтисписа, или заглавнаго листка, искусно гравированными каршинками, а можетъ быть и порепромъ Сочинителя. Вторая книжка, содержащая въ себѣ *Сказки*, оканчивается писаніемъ, а третья: *Опытъ о разказѣ Басни* выдешъ въ Ноябрь мѣсяцѣ. Подписка на сіе пятое издание принимается въ С. Пешербургѣ, у самаго Сочинителя *А. Е. Измайлова* 5 класса, живущаго на Пескахъ, противъ бассейновъ, или прудовъ, въ каменномъ трехъэтажномъ домѣ наследниковъ Моденовыхъ № 306; въ книжныхъ магазинахъ *А. Ф.*

Смирдина и И. В. Сленина, также въ лавкахъ Глазуновыхъ, Заикиныхъ и прочихъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ у А. С. Ширяева. Подписная цѣна назначается самая умѣренная, за всѣ при часпи 15 р. За пересылку иногороднымъ прилагають не нужно. Имена подписавшихся припечатываются при прешьей часпи.—Первая книжка, ш. е. *Басни*, продается особо по 6 р. Иногородные прилагають за пересылку 25 к. серебромъ.

2. *Сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ Александра Измайлова, въ двухъ частяхъ. Съ эпиграфомъ: Трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ. Часть первая. Проза. С. п. бургъ. Въ Морской Типографіи. 1826 г. въ большую 8 ку. 200 стран.*

Содержаніе: Ибрагимъ, или Трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ. *Восточная Повѣсть*.—*Были и Анекдоты*: I Чершова шочность. II. Правосудіе Рускаго Барина. III. Спряпчій Мирошворовъ. IV. Красныя дѣши. V. Рѣдкая Жена. VI. Новый Ермакъ. VII. Распочительность и Неблагодарность.—*Письма*: I. Въ Екашеринбургъ, къ Н. А. Ш. (объ экзаменѣ, бывшемъ въ Училищѣ благородныхъ дѣвиць при С. п. бургскомъ Женскомъ Папріопическомъ Обще-

сплвѣ 1 и 2 ч. Февраля 1822 г.) II. Къ Редактору *Вѣстника Европы* М. Т. К. (о праздникѣ по случаю десятильїя Сына Отечества.) III. Въ Москву, къ П. Л. Я. (о наводненїи въ С. п. бургѣ). IV. Къ старшей моей дочери *Настинькѣ* (Повѣдка на Александровскую Мануфактуру.)—*Слѣбсъ*. Рыжій Конь, Элегическая, или Романшическая Поэма. Чшо нужно Акшеру? Такъ, шакъ, или разговоръ Дмитрія Пепровича съ Трофимомъ Аншиповичемъ. Губа. (Разговоръ опца съ сыномъ.) Мысли при гробѣ С. Д. П. Наспавленіе спараго Индѣйскаго мудреца молодому Государю. — *Маленькіе Разговоры*: I. Сюрпризь. 2. Издапель Благонамѣреннаго и Спихопворецъ. 3. Баринъ и Слуга. 4. Судья, Ошкупщикъ и Слуга. 5. Факшоръ и Неизвѣспный. 6. Книгопродавецъ, Слуга и Любипель Словесности. 7. Госпья и Невѣста. 8. Госпья и Дишя. 9. Журналистшъ и Спаруха. 10. N. N. и Спаруха. 11. N. и Вдова Побирашкина. 12. Дама и сѣмейштво Бѣдняковыхъ. 13. Баринъ и Слуга. 14. Дядя, Племянникъ и Каммердинеръ. — Саширическія Вѣдомости.—Русскіе Анекдоты.—Подписка на сію книгу принимается шамъ же, гдѣ на *Басни и Сказки* А. Измайлова. Подписная цѣна за обѣ части 10. р. Имена подписавшихся припечатанюся при 2 части. Первая книжка продается особо по 7 р.

3. *Новые Разговоры Россійскіе и Греческіе, раздѣленные на сто уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ учиться силъ языкамъ, изданные Дмитріемъ Пападопуломъ. С. п. б. Въ шип. Деп. народнаго просвѣщенія. 1826, въ 8 ку, 252 стр.*

Сія очень хорошая учебная книжка, составленная молодымъ, образованнымъ Грекомъ, слушающимъ нынѣ курсъ Врачебныхъ Наукъ въ здѣшней Медико - хирургической Академіи, продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ И. П. Глазунова, въ папкѣ по 5 р. 50 к., въ корешкѣ по 6 р.

~~~~~

Маловажный сбытъ изданія Греческихъ Классиковъ долженъ спроволъ бы удержашъ меня не только оупъ объявленій оупъ оппечашаніи книгъ, составляющихъ сіе собраніе, но и оупъ продолженія самаго изданія. Но желаніе бытъ, по силамъ моимъ, полезнымъ побудило меня данъ слово почтеннѣйшей публикѣ, продолжашъ сей трудъ. Исполняя оное со всею ревностію, я въ шеченіе перваго шрехлѣшія издалъ чешыре шворенія въ десяти частяхъ; изъ числа книгъ, предположенныхъ мною къ изданію въ настоящемъ шрехлѣшій, въ семь году оппечашана *1 часть Иродотовой Исторіи*, о копорой уже объявлено чрезъ періодическіе

лишны. Нынѣ ошпечашана *I часть Олировой Одиссеи*, изъ шести Пѣсней состоящая, и *Сочиненіе Лонгина о Высоколѣ*. Къ концу текущаго года, или въ началѣ 1827 года ошпечашается *I часть Пиндара*, содержащая въ себѣ *Оды Олимпійскія и Пивійскія*.

Въ 1827 году ошпечашаны будутъ *II часть Пиндара*, заключающая въ себѣ *Оды Немейскія и Исомитескія*; *II часть Одиссеи*, состоящая изъ 6 Пѣсней; *II и III части Иродотовой Исторіи*; ш. е. книги: *Фалія, Мельпомена, Терпсихора и Эрато*.

Въ 1828 году изданы будутъ *III и IV части Одиссеи*, изъ коихъ въ каждой по 6 Пѣсней; *IV и V части Иродота*; ш. е. *Поллигилія, Уранія и Калліона*, съ присовокупленіемъ жизни *Олира* — сочиненія, приписываемаго *Иродоту*; и второе изданіе *Анакреона*, бѣлыми стихами и прозою, съ присовокупленіемъ переводовъ и подражаній *Ломоносова, Державина* и другихъ.

Всѣ сіи книги снабжены *Филологическими, Географическими и Историческими примѣчаніями*, выбранными изъ древнихъ и новѣйшихъ Писателей, и моими собственными.

Подписывающіеся на все сіе изданіе, въ печеніи шрехъ лѣтъ имѣющее продолжаться, начиная съ сего 1826 года, или едино-временно вносятъ впередъ за книги съ *Греч. текстомъ, Русскимъ переводомъ и*

примѣчаніями, по 135 рублей; а за одинъ переводъ съ примѣчаніями по 90 рублей; или ежегодно впередъ: съ Греч. текст. по 50, безъ онаго по 35 рублей.

Подписывающіеся на одну которую либо или нѣсколько книгъ, но не всѣ, платятъ впередъ:

Сб Рус. перев. Греч. текст. и прилѣт. *Безъ Греч. текста сб прилѣт.*

1) За <i>Одиссею</i> въ IV ч. 50. р.	30 руб.
2) — <i>Исторію Иродота</i> въ V часняхъ	70— 50 —
3) — <i>Пиндара</i> въ II ч. 30—	20 —
4) — <i>Лонгина</i>	10— 8 —
5) — <i>Анакреона</i>	10— 8 —

Подписка принимается въ Санкт-Петербургѣ у всѣхъ Русскихъ книгопродавцевъ и у меня; въ Москвѣ у Коммиссіонера шамошняго Университета Александра Сергѣевича Ширяева.

Въ пѣхъ же мѣспяхъ можно получить и изданныя въ прежнее прехлѣшіе книги сего собранія, кои споятъ:

Сб Рус. пер. Греч. подл. Одинъ Рус. переводъ съ прилѣтаніями: *водъ сб прилѣтан.*

1) <i>Иліада</i> въ IV часн. 60 р.	40 руб.
2) <i>Трагедіи Софокла</i> въ IV часняхъ	35 — 20 —

Каждая Трагедія по-

рознь по . . .	5	—	3	—
3) <i>Ильи Каллимаха</i>	10	—	7	—
4) <i>Басни Езоповы</i> .	10	—	5	—

Всѣ же сіи книги вмѣстѣ съ Греческимъ текстомъ, Рус. переводомъ и примѣчаніями спояшъ 125 руб.; въ одномъ Русскомъ переводѣ съ примѣчаніями 70 рублей.

Сверхъ сего въ тѣхъ же мѣстахъ продаются мои Ботаническія книги: 1) *Техно-Ботаническій Словарь* по 15 р. 2) *Три Ботаника*, по 5 р. и 3) *Словарь родовыхъ именъ растѣній*, по 6 рублей.

Жишельство мое на Васильевскомъ Островѣ по Невѣ въ 9 линіи, въ домѣ купца Коссиковского.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Иванъ Мартыновъ

Санктпетербургъ.

1826 года.

Благотворенія.

Издашель *Благонамѣреннаго* получилъ 29 Мая, изъ Сарашова опъ неизвѣснаго благошворителя для доставленія бѣднѣйшей вдовѣ и дѣшамъ покойнаго Тип. Сов. Лапина *пятьдесятъ* рублей 50р.

Доставлены лично Издашелемъ и приняшы со слезами сердечной благодарности. Гжа Лапина живешъ съ несчастными своими сиротами близъ церкви Владимірскаго Божіея Матери въ домѣ вдовы умершаго Священника Елисаветы Васильевны.

Прислано еще къ нему опъ неизвѣсныхъ благошворителей для доставленія премо бѣднымъ, пожилымъ и больнымъ дѣвицамъ Михайловымъ:

5 Іюня, опъ <i>А. Инт.</i>	10р.
30 Сенсября опъ добрѣйшей дамы .	15—
— — — — — <i>В. Д.</i>	15—
	<hr/>
	40р.

Доставлены.

Прислано для раздачи бѣднымъ, по усмошрѣнію Издашеля:

20 Іюня, опъ <i>М. М. Я.</i>	50р.
4 Августша опъ неизвѣсной дамы	25—
	<hr/>
	75р.

Изъ нихъ роздано:

Бѣднѣйшимъ опшпавнымъ чиновникамъ:

М.	10р.
Сап.	10—
Т.	5—
Бѣднѣйшимъ дѣвицамъ Г.	15—
Увѣчной дѣвицѣ Балашевой	10—
— — — — — Егоровой	5—
Вдовамъ Сисенани и Вайковой по 5р.	10—
Бѣднѣйшему больному иностранцу Г.	10—
	<hr/>
	75р.
	<hr/>
	Всего 165р.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXIV ЧАСТИ,

Стихотворенія

Оды:

	Стран.
Охотскъ	11.
Мечъ	206

Пѣсни, Романсы, и проч.

Тоска	17.
Весенняя пѣсня	99.
Хоть не расши права	107.
Не пруби пруба	173.
Албанская Пѣсня	205.
Измѣнницъ	209.
Неизвѣстность	210.
Гласъ невинности и благодарности	212.
Глупцы	213.

Посланія:

Полинъ, на смерть нашего малюшки	100.
Кумъ Спихотворицъ	102.
Куму Спихотворцу	104.
Къ А. А.	165.
— В—ву	204.
Дѣвицъ N. N., подарившей мнѣ би- серное перо своей работы	215.
Ө. Н. Слъпушкину	316 и 369.
Къ С. Г.	367.
Къ ней же	368.

Элегіи:

Любовь, любовь! веселымъ днемъ	168.
--	------

Какъ милая дѣва, какъ Ангелъ небес- ный	315.
Сынъ надъ гробомъ отца	363.
Пловецъ	365.
Болезнь ожиданія	566.

Сказки:

Спрѣлки	22.
Невольное сознание	172.
Трубочиспъ и Угольникъ	318.
Франшъ и Парикмахеръ	370.

Смѣсь.

Мои воспоминаія	18.
Въ альбомъ моему другу и ученику А. Е. Массу :	21.
Любимый пиръ	102.
Невинность	166.
Ошвѣпы на вопросы	169.
Въ альбомъ А. П. Б.	175.
А. Х. Бенк—фу	314.
Льшець	319.
Надгробія	176.
Эпиграммы	108.

Проза.

Повѣсти и Анекдоты:

Вечеръ на Альпійскихъ горахъ	3.
Странный поединокъ	24.
анье Папы	135.
счасія	138.

Планъ новѣйшаго романа <i>Барбатонъ</i> и <i>Аврора</i>	142.
Мужь-Извощикъ	237.
Софія и Генрихъ	240.
Новое лѣкарство опъ лихорадки	265.
Дѣва Пфлишбургская	272.
Мало снаружи, много внутри	303.
Путешествіе въ Версаль	341.
Пиръ Хозроя	354.
Абдуль-Вагеба	356.

Идилліи:

Флейша	161.
Пшичка	164.

Нравы и Характеры.

Парижъ въ миніашюрѣ	58.
Несчастный	127.
Я не хожу болѣе въ шапуръ	130.
Сшарое посшарому	150.
Причудинь	197.
Два живописца	201.
Сшасшливый день извощика	228.
Недаромъ	248.
Разнощикъ оспрыхъ словъ	250.
Ошмѣна бала	252.
Журналъ модной богомолки	261.
Нѣкошорыя чершы изъ общешвенной жизни	294.
Обязанности ошцевъ	327.
Высокомѣрный	334.
Вѣжливосшь	337.

IV

Спран.

Каковъ отецъ, шаковъ и сынъ	340.
Что скажешь?	349.
Жалобы супружескія	552.
Потерянный ридикюль	559.

Живописныя путешествія.

Опрыжки изъ путешествія Лорда Бей- рона въ Корсику и Сардинію.	182.
Ощещь въ путешествіи <i>И. В. П.</i>	217.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

О Голландцахъ въ отношеніи любви къ опечесству	45.
Нѣчто о водопадѣ, воспѣномъ Дер- жавинымъ	57.
Опрыжки изъ путешествія въ Персію.	67.
Нѣчто о нравахъ Англичанокъ	179.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Апологи въ четвероспишіяхъ	109.
О новыхъ книгахъ . . 194, 260, 324 и 382.	

IV. СМѢСЬ.

Предисловіе къ альбому одной прекрас- ной женщины	177.
Заданныя слова	256.
Мысли и замѣчанія	60 и 371.
Вписки изъ новѣйшихъ журналовъ	49 и 124.
Анекдоты	55, 256, 320 и 377.
Благосворенія	64 и 390.

